66.3(2Рос)5
Ш51

ЮВАН ШЕСТАЛОВ

Самая чистая радость

ЮВАН ШЕСТАЛОВ

Самая чистая радость

Новому году –
человеку самой
чистой радости.
От автора
Юван Шесталов
09.01.87.

Спасибо за добрый совет!

ЛЕНИЗДАТ · 1985

Ханты-Мансийск

Шесталов Ю.
Ш51 Самая чистая радость. — Л.: Лениздат, 1985. — 192 с.

«Самая чистая радость — радость природы». Эти слова, принадлежащие Л. Н. Толстому, взял эпиграфом к своей книге лауреат Государственной премии РСФСР имени А. М. Горького ленинградский писатель Юван Шесталов. Это — лирико-философское повествование о взаимосвязи человека и природы, о судьбах народа манси, представителем которого является автор, и о тех переменах, которые претерпевает земля его отцов в связи с интенсивным промышленным освоением.

Автор рассказывает о рыбоводах, лесниках, охотоведах — тех, кто связал свою судьбу с природой и ее охраной.

Предназначена массовому читателю.

20.1

ий сотрудник
елов

Юван Николаевич Шесталов

Самая чистая радость

Заведующий редакцией Ю. К. Хрящев. Редактор В. В. Александрова. Мл. редактор И. М. Вдовина. Художник М. Д. Магарил. Художественный редактор А. А. Власов. Технический редактор Г. В. Преснова. Корректор З. А. Ривкина

В книге использованы фотографии С. Лидова, В. Новикова, М. Заплатина и из архива Лениздата.

ИБ № 2958

Сдано в набор 28.01.85. Подписано к печати 03.10.85. М-27434. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Гарн. обыкнов. нов. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,40+вкл. 0,70. Усл. кр.-отт. 12,43. Уч.-изд. л. 9,62. Тираж 50 000 экз. Заказ № 805. Цена 55 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата. 191023. Ленинград, Фонтанка, 57.

© Лениздат, 1985

Государственная библиотека Югры

РФ

Самая чистая радость — радость природы.

Л. Н. Толстой

К читателям этой книги

«Самая чистая радость — радость природы». Эти слова Льва Николаевича Толстого взяты эпиграфом к книге, в которой причудливо переплелись реальность и фантазия, стихи и проза, фольклор и публицистика.

О чем же новая книга Ювана Шесталова?

Справедливо было бы сказать, что она о прошлом, настоящем и будущем человека и природы. Или, точнее, человека как части природы. О прошлом, потому что «сама история является действительной частью истории природы, становления природы человеком» [1]. *Мы, современники НТР, века атома и космических кораблей, с невольным превосходством относимся к наивным представлениям древних о природе. И все же разве это мешает нам проникнуться уважением, к примеру, к жителям Сибири эпохи мезолита, которые тщательно закапывали мусор и остатки пищи в отдалении от своих стоянок. Может, таким образом закладывали они в сознание будущих поколений зачатки бережного отношения к природе.*

Древние племена охотников и рыболовов интуитивно чувствовали необходимость охранять окружающий их мир растений и животных от напрасного истребления. Придумывали всевозможные ограничения, запрещения, обряды. Когда же убивали зверя, извинялись перед ним: «Не я тебя убил, другой...» Отголоски этих верований сохранились и в фольклоре, обычаях ханты и манси — народов охотников и оленеводов, чья жизнь была тесно связана с природой, очень зависела от их умения приспособиться к ней. Обо всем этом увлекательно повествует Юван Шесталов, представитель народности манси. Обращаясь к нравственному опыту народов Севера, которые за годы Советской власти совершили невиданный рывок в своем развитии, он размышляет о своих предках, испытывавших чувство единения

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 42, с. 124.

с природой. Автор верит, что такое единение будет возможно в дальнейшем, но уже на качественно ином уровне. В этом убеждают его перемены, происходящие на земле его предков, где рождается крупнейший Западно-Сибирский территориально-производственный комплекс, главный топливно-энергетический цех страны.

Возможно ли свести к минимуму ущерб, наносимый в условиях интенсивного освоения края чувствительной и ранимой северной природе? Не обернется ли возможный урон природы уроном личности человека, личности северянина? Ведь Север не только заставлял человека вступать в единоборство с суровой природой. Он учил его, учил мудро и сурово. В современном мире, когда проблемы охраны окружающей среды приобрели глобальные масштабы, важно комплексно, планомерно подходить к их решению. Такой подход заложен в нашей Конституции, в политике партии и правительства, в постоянно совершенствующемся законодательстве об охране природы.

Когда книга готовилась к печати, Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «Об усилении охраны природы в районах Крайнего Севера и морских районах, прилегающих к северному побережью СССР», который предусматривает систему мероприятий по комплексной охране природы Севера: создание целой сети заповедников и заказников, установление особых требований к хозяйственной деятельности человека, его передвижению в этих районах, ограничения на добывание диких зверей, птиц и других животных, усиление ответственности виновных в нарушении Указа. Но закон становится действенным тогда, когда приобретает силу нравственной нормы человека, заповеди, веления сердца.

Эта книга о будущем, потому что все мы — дети Земли. И защита природы, борьба за мир — это наш долг перед будущими поколениями людей. Жизнь — бесценное достояние человечества. Автор верит в силу жизни, в человека. Верит в его миссию творца и созидателя, который, словно сказочный герой Мирсуснэхум, черпает силы и мощь в любви к родной земле, в своей связи с природой.

Добрая сказка — товарищ в пути

Калтащ-эква, жена Верхнего духа Торума, однажды сказала:

— Ты, муженек, не так живешь!

— А как это не так?

— Да плохо живешь, не так, как положено Высокому духу, Верхнему духу, Хозяину неба.

— Как так плохо? Вроде все у нас есть. Реки небесные текут, плещутся в них рыбы. Леса небесные стоят, зеленью шумят. В лесах звери играют. А над лесами, над озерами, над реками птицы летают. Видишь, в каком царстве мы с тобой живем! Чего тебе не хватает?

— Многого не хватает!

— Женщинам всегда не хватает!..

— Не хватает, не хватает! А скажи, в каком доме живешь?!

— В нормальном живу: ветер не ходит, мороз не морозит, жара не донимает...

— Эх ты! Все давно живут в дворцах из звериной да рыбьей кости. А ты живешь в халупе: чум не чум, дом не дом. Я, кабы на твоем месте была, в таком доме жить не стала бы.

— Почему?

— Такому Высокому духу стыдно должно быть. На твоем месте я всех птиц и зверей поубивала бы, а такой дворец отгрохала, что все ахнули бы!

— Ты что, спятила? Нельзя так делать! А что будут есть люди?

— Разве ты не бог? Перед кем тебе отвечать?

Опустил Верхний дух голову, задумался.

И послал Верхний дух шуку собирать рыб. А зверей и птиц доверил куличку. Куличок — птица невзрачная, да ноги у нее длинные и хвостом перед всеми умеет вилять. А о щуке и говорить нечего: пронзительными щучьими глазами все высмотрит, острыми щучьими зубами кого надо хватит, а то и проглотит.

Долго ли, коротко ли, но скоро все собрались. Прилетели птицы, прибежали звери, приплыли рыбы. И смотрит Верхний дух: все ли здесь? Может, кто-то не пришел? И правда, не оказалось филина, медведя и росомахи.

— А где росомаха, медведь, филин?— спрашивает Верхний дух.

— Не знаю. Не видел я их,— отвечает куличок.

— Иди сходи, найди мне их. Хотя бы филина.

Полетел куличок искать филина. Летал, летал куличок, чуть ли не весь лес облетал, наконец видит на высоком кедре сидит филин, то ли дремлет, то ли думает думу.

— Филин, звали тебя.

— Кто звал?

— Верхний дух.

— Зачем?

— Всех рыб, птиц, зверей собирает. А зачем — сам у него узнаешь.

— Ты иди,— отвечает филин,— а я прилечу потом.

Полетел куличок, к Верхнему духу вернулся.

— Нашел филина?

— Нашел.

— Летит?

— Прилетит, говорит.

Ждали, ждали — нет филина.

— Куличок, слетай-ка еще, да поскорей. Что его долго нет? Что он там делает?

Взмахнул куличок крылышками, полетел к высокому кедру. Видит, филин как сидел, так и сидит.

— Филин, что ты здесь делаешь?

Сидит филин, молчит.

— Ты что, оглох?— кричит куличок тоненьким голоском.— Иди скорей, звали тебя.

— Ты иди, иди, иди! Я за тобою буду.

Вернулся куличок к Верхнему духу.

— Идет, а?— спрашивает Верхний дух куличка.

— Сказал: «Сейчас буду».

— Что он там делает?

— Сидит.

Ждали-ждали — нет филина.

— Что это такое!— возмущается Верхний дух.— Совсем потеряли страх. Ни Верхнего, ни Нижнего духа не слушаются! Слетай-ка, куличок, да поскорей. И живо ко мне!

Прилетел куличок к тому высокому дереву, филин как сидел, так и сидит на том же месте.

— Филин, звали тебя, иди же скорей. Летая к тебе, я совсем обессилел.

Помолчал-помолчал филин, потом и говорит:

— Ты иди-лети, скажи Верхнему духу, окна пусть настежь раскроет.

Вернулся куличок.

— Ну как, идет?

— Прилетит, наверное. Он так сказал: «Верхний дух пусть раскроет окна настежь».

И раскрыл Верхний дух окна и стал ждать. Долго ли, коротко ли ждал, филин прилетел, на подоконник уселся. Спиной внутрь повернулся, лицом наружу.

— Что ты, филин, сел ко мне спиной?— спрашивает Верхний дух.

Молчит филин.

— Скажи мне, филин, что ты делал на вершине дерева? Куличок за тобой три раза летал.

Молчит филин.

— Я всех птиц, рыб, зверей убить хочу,— продолжал Верхний дух,— а из костей дворец построить. Ты что скажешь?

Филин — ни звука. Молчит филин.

— Как ты думаешь, филин, можно всех убить?

Молчит филин. В третий раз спрашивает Верхний дух:

— Ну что ты думаешь?

— Ничего не думаю,— изрек, наконец, филин.

— А почему ты молчишь, не отвечаешь?— допытывается Верхний дух, озадаченный поведением мудрой ночной птицы.

— Стоит ли отвечать, слыша такое от самого Хозяина Верхнего мира!

— А что, у меня семь пядей во лбу? Разве один я должен думать о судьбах мира? И вы тоже должны помогать. Вот по-

тому и позвал тебя. Может, повернешься ко мне? И мы побеседуем по-дружески.

— Не повернусь, пока ты так думаешь. А вот побеседовать можно. Да только не сейчас, а когда звезды на небе зажгутся и ночная птица станет видеть не только глазами.

И договорились Верхний дух с филином побеседовать вечером, когда появится луна на небосклоне и звезды мудрые зажгутся.

Настал вечер. Заря вечерняя стала гаснуть. Звезды зажглись. Луна появилась на небосклоне. Верхний дух открыл окна настежь. Прилетел филин, на подоконник уселся.

— Что ты, филин, опять сел ко мне спиной?— спрашивает Верхний дух.

— Разве ты, Великий Верхний дух, не знаешь, что у филина и зрение устроено не так, как у всех. По-разному мы с тобой смотрим на мир, по-разному видим. Какое между нами может быть взаимопонимание?

— Тебя, филин, называют мудрым. Ты лучше, чем кто-либо, знаешь законы разума и природы. Поэтому все, что хранишь на сердце, ты должен откровенно высказать.

— Ничего нового не могу поведать тебе, Хозяин Верхнего мира. Могу повторить только то, чему учит искусство мудрости природы.

— Вот и скажи.

— Несовершенен ум человеческий. Он вечно бьется в сетях заблуждений. Спрашивай снова и снова, спрашивай у мудрых даже о том, что хорошо знаешь...

— Так-то оно так. У получившего совет рождается склонность к размышлению, решительность, понимание. А без ясного понимания стоит ли начинать большое дело?

— Так-то оно так. Мудрые называют совет корнем успеха. Душа совета — разум. Разум — лучший хранитель совета. Есть ли у Хозяина разум?

— Обижаешь меня, филин. Если бы не было у меня разума, разве я пригласил бы тебя на совет?

— Если ты, Верхний дух, и на самом деле нуждаешься в моем совете, то остальных ты должен удалить. Лучше сохранится тайна, если ее слышат двое.

— Как скажешь, так и будет. Все от тебя зависит. Ты должен мне помочь.

— Помогу, если ты, Хозяин Верхнего мира, отгадаешь мои загадки.

— Ты предлагаешь поиграть в загадки?

— Да, божественный. Поиграем в загадки. Моя загадка: на земле зеленой растущих деревьев больше или засохших?

— Растущих больше,—отвечает Верхний дух,— сухих меньше.

— Хе! Сухих больше.

— Как так больше? Я думаю, сухих мало.

— Слабо ты думаешь, Хозяин. Знай, божественный: дерево, сердцевина которого сухая, то дерево уже неживое. Только то живое, у которого сердцевина здоровая.

— Ну, тогда верно. Сухих деревьев больше.

— Моя загадка: кого узнаешь в беде?

— Друга.

— Кого узнаешь в битве?

— Героя и труса.

— Кого узнаешь при дележе?

— Честного.

— Моя загадка: в чем достоинство друга?

— В искренности, честности, преданности, доброте, щедрости, мужестве. И друг для друга должен быть мужественным.

— Моя загадка: свой он мне! Чужой он мне!— кто так рассуждает?

— Люди, низкие помыслами, так рассуждают.

— Для кого мир — единая семья?

— Для благородных духом мир — единая семья.

С тех пор вечерами, когда на небосклоне зажигались мудрые звезды, Верхний дух с филином часто вели беседы, пытаясь отгадать вечные загадки Жизни.

Слово перед дорогой

Хорошее слово —
товарищ в пути.
Хорошее не забывается.
Хорошее не умирает,
как солнце,
вода,
олень,
собака,
человек.

Сначала была сказка... Может, время сказок прошло? Говорят, теперь детям их редко рассказывают. Новое поколение не воспитаешь одними старинными преданиями. В современных людях верх берет каждодневная реальность. Они не чувствуют в себе ни великих охотников, победивших медведя в рукопашной схватке, ни удачливых рыбаков, поймавших метрового осетра. И все же в мире, где мы живем, вечно приходится с чем-то бороться... Может, время сказок и прошло. Но земля предков, овеянная легендами, остается. Черпать силу в добрых сказках — разве это старо? Ощутить нерасторжимую связь с землей предков да поможет Сказка!

Знаю, в каждой сказке скрыты свои тайны; их нужно разгадать, сделать понятными и простыми.

Сказка, быть может, немного приоткроет истинный смысл жизни, полной, как и прежде, вечных загадок. Черпать силу в мудрых сказках — да поможет Слово!

И человек рождается,
чтоб оставлять следы.
Добрый его след,
как звездный путь.
Добрый свет — товарищ в пути.

* * *

Первые мансийские сказки и я услышал от дедушки. Теперь я сам дедушка. У меня родился внук. У него два имени: Станислав и Миколка. Миколкой называю его я. Николаем звали моего отца. Мой отец умер незадолго до рождения Станислава. И мне все время кажется, что в нем снова «проснулся» отец.

Впрочем, так всегда думали мои предки... Возможно, во мне живы их суеверия. Ну, а что плохого в том, что мы ищем сходство с нашими родителями в своих детях?

И Станислав хорошее имя. Пусть мой внук станет славным!..

Восславь большое дерево,
Подарившее тебе орехи.
Воспой большую реку,
Подарившую тебе рыбу:
Красота радует восхваляющих.

* * *

Я помню моего дедушку, как реку, как лес, как небо... Помню его маленькую избушку, помню его сказки с их великим духом доброты.

Главная сила человека — сила духа. Кто обладает ей — тот из беззащитного существа природы превращается в непобедимого.

Вспоминая о своем дедушке, мне хотелось думать о корнях человека, о его духовном начале, о его тихой мудрости.

Человек должен иметь неразрывную связь с прошлым, должен ощутить себя потомком, предком, хранителем сказок.

Найди во взоре своем теплые струи света,
Взгляни на мир
Добрым взглядом большого сердца;
Красота награждает жаждущего
Истинной красотой!

* * *

В детстве мне загадывали загадки. Дедушка, бабушка, сверстники мои загадывали мне загадки. А я должен был отвечать. Дедушка загадывал загадки обычно у очага, в котором играл веселый огонь.

Бабушка загадывала загадки, укладывая меня спать. Сверстники мои загадывали загадки всегда — днем и ночью, утром и вечером, когда мы были вместе. И я всегда должен был найти ответ.

Загадка — приглашение к размышлению о земле и небе, об огне и воде, о природе и человеке.

Было время — я искал ответы на загадки детства. Настало время новое, новые вопросы ставит жизнь передо мной. Но, как и прежде, я должен отвечать на них. Только ответы мои подсказаны не таежной сказкой, а новой, современной жизнью с ее сказочным ускорением, не успевающим запечатлеться ни в сказке, ни в загадке.

Вспоминая сказки дедушки, удивляюсь теперь его странному мироощущению. Но тогда мне все казалось естественным. Асьойка не видел никакой пропасти между собой и миром природы. Между собой и животными он ставил знак равенства. Он, кажется, ни одного зверя не считал глупее себя. В его глазах животные, как и люди, соединялись в семьи, племена, имели различные языки... Человек, лось, медведь, журавль, осетр — это все люди,

только они принарядились, чтобы скрыть свою сущность перед злыми духами. У зверей дедушка не только замечал чисто человеческие свойства, но находил и признаки превосходства: птицы летают, рыбы плавают, лоси бегают быстро, гагары предчувствуют непогоду... Считая все зверье как бы себе подобным, а порой даже превосходящим человека по силе, дедушка думал, что с животными можно воевать, мириться, можно им мстить, находить с ними язык дружбы и согласия. О согласии и гармонии говорилось во всех сказках дедушки.

Когда я слушал Асьойку, мне был ясен мир, мир животных и человека... Сегодня для меня все стало загадкой, и, размышляя над сказками дедушки, над его простым и странным мироощущением, я снова и снова думаю о человеке. О его прошлом, настоящем и будущем.

Я песнь живучую сложу
И брошу эту думу вдаль,
Ей в изголовье положу
И сердце, и свою печаль.

Слово-песня

Старик со старухой живут. Одни живут. Совсем одни. Нет у них даже кусочка земли. Кругом море. Да еще ветер. Ветер качает волны. Волны качают люльку. В люльке-домике живут старик со старухой. Жить им совсем несладко. Закричит ветер северным голосом — в южное море относит лодку, закричит ветер южным голосом — в ледяное море относит домик.

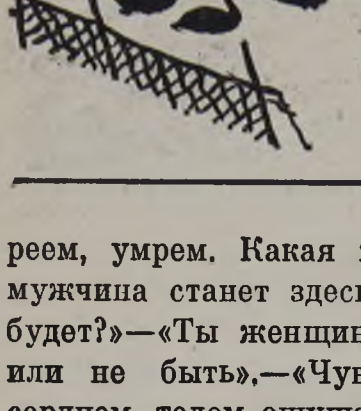
Качается люлька на волнах. Волны белые, шипучие. Люлька серебряная, а ободки ее золотые. А смастерил ее Торум, сам Отец неба. С неба высокого спустил он люльку на железных цепях.

«Нуми[1] Торум, батюшка наш! Если ты обрек нас быть творцами жизни, спусти нам кусочек земли! Мы бы на нем домик построили. Без земли невозможна жизнь в этом Среднем мире[2], где только море».

Не слышит их Торум. Качается люлька-домик на воде. И волны гонят ее, куда захочет ветер. Долго ли, коротко ли так жили, кто знает. Однажды старуха говорит: «Скоро наши руки потеряют силу, ослабнут ноги. Мы поста-

[1] Нуми — Верхний дух, главное божество у манси.

[2] По мифологии манси всего семь миров: три под землей, земля, три мира над землей.



реем, умрем. Какая женщина будет украшать этот дом, какой мужчина станет здесь хозяином? Неужели никого после нас не будет?»—«Ты женщина. От тебя зависит, быть новому человеку или не быть»,—«Чувствую, без меня не обойтись. Чувствую сердцем, телом ощущаю: начало времени человека, начало вечной человеческой жизни во мне».

Сказала и куда-то исчезла. Семь дней и ночей не было ее дома. Старик забеспокоился: «Куда жена запропастилась? Живая ты или мертвая?»— «Живая, что со мной, женщиной, может статься? Живая и не одна. Сына тебе родила. Трое нас теперь».

Открывается занавеска в углу. В руках улыбающейся матери крошечный человечек.

«Вот и наследник тебе»,— протягивая старику мальчика, говорит женщина.

«Хороший мальчик,— говорит старик.— Пусть растет. Кем-то он вырастет: строителем или разрушителем? Поживем — увидим, кем он будет. Тогда и имя дадим ему настоящее. А пока назовем его просто — Эквапыгрись. Сын женщины».

Долго ли расти песенному, сказочному человеку? Вот он уже бегает, играет. По дому носится, резвится. На лесных зверей мог бы пойти охотиться, если бы они были. И рыбу мог бы ловить.

Однажды он и говорит отцу: «Неужели мы будем так вечно жить? Болтаться на море, куда ветер подует. Может, на небо мне подняться да поговорить с Отцом Высшего неба — Торумом?»

Отец говорит: «Сынок, если в ногах твоих появилась сила, если в руках мощь заиграла, дерзай, попробуй подняться на

небо. Мы уже стары, от нас помощи не жди. Пусть Торум скажет про будущее, пусть научит, как жить дальше».— «Но как я смогу взлететь на небо? Крыльев у меня нет».— «У меня есть семикрылый железный конь. На нем прилетели мы к этой большой воде. Если сможешь совладать с ним — лети».

И полетел Эквапыгрись. Долго ли, коротко ли, прилетает он в Верхний мир, где обитал Нуми Торум, Хозяин неба. Идет Эквапыгрись по Верхнему небу и любуется высокими горами, широкими реками, озерами с прозрачной и пресной водой, такой непохожей на морскую, соленую, окружавшую со всех сторон их домик.

Наконец перед Эквапыгрисем распахнулись серебряные двери дворца Верхнего духа — Торума. Торум сидел на тропе, сидел с поникшей головой. Семь тяжелых кос, как семь тяжелых дум, тяжело опущены. Подошел Эквапыгрись к священному столу, сияющему солнечными узорами. Над столом склонил голову Торум, семь кос, как семь тяжелых дум, свесились. Долго молчал Торум, наконец молвил: «Сын мой, выросший в Среднем мире, какое горе привело тебя ко мне? Холод? Голод?»

Эквапыгрись лег к ногам Торума, потом встал и говорит: «Отец мой! Не о еде-питье беспокоюсь. Дума о будущем меня волнует. Разве можно жить вечно на все время волнующейся воде? Надо сотворить Землю. Невозможно без нее жить в Среднем мире. Я так думаю...»

Снова долго молчал Торум, затем молвил: «Сыпок! Ростом ты невелик, и руки твои слабы. А устремления похвальны, похвальна и дума твоя о будущем. Но чем я могу помочь тебе? Могу только дать тебе шкурку священной птицы — большой гагары,

Государственная библиотека Югры
РФ 17
-018439-

да в придачу — шкурку малой гагары... Бери и спускайся в свое море. Если в плечах своих, в руках своих ощутишь силу, если осенит тебя мудрость — то сможешь достать землю для людей...»

Поклонился Эквапыгрись в ноги Торуму, поблагодарил за подарки, да и направился в свою сторонку. Полетел обратно на железном коне, к отцовскому дому явился и говорит: «Милые отец-мать! Вот я принес шкурки, которые дал Торум. Есть ли у вас силы, с их помощью можно добыть землю...» — «Сынок! Что ты говоришь? Откуда нам, старым, взять сил и здоровья? В твои молодые руки ушла наша сила, твои плечи налились нашей мощью, в твоих глазах наше зрение. Как учил тебя Торум, так и поступай. Твое время настало...»

Вышел Эквапыгрись из дома. Нашел шкурку железной гагары. В этих тяжелых доспехах опустился под воду. Долго был под водой, чуть не задохнулся, а Нижнего мира не достиг. Пришлось выплыть. Отдохнул, снова нырнул. Долго ли, коротко ли плавал, не нашел земли. Задыхаться стал, снова пришлось всплыть. И на третий раз не смог достичь Нижнего мира Эквапыгрись. Устал до́ смерти и вернулся в родительский дом. Говорит родителям: «Дни и ночи я перепутал, ныряя в глубины вод, но земли не достал. Сила из рук моих ушла, мощь плечи покинула... Что делать дальше?» — «Спать ложись. Утро вечера светлее. И жизнь в тебе взыграет во всей красоте и силе»,— сказал отец. Огонь своим теплом убаюкал Эквапыгрися, а когда настало утро, вспомнил он про шкурку малой гагары. Нарядился в нее, и в образе малой невзрачной птицы опустился в океан. Долго ли, коротко ли плавал под водой, наконец вынырнул. В клюве кусочек земли. Кинул эту землю по ветру.

Где кусочки ее упали — острова среди моря выросли. Второй раз нырнул сын в море и снова в клюве достает землю. Кидает и ее. И там, где была безбрежная гладь океана, появилась земля, заплескалась вода полноводными реками, круглолицыми озерами. В третий раз нырнул сын на дно океана. И снова принес горсть земли. Разбросал ее во все стороны, удивился преображенному миру: зазеленела земля, заиграла, зашумела бескрайней тайгой, засверкала ярко-зелеными лугами, топкими болотами с красной ягодой морошкой.

Но вдруг заметил: земля нестерпимо кружится, невозможно устоять на месте. Идет к дому, зовет отца, мать, говорит: «Землю добыл я. Сотворил острова, реки, озера. Но кружится Земля, не стоит на месте, уходит из-под ног. Как будут жить на ней люди? Какая у вас про то дума?» — «Сынок! Какой думы от нас, старых, ждешь? Твое время наступило. Действуй сам».

Наутро отправился Эквапыгрись снова к Торуму.

«Сынок мой! В какую нужду ты попал? Что просишь?»— «Не за едой-питьем к тебе приехал, отец мой! Сотворил я Землю. Да она все кружится. В груди моей, в плечах моих нет больше силы, чтобы смог остановить я Землю. Вдохни в меня мысль».— «Единственное, чем помочь тебе могу, сын мой,— вот этот пояс возьми. Он с драгоценными камнями, украшен золотом, серебром, горным хрусталем, медью... Если плечи твои, руки твои осилят такую тяжесть, бери, неси, утяжели Землю».

Спустился Эквапыгрись на Землю. Тяжело. Спина болит, руки ноют, пот ручьями течет. Но что делать? Взялся за дело — надо довести до конца! Мастером назвался — строй, твори! Как ни трудно было, но Землю Эквапыгрись все-таки закрепил тяжелым поясом.

Этот пояс люди назвали потом Уралом, опорным краем Земли. А у манси он называется Нер. Это слово у манси — и имя их колыбели, и имя родины.

А Эквапыгрись заслужил новое имя. Родители назвали его Мирсуснэхум. Мир — Вселенная, суснэ — смотреть, хум — мужчина. Мирсуснэхум — муж, пронзающий взглядом Вселенную. Так и стали называть его...

Слово-песня

Дрожь пробежала по спине. То ли от этого адского холода, приснившегося мне, то ли от внезапного гудка теплохода я проснулся. За окном плескалась вода. На противоположной стороне реки проходил другой теплоход. Ему, видно, и был предназначен встречный гудок. Утреннее солнце сонно стояло над деревьями, над сияющей гладью реки. Заливные луга тонули в мареве. Меня снова потянуло в сон...

И будто слышу чей-то голос:

— Вот наконец-то ты мне попался. Давно я за тобой гоняюсь. Да ты все по чужим землям ездишь, воздухом дальних краев дышишь, редко прикасаешься к водам, где плавали предки твои.

Ты меня не знаешь? Выслушай, не гони с порога... Не прояви недоверия и малодушия.

...Уютно живешь — коврик на полу, мягкий диван. Может, и думы твои такие же уютные? Но я к тебе пришел не восторгаться уютом.

Ты все еще не узнаешь меня? Ах, да, ты ведь человек двадцатого века, века научно-технической революции. Ты, говорят, шагнул через тысячелетия. Но до конца ли ты материалист?!

Вот я явился к тебе. Говорю. Ты слушаешь. Разве это сон?

Я — Лылы, дух предков. Я — Слово-песня. Я летаю не на хвосте облаков, а несусь по ветру, кружась во Вселенной. Я поднимаюсь в небо, опускаюсь на землю. Сажусь к огню людей, слушаю их бесконечные беседы, радуюсь человеческому счастью, вбираю в себя слезы горя и бед людских.

Я — Слово-песня. Во мне особая чудодейственная сила. Бывает, слово, направленное по одному руслу, причиняет людям вред страшнее половодья. Слово, сказанное в укор, усиленное молвой людской, доводит чело-

века до несчастья. А бывает, что и молвленное во славу, но сосредоточенное на одном человеке, слово тоже в конце концов ведет к несчастью...

Я — Лылы, Слово-дух, Слово-песня. Во мне особая сила. Богатырь-воин силен своей силой, а я — огнем мысли. Богатырь-воин владеет луком и стрелой. Но только от меня, Слова-песни, всегда зависело, попадет ли стрела в цель или нет.

У богатыря-воина громкий голос. Ему принадлежит то, что видно и слышно. Я — Лылы, Слово-песня, обладаю тем, чего нельзя ни видеть, ни слышать. Я знаю душу...

А ты, разве ты не задумывался о себе и о мире?

Разве ты не тонкий, наблюдательный человек?

Неужели не чувствуешь всякую перемену в этой жизни? Смотри, каждый день над зеленым лесом поднимается золотое солнце, медленно поднимается, плывет по небесной сини, и в другом конце неба опускается. Опускается за сонный лес, уступая место ночи. А ночь со стадами звезд, кочующих по небу, с пастухом-месяцем, то умирающим, то вновь рождающимся, разве эта ночь является случайно? Эта темная волшебная ночь приходит после ясного и светлого дня. Разве ты не должен думать об этих явлениях, поражающих своей живостью! Вот смотри — рассвет! Видишь, как на светлом фоне легкие облака меняют свой облик. Будто по волнистым кряжам гор скачут звери, летят птицы, шагают великаны. А замечал ли, как река, которая недавно лежала спокойно, словно уснувшая женщина, через мгновенье разбушуется, замечется, как дикий зверь, ощетинясь белоснежными гривами, раскрывая тысячи пастей с высунутыми языками и проглатывая все на своем пути? Солнце, ветер, день, ночь, луна, звезды, ураган — все это живые существа, одаренные разумом, волей и страстью. Они похожи на тебя. Ты похож чем-то на них. Посмотри на берег, мимо которого плывет теплоход. Видишь, как к воде

склонилась черемуха? Разве черемуха не растет, как человек? Разве нет у нее, как у человека, кожи? Разве она не наряжается листьями и цветами, как женщина, не рожает детей — черноглазые ягоды? Разве черемуха не плачет росою, не дрожит от дуновения ветра, не протягивает свои ветви-руки? Разве по жилам ее не течет сок, словно кровь у человека? И другие деревья, они тоже живые, как люди. Но разве самая маленькая снежинка не трепещет, не живет и не умирает? Даже неподвижный с виду камень плачет, живет. Ты думаешь, камни мертвые? Нет! Это такие же живые существа, только как бы на время застывшие, заснувшие крепким сном. Разве не издают голоса скалы, растрескиваясь на морозе? Разве медведь, когда снята с него шкура, не похож на человека? Похож! Такие же у него руки, ноги и пальцев пять на каждой конечности. И тело белоснежное. И сердце, как у человека.

Все сущее живет. Камни, солнце, звезды. Деревья растут и умирают. Все чувствуют, живут. У всех есть разум и душа.

А ты, жалкий представитель из рода людей! Вы омертвили камни, деревья, оглушили зверей и рыб, обожествили свой недалекий разум, надеясь больше на силу машин, чем на гармонию природы. Послушай-ка меня, своего предка, Слово-песню...

Более тридцати лет прошло, как ушел твой дедушка. Я был не только твоим дедушкой, но и раньше жил. Я твой далекий предок, я — Слово-песня...

Я слушал его. Слушал со страхом, почти таким же, как когда-то слушал дедушку, говорившего о богах-духах.

Я рассматривал своего далекого предка, узнавал и не узнавал. На голове у него шапка в виде колпачка, сшитая из четырех треугольных кусков красного и желтого

сукна. Вершина шапки увенчана кистью из зеленого шелка и красной шерсти, а по краю обшита собольим мехом...

На нем — расшитая соболья ягушка [1], похожая на горящее ночное небо, когда играет всеми красками радуги северное сияние. Глаза — широко раскрыты, смотрят, кажется, в упор.

Он сидел передо мной за маленьким столиком. Из бутылки, стоявшей на белой скатерти, плеснул в стакан минеральной воды. Поднял стакан. Выпил.

— Что ты пьешь? Или огненная вода превратилась в такую кислятину?!

— Минеральную воду пью. Она полезна для организма. В ней много солей...

— А что, нет больше огненных напитков? Водки, например, или вина?

— Есть и ви́на и водка. Но минеральная вода не мутит голову. Трезвость, ясность мысли...

— А помнишь золотую рюмку, которая стояла на нашем священном сундуке и которую всегда с почтением ставил передо мной дедушка. Рюмка всегда была полной, как полноводное озеро,— мечтательно подняв глаза к небу, протянул Слово-песня.— Неужели ты для меня не найдешь хотя бы чарочку вина. Ведь у нас такая встреча... Вот уже более тридцати лет, с тех пор как умер твой дедушка, ношусь я по свету. Поднимаюсь в небо и опускаюсь на землю, подсаживаясь к огню людей, слушаю их бесконечные беседы, но ничего не понимаю. Сколько раз старался войти в душу к кому-нибудь, пытался снова стать кумиром, родовым духом сердца и души. Да только никто не захотел впустить меня, никто не посадил мое изображение в священный сундук в священном углу. Неужели никто больше не верит в волшебных духов?..

---

[1] Ягушка — шубка.

И в это время — гудок теплохода, я проснулся. В каюте никого не было. На столе стояла раскрытая бутылка с минеральной водой. В горле першило. Страшно хотелось пить... Я потянулся к стакану с минеральной водой, как к спасителю от кошмарных сновидений...

Да, я помню то камлание[1] до мельчайших подробностей. И трепетал я, как рыба, попавшая в сеть. Тогда, в детстве, я верил каждому слову шамана. Неужели и сегодня еще верю?.. Нет!.. И все же во мне что-то, наверное, осталось. Душа — потемки. И предки в ней живут вместе с мифами, суевериями, являясь в сновидениях, предчувствиях... Как уйти от них? Как избавиться от суеверий прошлого? И возможно ли это? Да, я сын своего времени. Но предки в душе моей живут. И никуда мне от них не деться...

* * *

Бывают ли вещие сны? Не знаю. А вот цветные сны бывают. Мне часто снится один и тот же сон.

Большая вода. Маленькая лодка. Утки. Большая вода уплывает в синь неба. Синь неба тонет в лазури воды. Лазурь лежит на крыльях уток. Утки манят меня вдаль. И калданка моя, легкая лодочка, плывет, разрезая гладь большой воды. На берегу красавицы пихты, великаны кедры, напоминающие старцев, темные ели, нацеленные в синь неба острыми стрелами. Мелькает в хвое белый ствол березки. Ее нежная зелень как орнамент на строгом платье тайги. Тайга тоже тонет в небе. Тайга тоже смотрит в реку. А река бежит куда-то вдаль. И нет ей конца и края. Необозримая водная равнина. Что это? Море-океан? Большая, великая вода. Я слышу плеск ее. И во мне просыпается сказка детства.

---

[1] Камлание — языческий ритуал, сопровождаемый пением и ударами в бубен, приводящий участников в экстатическое состояние.

Родился я в сказке белой-белой ночи
в лодчонке-калданке на плесе реки.
Струился у губ моих сумрак молочный,
на плес просочившийся сквозь тростники.
Бурлила вода за кормою калданки.
Баюкали волны — косматые няньки —
под алчную звень косяков комарья.
Их жала как иглы, и плакал я в зыбке.
Плясали в ней рыбы, свиваясь в кольцо.
А чайки смеялись. Их крыльев улыбки
падали тенями мне на лицо...

Сказка моего детства состояла не из одних улыбок. Тени мороза и комарья витали надо мной, как духи зла. Мириады комаров кружатся в моем сне. Их жгучие укусы как пытка. Я пытаюсь отогнать комаров. Но их слишком много. Они облепили лицо, тело, руки. Наконец, устав, я начинаю наблюдать за кровопийцами. Вот один летит, жужжит, как камлает. Садится на мою руку, водит хоботком, нащупывает поры. Впившись в тело, не торопясь начинает сосать кровь. Брюхо кровопийцы растет, становится красным, громадным. А рука моя покрывается красными пятнами, кажется, начинает пухнуть. И все тело мое зудит, ноет, невыносимо страдает. И я бегу, размахивая руками. Бегу навстречу ветру и воде. Вода смеется, зовя в свою прохладу. Вода — спасение. И разгоряченное тело свое бросаю в прохладные струи. Эти прохладные струи возвращают еще детский слух мой к голосу звучного мира.

«Курлы-ку-лю-ли!» — выгортанивал лебедь.
И я повторял: «Кур-лю-ли!.. Кур-лю-ли!..»
Ушастые ветки, услышав мой лепет,
качнулись, дивясь, и коснулись земли.
И ветер порывистый, синеязыкий
помчал мое слово в прибрежный тростник
и передал шепотом заросли зыбкой
души лебединой уловленный крик.
Пропел это слово он сосенкам-струнам,
что тянутся в небо над быстрой водой,
и лайке-собаке, и тоненьким струям
студеных ключей у тропинки крутой...

Детство с кваканьем лягушек, с плеском уток у озер, с птичьим пеньем у опушек осталось где-то далеко-далеко. Порой даже кажется, что не было ни мороза, ни комарья, ни голода военного времени.

Лишь плеск воды будит цветные сны и, качнув колыбель, рождает новые чувства, где сказка сливается с былью...

Мне чудится сказка сияющей ночи,
лодчонка-калданка, волна на лету,
подхваченной пены шипящие клочья
срываются с весел, текут по борту.
Так пусть меня вольные гребни бросают,
как волны судьбы, что пока так добры...
Хочу, чтобы только не часто кусали
меня длинноносые здесь комары.
Чтоб только допеть мне запев лебединый
до ночи, что черные крылья растит.
Пусть белая ночь мне вплетает седины,
пусть чайкой смеется, кукушкой грустит.
Пусть рыбы мне пляшут в пути до причала
и горе-печаль пусть не ставит мне сеть.
Реку не удержишь. Пусть ветер крепчает,
Пусть песню разносит — и я буду петь.

* * *

С чего началась моя песня? С первого вздоха? С первого крика? С первого смеха? Не знаю.

Возможно, началась она с первого плача. Не с того плача, когда меня кусали комары и я не мог их отогнать от лица, потому что рук не освободить — я лежал спеленутый в берестяной люльке. Я мог только плакать. Но плач мой не был песней: рядом мама. Моя большая мама. Румяная мама. Ласковая мама. Она меня сразу слышала. Отгоняла комаров. Ласковые слова говорила. Они плыли песней.

С какого плача началась моя песня?

Может, с плача, когда ушел отец? Не в небо ушел, не в землю ушел. Ушел к другой женщине. Мне было

шесть лет. И я уже что-то понимал. И плакал, горько плакал. Без слов плакал... Но может, это было песней? А может, песня моя началась, когда пошел в школу? Может, позже, когда, прикоснувшись к волшебству книги, рядом со мной зашагало счастье мое — песня?

* * *

Прочная память детства...

Пришла к нам в гости Мария Михайловна.

Мария Михайловна — учительница. Из школы взрослых. В доме дяди Сергея живет. Учит его читать. Занимается и с другими такими же большими дядями и тетями. Старикам даже подсовывает свои буквари. А те не хотят, ругаются. Зачем, мол, нам это нужно? Разве книга — рыба или зверь? Разве сыт ею будешь?— говорят они. Не хотят они учиться, а их заставляют. Я хочу — а меня не пускают: мол, мал еще. Разве это справедливо?

Марию Михайловну моя мама называет Учитель-най. Най — по-мансийски — богиня, героиня. Неужели Мария Михайловна героиня? Этого я не знаю точно. Знаю только то, что у нее много красивых вещей — книг с рисунками, блестящих тетрадей, острых карандашей. Тетради белые, будто сделаны из шкуры нежного зверя. Но самое интересное, конечно, карандаш: им можно выводить разные тамги[1], чертить, рисовать. И как эта палочка не сгорела — ведь ее прожгли насквозь, даже угли остались в середине? Я очень был рад, когда Учитель-най подарила мне раньше моих одногодков такую палочку и тетрадь. Она сказала: «Пиши! Ты узнаешь много новых слов!..» Но я хочу писать палочкой с синим угольком. Удивительный этот уголек! Сухой пишет тонко, невзрачно. А если послюнявишь — жирные следы оставлять

---

[1] Тамга— родовой знак, талисман.

станет. Следы синие, как утренние следы зверя. Я люблю синий карандаш. Такой карандаш был у Ати, моего отца. Он всегда носил его за ухом. Мой Атя — председатель колхоза. Я тоже хочу быть председателем колхоза. И поэтому мне нужен синий карандаш. И язык мой стал красивым, синим. Увидела это Учитель-най, закричала северным ветром: «Ой, отравится наш Юванко! Это химический карандаш».

Так я узнал, что человеку опасна химия. Кричи не кричи Учитель-най, а я все равно люблю химический карандаш. Но карандаш у меня отобрали. Ох уж эта Учитель-най! Неужели из-за нее не стану председателем колхоза?! Люблю я синий карандаш...

А Учитель-най подарила простой красный карандаш. Это было в день Большого солнца, в день моего рождения. Все дарили мне подарки.

— Но главный подарок тебе, мой сын,— сказала торжественно мама,— слова, которые я скажу.

Сын мой!
Ты должен
Оглядывать простор земли огромной
Глазами сердца.
В глубины проникать!..
Из щедрых недр ее,
Холодных, темных,
Тепло и свет наружу извлекать.
Чтоб честь была священным амулетом
И талисманом — верность
Земле родной!..

В то памятное утро мама принесла в подарок глухаря. Прошло время — все подарки исчезли, как глухарь, которого мы съели. А эти слова помню. Берегу их, как глаза и честь.

* * *

Счастье? Какое оно — мое счастье? Я отвечу так: счастье в гармонии. В гармонии общественной и личной

жизни. В гармонии слова и дела. Мне б хотелось, чтобы слово не подменяло дела. Чтобы не рождалась ложь, чтобы вырастала правда. Мне б хотелось высказать то, что веками молчаливо переживалось моими сородичами, людьми из рода манси. Мне б хотелось открыть смысл вещей, говорить о природе обыкновенными словами.

Вглядываюсь в себя, стыдливо замечаю, как много во мне белой ночи. Я смотрю в себя, удивляюсь буйству, дикости, первозданности моих лесов, рек, озер, звезд, бушующих во мне весенним пробуждением природы. Во мне — вся природа.

Вглядываясь в себя, в своих сородичей, вижу: мы не только дети природы, но и сама природа (еще не очень затронутая веком НТР).

...Пишу о природе, а думаю о человеке. Думая о человеке, болею за природу. Борюсь за природу и за человека...

Счастье мое — в деле, которое я буду делать на пределе своих возможностей. Счастье мое — в добром имени моего народа, страны. Счастье мое — в песне, которую я буду петь завтра.

Мы связаны с землей
Бессмертно,
Навсегда:
Как будто кровь моя,
Течет ее вода.

Как волосы мои —
Все ливни с высоты,
И как глаза мои,
Горят ее цветы.

Нерасторжима связь!
Нерасторжима связь!

О чем моя песня? Есть такой распространенный взгляд, будто северный человек, охотник или рыбак, поет

бездумно, поет о том, что видят его глаза, что слышат его уши.

Стоит ему только сесть в свою легкую лодочку, стоит только оттолкнуться от берега, как заплещется песнь его в лад игре струи, вырывая из уст детский восторг. Он поет о том, как скользит его лодка по гладкой воде, как меняются картины на поворотах реки, как дремлет лес, склонившись над плесом, как спит плес, кутаясь в тишину белой ночи. Он поет обо всем, воспевая себя, своих близких, знакомых, восхваляя в песне весло, лодку, собаку.

Так ли это? Конечно же, нет! Песня человека северного сияния не так уж поверхностна и неглубока и не укладывается в три слова: иду, вижу, пою. В ней струятся и свои глубинные чувства, плещутся мысли, рожденные не единым мгновеньем, играет слово, взлелеянное думой.

Нет, песня человека северного сияния это не просто детский восторг или легкая импровизация чуткой к природе души. В ней нередко спрессованы века, боль сердец, думы человека, судьба народа...

* * *

Однажды мне подумалось: почему отошел я от векового занятия предков и пишу книги? Неужели пасти оленей, ходить за зверем, ловить рыбу менее интересно, чем слагать стихи? Неужели в труде предков нет поэзии? Или писать книги просто легче? И мне еще подумалось: почему так дружно взялись за перо мои собратья-северяне? Я пытался взглянуть на творчество товарищей и заметил, что в нем чуть ли не главное место занимает вопрос: «Кто я в этом мире?» И у меня было то же самое. Наверное, это не случайно.

Кто я?
Старинная сказка
Так про меня говорила:

Будто сидит меж плечами
Рот разговорчивый мой.
Плечи снуют, словно челюсти.
Очи, как два полумесяца,
Не на лице моем светятся,
А на груди ледяной...

Кто я в этом мире? Этот вопрос не так уж риторичен. Особенно если вспомнить недавнее прошлое, когда человека тайги и тундры считали дикарем, у которого якобы нет сложного мира чувств, свойственных людям цивилизованных наций.

У меня в руках книга «У вогулов», написанная в конце прошлого века К. Д. Носиловым — этнографом, писателем, гуманистом, который с таким проникновением и болью писал о северянах.

«Любопытная, дикая еще до настоящего времени страна,— читаю я.— Сколько раз я останавливался в очаровании перед твоими деревянными, бревенчатыми старенькими юртами, спрятанными в ветвях елей, сколько раз я любовался, как умел этот дикарь маскировать свое селение от зверя и птицы, которая налетала и выбегала порой к самому окну дикаря; сколько раз я приходил в очарование от твоих торных тропинок, убегающих в чащу леса, и сколько раз я останавливался там при виде удивленных, но милых черных женских глаз, пугливо спрятавшихся за какой-нибудь веткой пихты...

Очаровательный дикий край, где на каждом шагу было все новое, где на каждом шагу все говорило мне, что это новая, неведомая еще для нас, интересная жизнь и в далеком прошлом, и в настоящем, где становилось, глядя на нее, страшно за ее будущее с этой открытой, доброй душой дикаря и с его неопытностью перед русской цивилизацией... Откуда ты пришел сюда, дикарь, откуда ты принес такое доброе сердце в эту суровую природу, и какие места юга оглашали прежде, в доистори-

ческое время, мелодии твоих былин и песен, которые ты поешь теперь при каждом случае: садишься ли ты в свой легкий челнок или отдаешься своей торной тропинке, или тонешь в этом вечно молчаливом, мрачном, пустынном лесу? Пой их, пока тебя не обеспокоила наша цивилизация, пой их, пока тебя не знает еще наше горе...»[1].

Возможно, меня и не тронуло бы, не взволновало бы так слово «дикарь», если бы это написал человек враждебный, холодный, если бы не говорил он так проникновенно о моих предках, если бы не коснулся их сути, стараясь найти выход из бедственного положения, бросившись на борьбу с чиновничье-капиталистическими порядками, которые окончательно закабалили северян, если бы...

Дикарь... Это слово могло бы относиться и ко мне. Ведь речь идет о сравнительно недавних переменах. В 1884 году Носилов мог встретить и моего деда, который прожил сто лет и успел поведать мне сказки о старом времени, когда слова «остяк», «вогул», «дикарь» имели одинаковый смысл...

«Я — Человек... Значит, должен я думать: так называться даны ли права мне?!» — воскликнул я в стихах. Наверное, этот вопрос не случаен. И не так уж просто сломить складывавшееся веками представление о «дикаре», о неполноценности северян, детей природы, которым якобы опасна цивилизация.

Песни, самоутверждающее слово писателей Севера в этом смысле имели свое определенное значение.

И прежде чем произнести: «Я — человек. Перед именем этим быть мне пожизненно в строгом ответе!» — прежде чем произнести это, нужен был большой самоанализ — от древних ощущений близости с природой (медведем, кедром, лягушкой, водой, лебедем, землей, не-

---

[1] *Носилов К. Д.* У вогулов. Изд. А. С. Суворина, Спб, 1904, с. 214—220.

бом) до гордости чувствовать себя гражданином Страны Советов...

И когда я пел про синий ветер каслания[1], я думал не столько о цвете ветра и игре звуков под копытами оленей, сколько о жизни с ее запахами и красками, в ее вечном движении. Задача моя была скромной: донести до слуха читателя древнюю музыку моего Севера, поведать о белой тайге, где бродит жизнь рядом со сказкой.

Этой сказкой, может быть, дышали когда-то все народы... Я ею дышал еще вчера. Вот я иду по зимнему лесу. Один иду. А мне кажется, что я не один в тайге. Добрым духом смотрит на меня медведь. А где-то рядом меня подкарауливает и злой дух. Он может на меня науськать своих покорных слуг — зубастых зверей.

Потом я познал новую жизнь. И дерево для меня стало просто деревом, и медведь уже не казался больше духом. Все же и теперь я иногда чувствую себя древним-древним человеком. Может, потому, что тетя моя еще совсем недавно пасла оленей, а братишки, хотя и научились управлять машинами, все так же бегают на охоту, как наши деды.

Но, понимая, что вернуться к тому состоянию духа я уже не в силах, я пел. Может быть, это песни других моих соплеменников, ушедших на завод, к штурвалу самолета или теплохода, в светлые классы школы или на буровую. И они, наверно, вспоминают об оленях, нельмах, глухарях... И они, конечно, подчас возвращаются к жизни предков. Но навсегда смогут ли вернуться?!

У новой жизни светлый дух и скорость. Кто прикоснулся к пей, тот уже не вернется в древность. Лишь сновидения таежные порой тревожить будут. Наверно, и об этом были мои сказания...

Существует немало объективных и субъективных причин зарождения литератур народов Севера. По разным

---

[1] Каслание — кочевье с оленями.

путям могло пойти развитие литератур малых народов. Но добрый опыт, накопленный мировой литературой, опыт ее лучших творений подсказал, что объект песни — человек, а не экзотика Севера. Человек северного сияния и в дореволюционной беллетристике не раз становился объектом песни. Но даже в лучших образцах она была всего-навсего экзотичной мелодией, а не реалистическим исследованием. В этих произведениях человек северного сияния, одетый в шкуру, живущий в чуме из шкур, вставал таким же непонятным таинственным существом, как безмолвная тундра с вечным снегом, как дремучая тайга с ее красивыми оленями, белками, соболями.

Произведения первых писателей Севера и Дальнего Востока удэгейца Джанси Кимонко, юкагиров Теки Одулока и Семена Курилова, нивха Владимира Санги, чукчи Юрия Рытхэу, нанайца Григория Ходжера показали человека из малого рода, высветили его изнутри, изобразили истинное его лицо. Ничего необычного в нем не оказалось. Он, как все люди, страдает, любит, ненавидит, радуется, восторгается. И песни поет человеческим языком. И слезы льет. Слезы его также солоноваты. Ничто человеческое северянину не чуждо. Он может падать. Ему доступны и высшие вершины человеческого духа. Кажется, им удалось изобразить человека северного сияния без прикрас. И это не случайно. Они сыны своих народов, знают трудовую и духовную жизнь своих сородичей не понаслышке. Понимая в тонкостях своеобразие их мышления, глубоко чувствуя их психологию, они создали образы реальных людей Севера. Больше того, они создали первоначальное обобщенное представление о своих народах. В этом, мне кажется, несомненная заслуга первых писателей Севера и Дальнего Востока.

Характерно, что рассказы о народах Севера — это всегда рассказы о природе. Это и понятно: все мы, северяне, дети природы, и предки наши постигали веками, скорее интуитивно, в нелегкой борьбе с грозной стихией

законы гармонии, единства всего живого. Возможно, это диктовалось самими условиями Севера, где природа наиболее ранима, а потому и суровее карает за попрание ее законов.

Север. Что скрыто за этим словом?

Золото Чукотки, цветные металлы Таймыра, нефть и газ ханты-мансийской земли...

Но Север — это не просто кладовая. Это, по существу, новая планета. Освоение Севера может быть сравнимо лишь с такими задачами нашего времени, как использование атомной энергии и исследование космоса. Когда летишь на самолете, то внизу открывается море тайги и тундры. Петляют речушки и ручьи, сверкая желтыми песчаными косами, простираются ржаво-бурые массивы болот, со множеством водоемов и негустой порослью сосенок и карликовых березок. Что они напоминают? Может, марсианские пустыни?

Действительно, Крайний Север земли похож на новую, еще слабо освоенную планету.

На долю Севера приходится почти 13 процентов суши земного шара и лишь 0,4 процента населения. И эта территория обладает крупными залежами самых различных ископаемых, огромными запасами гидроэнергии, лесными ресурсами.

Сегодня, например, без Тюменского топливно-энергетического комплекса практически невозможно представить развитие экономики нашей страны. Так что освоение Севера — проблема перворазрядная...

Изменяется экономика Севера. Долгая полярная ночь кончилась. Начался долгий день невиданного ускорения, время больших раздумий.

* * *

Огромны масштабы тех перемен, которые происходят на земле моих предков, стремителен бег времени. Это

пора больших испытаний. С интересом и волнением слежу я за судьбами моих героев-соплеменников. Но независимо от того, какой путь они избрали — освоили ли профессии, о которых раньше не знали в этих краях, или вернулись к промыслам своих предков,— я вижу в них людей государственных, глубоко чувствующих и понимающих свою землю, желающих для нее блага, стремящихся оставить потомкам добрую о себе память.

Устремляясь в будущее, стоит обратиться и к прошлому, но не в порыве самолюбования или тоски по ушедшим дням, а в поисках мудрости, золотых крупиц опыта, накопленного поколениями людей, сумевших не только выжить в суровейших условиях Севера, но и создать самобытную культуру.

Все то, что сказал я вечером,
Пусть утром в умах проснется.
К закату пусть не забудется
Мой пир на восходе солнца.
Коль слово мое вечернее
Не стало утренним зовом —
То, значит, оно не мудрым,
Не солнечным было словом.

Большой реке — большая рыба

...Пришел Мирсуснэхум домой, усталый, изможденный, сел у огня.

— Что такой грустный?— спросила его мать.— Ничего не получилось?

— Что-то получилось. Да вот думаю.

— О чем ты думаешь? Знаю: от больших дум рождается печаль, а не радость. А так хотелось бы, чтобы ты радовался жизни, своим трудам.

— Сотворил я человека. И не одного. Если один упадет — другой поднимет. Горе, если некому поднять упавшего. Потому я сотворил многих... Но думаю: что же они будут есть?

— Откуда мне знать, сынок. Я уже старая. Отдохни. А там опять поднимешься на небо, если силы твои не иссякли от великих трудов.

Наутро Мирсуснэхум снова полетел в Верхний мир. Пришел во дворец и говорит Торуму:

— Отец мой! Сотворил я людей. Все сделал так, как ты наказывал. Да вот опять задача: чем успокоить их кричащие желудки? Волнуются, шумят, друг друга норовят съесть. Разве так можно?

— Ты создал их — ты и выкручивайся. И все же я скажу: пусть едят и пьют, веселятся. Только люди, если они хотят быть людьми, пусть берут лишь свою долю. Пусть радуются труду своему, как высшему благу.

Сладок сон хорошо потрудившегося. А сытость не дает хапуге забыться даже во сне. Брать чужое — злая болезнь, тьма. Жить во тьме, есть во тьме — быть в скорби, в страхе! А труд — блаженство, радость, свет! Люди сами пусть создают свой высокий свет: пусть пашут землю, охотятся на зверей, ловят рыбу. Рыб я дам по паре каждого вида. Опустите их в реки, в озера, в моря. Люди сами пусть разводят оленей, лошадей и коров... А под землей — огненное море. Его золотые волны могут согреть стынущую землю. Только клад тот за семью замками. И ключ от него нелегко найти. И северное сияние может стать источником тепла. Спускайся на землю, действуй, твори, будь теплотворцем. Станете людьми — все будет вашим...

И пошел Мирсуснэхум по земле, поплыл по рекам, дошел до моря. И видит: посредине моря стоит стол. На столе лежат палочки, дощечки. Мирсуснэхум рассматривает их, как будто читает. А на дощечках рисунки, волшебные знаки жизни. Читает их Мирсуснэхум и поглядывает под стол. Под столом живая вода. А в воде новая жизнь, новая сказка. Рыбы плавают. И захотелось Мирсуснэхуму поплавать с рыбами. Достал юноша из кармана шкурку щуки, натянул ее на себя и нырнул в море. Увидел маленькую щуку, та отпрянула от него — и стрелой в сторону. Он догнал ее. Та в испуге раскрыла пасть и замерла в ожидании смерти. Мирсуснэхум ласково обратился к ней:

— Чего ты испугалась? Поплывем вместе.

Рыба удивилась: впервые она видела миролюбивую щуку. Поплыли вместе, подружились. Разные рыбы круглыми глазами глядели на безобидных щук, подплывали к ним и плыли дальше рядом. Удивился мирной щуке даже сам граненый осетр и тоже

поплыл вслед. И серебряная, сияющая нельма составила компанию. Косяки язей, сырков, муксунов потянулись вслед за щуками...

Долго ли плыли, коротко ли плыли, видят берег. На берегу — люди. Одежда их протерта, дырява. Лица изможденны. Руками, съеденными холодной водой, тянут они невод.

Мирсуснэхум снимает шкурку щуки, выходит на берег.

— Пася олэн![1]— обращается он к рыбакам.

— Пася, пася,— приветливо кивают рыбаки.— Пумасипа, ятил пыг![2] Спасибо, наш богатырь, за рыбу, которую ты привел. Отныне наш стол будет богат: и жирным осетром, и нежной нельмой, и миксуном, и сосвинской селедкой, тающей на языке. Пумасипа тебе! Много раз спасибо!

Ты человек,
и этим ты можешь гордиться:
все земные заботы
лежат у тебя на плечах.
Слышишь звонкие всплески —
это рыба в воде нерестится.
И выходит медведь на поляну,
И счастливые птицы кричат.

На рыбалке детства

Утро было ясное, спокойное. Солнце играло на воде. Над водой важно летали халеи — огромные чайки-рыбо-

[1] Живите, здравствуйте! (Манс.)
[2] Спасибо, дорогой сын! (Манс.)

еды. Рядом с ними носились маленькие черноголовые чаечки. Бросаясь с лету в воду, они кричали: «тира, тира, тира, тира».

— Чайки раскричались. Сосвинская селедка[1] пошла,— хмуро сказал дядя Сергей.

Дядя Сергей, похудевший, с облупившимися от солнца скулами, ходил по берегу, бормоча песню. Песня его звала рыбаков быстрей починить крылья невода, чтобы закинуть его на плес. Рыбаки понимали волнение бригадира, работали быстро. Руки их летали, как чайки. Глаза от возбуждения сияли, как плес под солнцем.

Волнение охватило и нас с Кириллом. За весь день мы ни разу не заглянули в наш шалаш. В шалаше, сделанном из свежепросушенной травы, было хорошо, но на улице лучше. Да и помогать надо было старшим. Вместе с двоюродным братом мы вычерпывали воду из лодки-неводника, укладывали ровными кругами толстую длинную веревку, которой тянут невод, носили в лодку разбросанные кем-то греби и весла. Не подпускали нас только чинить разорванные ячеи. Зато мы успели между делом поиграть в «настоящих рыбаков».

На золотистом песке мы рисовали косяки сорнинялк — золотых рыбок, сосвинских селедок. Потом закидывали «невод». Неводом служила толстая длинная веревка. Потом неторопливо, размеренно тянули невод. Как будто невод тяжел не только от плещущихся золотых рыбок, но и от холодной воды. Я помню тяжесть невода еще с тех пор, когда была у меня мама. Мы с Кириллом и тогда тянули невод. Но то был наш невод, мамин невод. Маме было так же тяжело тянуть, как и нам. И все же нам было весело. Рыбы весело плескались. И улыбались наши мамы — и Кириллова, и моя... Теперь нет наших мам. Но зато есть родной песчаный берег, и

---

[1] Сосвинская селедка — обское название тугуна, рыбы породы сиговых.

широкий плес, и наша золотая рыбка, и дядя Сергей, у которого живет Кирилл. А я приехал в гости к дяде Сергею и Кириллу. И нам сегодня хорошо. Мы играем в «настоящих рыбаков». А скоро закинем и настоящий невод, чтоб поймать настоящих золотых рыбок — сосвинских селедок.

— Играете в рыбаков?— раздался рядом голос дяди Сергея.— Хорошо. Добрая трава растет, не дожидаясь, пока сойдет весь снег. Кедру цена по шишкам и орехам, человеку — по труду, ребенку — по игре. Дело настоящего человека — труд. Труд — зеркало человека. Играйте, ребята, в человека играйте.

Он задумчиво поглядел на синюю даль реки, где носились горластые чайки, потом резко произнес:

— А ну, рыбаки, в лодку. Ваше время настает!

И вот мы в лодке. На корме дядя Сергей. За веслами сидят два настоящих рыбака и Кирилл. Он тоже как настоящий рыбак. И я как настоящий рыбак стою посредине лодки: я должен тетиву невода с тяжелыми гибасьями кидать в воду.

Дядя Сергей прикоснулся к воде большими шершавыми руками, провел ладонью по черным, жестким, как конский хвост, волосам, поднял лицо к небу. Он молчал. Река молчала. Лишь чайки кричали, зовя людей скорее начать путину.

Лицо дяди Сергея стало сосредоточенным. Черные глаза его сузились, и крепким отрывистым голосом он произнес:

— Поехали!

Лодка отделилась от берега, как птица, приготовившаяся к полету. Но не полетела, а поплыла по сияющей воде. Вода запела, заухала под веслами и под тяжелыми гибасьями, которые я выкидывал, падал в воду невод, монотонно постукивая деревянными поплавками. Молча, сосредоточенно правил лодкой дядя Сергей.

Вот весь невод сброшен. Лодка повернула к берегу.

Я важно, как настоящий рыбак, стою посредине лодки, держу в руках веревку забежного крыла[1]. Еще не доезжая до берега, я выскакиваю на песчаный мол и первым начинаю тянуть мокрую, скользкую веревку. На подмогу мне бежит Кирилл и другие, настоящие, рыбаки.

— Тяните, тяните, рыбаки!— подбадривал нас дядя Сергей, подхватывая бечеву.

— Тянем-потянем скорее!— кричал, волнуясь, Кирилка.

Невод шел сначала легко. Но, приближаясь к берегу, он отяжелел, будто где-то зацепился. Но все же шел к берегу. Вот уже пошли ячеи, а вот первые сосвинские селедочки. Небольшие, сантиметров в десять — пятнадцать, рыбки серебрились в лучах большого золотого летнего солнца. Весело заговорили женщины, выбирая рыбу из ячеи, резвились, прыгали на мелководье дети. Всеобщее возбуждение передалось даже собакам. Они важно расхаживали по песку, изредка поглядывая на чаек, гурьбой носившихся над приближавшейся к берегу мотне[2] невода.

Хотя мое внимание целиком было направлено на плещущихся рыб, я изредка поглядывал и на дядю Сергея. Дядя Сергей тащил невод изо всей силы. Он не произносил ни слова. Но весь вид, все его движения говорили, что надо работать в полную силу — это сегодня очень важно. Нам надо поймать много рыбы, чтобы выполнить план. Государственный план. Об этом говорили вчера на собрании бригады. Теперь заговорили руки. Руки человека лучше всего говорят в деле. Мы, ребятишки, были счастливы, что нас допустили к настоящей, важной работе.

Прав дядя Сергей — человека греет не шуба, а работа. Мне жарко, хорошо.

---

[1] Забежное крыло — та часть невода, которую закидывают.
[2] Мотня — часть невода, сшитая мешком.

Когда подтащили невод, сосвинской селедки было столько, что дядя Сергей, проведя ладонью по влажному лицу, воскликнул:

— Большая рыба!

И на самом деле казалось — в большой мотне шевелилась одна большая серебристая рыба. За нами следом закинули невод и другие звенья бригады. Путина началась...

А вечером мы сидели у костра. У каждого шалаша горел костер. Много огней играло на тальниковом песчаном берегу, ставшем нашим рыбацким стойбищем. У нашего огня было весело. Дымилась уха из сосвинской селедки. Сказочная! Когда съели уху, дядя Сергей попытался собрать все косточки. Рыбка эта до того нежная, что у нее почти никаких костей нет. И все же он какие-то объедки нашел. Все сложил в одну деревянную чашу, очень старую деревянную чашу, похожую на лодку, и понес к воде со словами:

Расти, расти, золотая рыбка!
Плыви, полощись, большая рыба!
В нашей реке плескайся.
Наши неводы не обходи.
Наши лодки освети сияньем серебристой чешуи.
Наши дома сделай богатыми...

От сытости, от пляшущего огня, от светлой теплой летней ночи хотелось прыгать, ликовать, как ликует огонь, как ликует летняя ночь.

Черные глаза дяди Сергея сияли весельем, когда он обратился ко мне и Кириллу:

— Моя загадка: кто герой в еде?

— Лентяй!— закричал я.

— Кто герой в труде?

— Герой!— закричал Кирилл.

Во всех шалашах ярко горел огонь праздника начала рыбацкой путины. Но особенно весело он горел в боль-

шом берестяном шалаше рыбаков, приплывших за большой рыбой с верховьев Сосьвы.

Еще с утра нас звали туда в гости. Радостным визгом встретила лайка. Навстречу нам вышел коренастый, чуть сутулый рыбак. На нем красовались не болотные сапоги, а мягкие нюки-вай [1] из замши с орнаментом из красной охры, штаны из налимьей кожи, длинная мансийская рубаха, подпоясанная шерстяным поясом.

— Пася олэн! Здравствуй!— весело поздоровался дядя Сергей.— Принимаешь гостей?!

— Пася! Пася!— отвечает радушно хозяин большого сас-кола — берестяного дома.— Гостям, однако, всегда мы рады. Гость в доме — радость, в шалаше — вдвойне.

Пока они обмениваются традиционными мансийскими любезностями, я осматриваю берестяной дом. Он весь сделан действительно из бересты. Я видел, как это делается. Лоскутки бересты варят с рыбьими костями. Потом сшивают оленьими жилами в большие полосы. Этому материалу не страшен ни снег, ни дождь: ни одна капля не просочится сквозь берестяное полотнище. Уложишь берестяные ковры на пятиметровые шесты, скрепленные наверху наподобие треноги,— вот и получится берестяной дом, чум островерхий. Свет попадает только сверху, там, где связаны шесты. Там и отверстие для дыма. А огонь горит посреди берестяного дома. На большом железном листе играет огонь. Над огнем — прокопченный котел и большой медный чайник. Они висят на черной перекладине. А на светлой перекладине высоко висят мягкие на ощупь белоснежные шкурки гагар: ими отделывают одежду. Внутри лежат оленьи шкуры, малицы [2], пушистые меховые женские сахи [3], расшитые ярким орнаментом. На них сидят люди. Нас тоже просят

---

[1] Нюки-вай — мансийские сапожки из замши.

[2] Малица — одежда северных народов из меха оленей.

[3] Сахи — женская шуба мехом вовнутрь и наружу.

сесть. И мы садимся за низенький с маленькими ножками стол. На столе дымится рыба. Но нам уже не хочется есть. Мы пьем чай, черный как деготь чай. Потом начинается веселье. Дядя Сергей берет в руки санквалтап. Когда этот пятиструнный волшебник, по форме напоминающий лодку, заговорит, кажется, ты плывешь по большой реке за большой рыбой. И вслед за звуками плывут слова:

Ай-я! Ай-я! Ай-я-я-я!
Эй ты, Витхон, Водяной царь,
Бороду травяную почеши,
Рыб на речной простор выгони.
Пусть послушают они наши песни.
Пусть осчастливят наши неводы.
Я призываю всякую рыбу.
Осетра беру своим глашатаем,
Он любит плавать лишь по чистым струям.
Я зову в глашатаи серебристую нельму,
Пусть она будет нашим глашатаем,
Пусть призовет других рыб:
И муксуна, и сырка,
И сосвинскую селедку —
Наше живое золото.
Да будет плескаться
Золотая рыбка в наших неводах.
А вы, большие рыбы,
На этот раз можете не заплывать в невод.
Будьте глашатаями!
И мы скажем:
— Пумасипа! Много раз спасибо!—
Ай-я! Ай-я! Ай-я-я-я!

Потом мы возвращаемся в свой шалаш. Знаем: долго в гостях засиживаться не надо. Утром на рыбалку. Знаем песню дяди Сергея:

В гости без злости и сытым иди.
Уважай хозяина, долго не сиди.
У гостеприимного огня
Погрейся три дня.
Помни: в первый день ты золото,

во второй — серебро,
на третий день ты — медь,
на четвертый — твоему имени
за порогом греметь...

И мы идем домой, довольные хозяевами и собой. А завтра рано вставать. Рыба не плывет к соням, рыба попадается тому, кто бережет обычаи предков.

Снова на Оби

Волны за бортом плещутся и плещутся, берега плывут и плывут. День, два, неделю плывут. Седые башни Тобольского кремля и буровые вышки, сияющие глаза каменных домов и одинокие чумы, выглядывающие из немой тишины бесконечной тайги, калданки рыбаков, легкими щепками качающиеся на Оби, и железные караваны судов с нефтью... И река кажется здесь морем, тайга — зеленым океаном без берегов, а тундра, где растут только цветы и лишайники, чудится, уходит в синее небо, в космос...

Мне всегда хорошо думается на реке. Помню первую встречу с ней. Отец, посадив меня в лодку, окропил мою голову ледяной водой.

А вода струилась и искрилась, ходила кругами. Я наклонился к воде и услыхал ее песню. Звонкую и нежную. Глаза мои увидели на ровной глади радужные причудливые узоры, похожие на орнамент на меховой шубе моей мамы.

— А что под водой?— спросил я маму, услышав, как звонко вода стреляет от прикосновения весел.— Почему она такая звонкая?

— В воде тоже жизнь. Под ней хрустальные дома стоят. В тех хрустальных домах водяные люди живут. В шуме волн — их песни и сказания. Большая река — большая сказительница. Она все знает и помнит...

И вот снова передо мной гладь великой реки. Тихо плещется большая вода за бортом флагманского судна Березовского рыбокомбината «Георгий Сухарев».

Да, Обь как море! Летом, когда здесь играет большая вода, безбрежный плес будто уплывает в высокое небо. В этом свинцово-синем море плещутся лишь желтовато-зеленые островки тальника, над которыми носятся стаи уток, гогочут гуси, стонут гагары...

Я смотрю, как вольно
Обь моя играет.
Плещет так раздольно,
Сердце замирает...

Река нежится под жаркими лучами солнца. По реке мчатся моторные лодки, летят полуглиссеры, ломая зеркало воды.

А на крутом берегу, где недавно еще юрких белок промышляли, сегодня урчат трактора, бульдозеры, кусторезы, грузовые машины.

На пристани с самоходных барж разгружают цемент, горючее, трубы, пиломатериалы, жилые вагончики, муку, сахар, масло, рис...

Над песчаным обрывом возвышаются «железные чумы». Словно тысячи оленьих нарт, сложенных одна на другую.

Чумы? Мне все еще видятся чумы. Но разве бывают оленьи нарты железными?! Да никакие это не чумы. Это — разобранные части буровых вышек.

Разгружаются баржи, звенят топоры, урчат бульдозеры, рокочут трактора, шипят шины грузовиков на песчаных улицах, клубится пыль — и небо кажется песчаным, и солнце кажется песчаным, раскаленным. Все движется, кружится, вьется...

Никогда не было так шумно на нашей реке.

— Это какая-то новая, бешеная путина Севера!— скажет иной рыбак.

Да, на Севере — новая, невиданная путина! И в помолодевшем Сургуте, и в Нижневартовске у Самотлора, и в древнем мансийском Урае, где найдены нефть и газ.

Ну, а сама земля как реагирует на появление мощной техники в прежде необжитых местах?

Я не принадлежу к числу тех, кто считает, что живой природе не ужиться с техническим прогрессом. Но сама история освоения Сибири подтверждает, что масштабы и уникальность этого региона не позволяют однозначно решать возникающие проблемы. Еще на XXIV съезде КПСС в качестве положительного опыта комплексного подхода к планированию называли Западную Сибирь. Суть его — сведение в единую долговременную программу интересов множества отраслей, интересов, часто противоречивых или даже исключающих друг друга, и на этой основе возможность принимать огромной важности народнохозяйственные решения.

Одно из звеньев этой программы — сохранение живой воды, дарующей жизнь, воды, истинную ценность которой мы не всегда представляем.

Я беседую с Валентиной Павловной Теленковой, председателем исполкома Ханты-Мансийского автономного округа. Ее я знаю не первый год. Окончила Ленинградский институт культуры имени Н. К. Крупской. Работала первым секретарем Березовского райкома КПСС. Теперь она возглавляет окружной исполком Советов народных депутатов. Ей, коренной северянке, вопросы охраны природы близки и понятны.

— Долгие века люди не задумывались о пределах щедрости мира,— говорит Валентина Павловна.— Они осваивали планету, рубили лес, осушали болота, качали из земных недр нефть, распахивали бескрайные степи, и казалось, нет конца этой щедрости. Но пришло время, и человек понял: бескрайнее имеет границы, планета Земля не так уж велика, и вода имеет цену не меньшую, чем нефть...

Бассейн рек Оби и Иртыша богат ценными породами рыбы: осетр, стерлядь, нельма, муксун, щокур (обское название чира), тугун, называемый сосвинской селедкой.

Сосвинскую селедку, самую маленькую и нежную рыбу из сиговых, манси называют «золотой рыбкой». О муксуне говорят: лучшая на земле, нежнее и слаще ее на целом свете нету. Щокур — рыба отменная, вкусная, нежная. Сырок — для нас рядовая, но ведь и сырок — вкуснее жирного осетра.

Да, рыба — одно из богатств нашего края. Но быть богатым не значит быть расточительным. Наша Обь — государственная кладовая, из которой брать надо столько, чтобы не оскудела река. Сейчас вылов рыбы строго регулируется. И главная угроза рыбным запасам — не бесконтрольный промысел, а загрязнение реки промышленными стоками. Если сегодня общие уловы рыбы на тюменском севере не уменьшаются, то лишь благодаря рыбоводству, благодаря искусственному разведению сиговых рыб на специальных заводах. Но если успехи в рыбоводстве помогают нам увеличить запасы рыбы, то загрязнение вод снижает эффективность работы рыбоводов.

За последние десятилетия Тюменская область стала крупнейшим нефтегазодобывающим районом страны. (Так называемая тюменская нефть в основном добывается на территории нашего округа.) При подобных темпах и масштабах освоения, естественно, происходит и отрицательное воздействие на природные ресурсы.

Возможно ли добывать нефть и газ в подобных масштабах с самыми минимальными потерями для природы? Мы думаем над этим, стараемся решать эти вопросы по-государственному.

История тюменской нефти и газа началась в нашем округе, в Березове, где осенью 1953 года заговорила первая газовая скважина. Газ дал невиданный толчок развитию края. Газ — это свет и тепло. Он «работает» и на наших консервных комбинатах и на других предприя-

тиях. Через наш округ проходят пять нитей газопроводов, по которым в центр страны и за рубеж из Уренгоя и Надыма, с богатейших месторождений газа, подают голубое топливо. Как влияет на экономику округа развитие промышленности? Разве мы могли бы построить столько жилых домов, школ, клубов, если бы не наш газ? Вот, например, трест «Приобьтрубопроводстрой» построил в мансийском поселке Ванзетур школу-интернат, а при ней будут оранжерея, парниковое хозяйство. Отличный подарок детям рыбаков, охотников, животноводов.

Но надо видеть и другую сторону промышленного освоения края. Газопроводы, например, проведены по оленьим пастбищам, по охотничьим угодьям, которые, естественно, перестали быть промысловыми. А верховья таежных речек, перегороженные трубами, уже потеряли рыбопромысловое значение. Ясно, что нужна компенсация! Практически же ее пока нет.

Еще при составлении перспективных планов на десятую пятилетку предусматривалось полнее использовать глубинные водоемы, повысить отдачу озер, специально заселенных молодью рыбы. Однако эти хорошие намерения не были подкреплены ни материально-техническими, ни научными обоснованиями. Глубинные водоемы, о которых идет речь, находятся вдалеке и от населенных пунктов, и от основных речных путей. Чтобы работать на них, нужны вездеходы — поставлять туда рыбаков зимой, снабжать их продуктами питания и предметами первой жизненной необходимости, вывозить добытую рыбу. Такой техники в колхозах и у рыбокомбинатов нет. Между тем недалеко от этих водоемов находятся, например, такие крупные предприятия, как Сосьвинская и Приполярная компрессорные станции. У них мощная техническая база. Могли бы помочь в решении этих задач? Продовольственная программа — дело общенародное. А в Сибирь сегодня приезжают новоселы со всей страны. В состоянии наша земля прокормить их? Конечно, надо

только умело и рачительно использовать богатства края. А между тем мы знаем, что там, где есть загрязненность нефтью, погибают целые стада рыбы. Нескольких граммов нефти на кубометр воды достаточно, чтобы в зоне загрязнения погибла вся рыбная молодь.

Возможность придать этой проблеме плановый, научный характер позволяет надеяться, что в будущем мы сможем значительно увеличить богатства наших водоемов. Недопустимо игнорирование государственных законов, правительственных заданий по охране природы, очистке промышленных стоков.

С каждым годом промышленность, растущие города требуют все больше и больше воды. Для выпуска одной тонны стали по современной технологии нужно 50 тонн воды; тонна капрона требует уже 2500 тонн воды — целое озеро! Химические, металлургические предприятия не только пьют из наших рек, но и загрязняют их.

Человечество создало мощную индустрию, перешло к сельскому хозяйству на промышленной основе, только по отношению к природе мы продолжаем быть жестокими и неразумными детьми, думающими иногда о сиюминутных своих нуждах и проблемах. Этим объясняются огромные сложности, связанные с охраной природы. На Оби создалась очень противоречивая картина. Есть места загрязненные, а есть очень хорошие, и это дает основания для оптимизма.

В последнее время в работе окружного исполкома, городских и районных Советов народных депутатов вопросы охраны природы занимали важное место. На заседаниях окрисполкома, постоянных комиссий отчитывались: объединение «Ханты-Мансийскнефтегазгеология» — о выполнении закона об охране природы в РСФСР, окружная инспекция рыбоохраны — о сохранении и воспроизводстве рыбных запасов в водоемах округа, ряд предприятий округа — о соблюдении земельного законодательства при отводе земельных участков под различные виды строи-

тельства. Исполкомы районных Советов стали принципиальнее подходить к решению этих вопросов.

В то же время сказать, что исполкомы местных Советов всегда добиваются безусловного выполнения всеми предприятиями, организациями закона об охране природы в РСФСР, дают принципиальную оценку действиям руководителей организаций, еще нельзя. Мало публично наказываем руководителей, не выполняющих решений партии и правительства об охране и очистке вод, привлекаем виновных к уголовной ответственности. Появился уже и опыт положительный, который надо поддерживать, широко распространять. На десятках предприятий ведется сегодня настоящая борьба за чистые стоки, и дело это стало важнейшим. Можно было бы, наверное, подумать об особых правительственных наградах для тех, кто внес большой вклад в охрану родной природы.

Разговор с Теленковой навеял много мыслей и раздумий о судьбе моего края. Может быть, действительно пора выработать новую концепцию отношений с рекой, лесом, со всей природой? Когда-то природа казалась неисчерпаемым источником. Наши предки относились к ней как к подлинному и равноправному партнеру. Но теперь многое изменилось. Человек вооружен мощной техникой, способной принести не только пользу, но и вред природе. Мы связаны с природой тысячью незримых нитей. Мы — часть природы. Но в отличие от других существ только мы можем познавать ее законы. И потому только мы, люди, можем обратить эти законы на благо всего живого.

Дядя Паял

Мы плывем по большой воде.

Утки, вылетающие из-под носа нашей лодочки, возвращают меня в тишину большой воды, которая когда-то баюкала меня.

Давно я уже не ощущал такой тишины. На крылатых лодках качается моя жизнь, на шумных колесах катится.

И вдруг — тишина. Волшебная тишина. И лодочка-калданка. У меня в руках легкое как перышко весло. У дяди Паяла такое же весло. Мы плывем на лодке, беседуем.

Наша калданка легко плывет между зибунами. На моторке тут не проедешь. Зибуны — маленькие островки, поросшие травой и мелким кустарником. Они имеют ту особенность, что уровень их всегда одинаков с уровнем воды в реке. Если вода в реке поднимается, поднимаются и они; если опускается, вместе с водой опускаются и островки. Зибуны — излюбленное место обитания диких уток и гусей. Здесь они вьют гнезда и выводят птенцов. Здесь и ондатры шныряют. Однажды даже осторожная выдра показала свою прекрасную шкурку...

Еще с весны в пойму реки слетается все пернатое царство выводить детенышей. Здесь, в густой высокой траве, окаймленной со всех сторон желтым тальником, скрывается оно до осени от орлов, ястребов и других хищников. И человеку не так-то просто тут проехать. Если только на калданке, такой, как наша лодочка...

— Ты, наверное, думаешь быть вечно молодым,— говорит мне Паял.— И я когда-то так думал. Но однажды, возвратившись с большой охоты, я заметил в доме некоторую перемену. Нет, ничего особенно не изменилось. Все на своих местах, те же жена, дети, вещи... Только мои глаза... они вдруг увидели то, чего раньше не замечали. Вот жена. Будто впервые вижу. Ее печальные глаза, улыбку, руки. Руки с набухшими венами. Дети, корова, лошадь, собаки... весь дом держится на этих мозолистых женских руках...

Взглянул еще раз на жену. Сердце сжалось. И я в этот момент испытал необычайное чувство. В нем было все: и любовь, и жалость, и смутная вина, и страх перед

необратимостью жизни. Наверное, в эти мгновения я почувствовал себя впервые зрелым человеком...

— А что такое зрелость?

— Зрелость... Это когда человек начинает чувствовать причастность к солнцу, воде, земле. Когда он испытывает ответственность за все в мире.

В траве что-то зашелестело. Миг — и перед нами показался целый утиный выводок. Но прежде чем мы смогли им полюбоваться, они шумно побежали по воде, рассыпая серебряные брызги. Еще мгновение — и они растаяли в зелени очередного зибуна. Лишь мать продолжала лететь впереди нашей лодки, вечной материнской хитростью заманивая нас подальше от своих деток...

— Вишь, она какая мудрая?— говорит дядя Паял. И мне кажется, что глаза старого манси с добротой смотрят на меня, и на реку, и на мир.

Вдруг в воде мелькнула какая-то тень. Я взглянул вверх. Вижу, сокол летит.

Птичий хор утихает,
Когда он летит.
Утки в травах цепенеют,
Когда он летит.
Даже гуси замирают,
Когда он летит.
Крылья острые, как сабли,
А глаза как стрелы.
А над глазами — желтый круг,
В остром клюве — острый зуб.
Серо-сизая гроза —
Соколиная атака.

— Сокол,— произнес с грустью дядя Паял,— когда-то и я был соколом...

Теперь нашу калданку стал сопровождать какой-то куличок. Маленький, невзрачный, а кричит на всю округу...

Куда ты летишь, кулик?
Зачем ты кричишь, кулик?

Живем по законам предков:
Малюток твоих не тронем.

Беспокоится кулик. Кричит. О детях своих беспокоится. Не бойся, глупый, моего ружья. По закону предков живем: летом дичь не трогаем. А ружье? Так оно так, для важности. Соколом хочется чувствовать себя. В любом возрасте...

И я вспомнил «Зов охотника», услышанный мной впервые на медвежьем празднике в доме Паяла.

Эй, звери и зверьки!
Быстроногие, пушистые,
По деревьям ползающие,
По долинам да равнинам бегающие,
По распадкам да ложбинам бродящие,
С верховьев рек согнанные,
Равнинные и горные,
Звери и зверьки,
Поиграем с вами в игрушки,
Не проходите мимо
Моей ловушки.

Время от времени Паял останавливался у некоторых деревьев, стоящих в воде, и вытаскивал оттуда черканы-ловушки, поставленные на горностая еще зимой. В этой пустынной глуши он был как дома. Каждый ствол дерева был ему знаком, каждое дупло...

— Извини, друг, не успел убрать весной. Тяжело заболел. Ловушки остались... Грех, конечно. Ну что поделаешь — жизнь есть жизнь. Охотой мы живем. Рыбалкой мы живем. Мы, северные люди,— ловцы. А знаешь, охотники, рыбаки живут по законам предков, законам природы.

Паял смотрел куда-то вдаль. В его с прищуром глазах отражалась какая-то тайная дума. Печальная, упорно сосредоточенная дума. Отгоняя комаров, дядя Паял говорил:

— Вдумаешься хорошенько в природу, приходится согласиться, что она близка к человеку. Как мать, отец. Кровное что-то есть в ней. И таинственное... Посмотри,

какая благодать! Вижу, последнее время люди стали терять широту души, вот как эти водные просторы...

Калданка наша плыла неторопливо между зибупами. Паял запел песню. Свою песню, свою думу. Он пел о нашей лодке, о воде, о солнце. И пение его тихое, какое-то надорванное. Тянет одну ноту, то понижая, то повышая голос. Потом вдруг оборвет песню на полуслове. И в глазах его тихое, чуть ли не скорбное выражение. И губы его дрожат, будто ему заплакать хочется. Но слезы только в горле. В глазах их нет. Разве может плакать старый, суровый рыбак-мапси перед глазами большой воды?!

Вдруг исчезло солнце. Темные лохматые тучи принеслись откуда-то внезапно, как это часто бывает на севере. Небо и вода заволновались какими-то своими страхами. Потемнело небо, потемнела вода. Подул ветер. Заиграла рябью вода. Я вынужден был надеть куртку, кепку. А дядя Паял как сидел раньше на корме калданки, так и не переменил позы. И старый, поношенный китель его оставался расстегнутым. И ворот рубахи расстегнут. Капли дождя, как стрелы, били нас. Над головой вспыхивали огненные молнии. Гром ревел разъяренными медведями. И лодка наша, гонимая ветром, закачалась.

Я смотрел на дядю Паяла и дивился. Весь промокший, посиневший от холодного дыхания ветра, он по-прежнему сидел на корме калданки, стараясь направить лодку в нужном нам направлении к какому-то более сухому островку. Он внимательно всматривался вперед, где синел небольшой остров с островерхими елями...

Мы пристали к острову. Вортума — лесной остров — таково название нашего пристанища. Когда я обычно проплываю по Сосьве на теплоходе, то всегда издали гляжу на этот остров. С каким-то особым, щемящим сердце чувством. Сколько помню дядю Паяла, столько помню этот островок, возвышающийся над тальниковой

поймой слившихся здесь вод Оби и Сосьвы. В половодье это единственное «сухое» место на десятки километров, где зверье — лоси, зайцы, лисицы — находит пристанище и спасение. А еще здесь когда-то был охотничий стан моего дедушки.

Помню, стан состоял из лесной хижины, поставленной на очень низком срубе, с бревенчатой крышей, засыпанной сверху землей. Посреди крыши — отверстие для дыма. В центре хижины — костер. Недалеко от того жилья возвышался сумьях — избушка для хранения мяса, рыбы, шкур. Не только мыши, но и росомахи и медведи не могли взобраться на нее, потому что стоял сумьях на двух ногах — гладко обструганных толстых столбах елей, срезанных на высоте трех метров от корня...

Помню, хижина состояла из одной большой комнаты с земляным полом. Возле стен по земле были разостланы доски. На них спали. Старые оленьи нарты, лыжи, прислоненные к стене, железные заржавевшие капканы, оленьи рога, берестяные туески, несколько толстых обрубков для сидения...

Всего этого мне больше не пришлось увидеть. На берегу теперь валялись пустые консервные банки, бутылки. Кто-то попытался срубить даже одну из елей. Но не смог. Видно, толстой, могучей оказалась ель. Стоит, к счастью...

Мглистое, пасмурное грозовое небо вдруг вновь распахнулось. Над водой, надо всей поймой вспыхнуло солнце. И две радуги, яркие, живые, круглые, стали рядом. Хотя этих рек не видно с острова Вортумп, но я знаю, это во́ды, кругом — во́ды слившихся воедино рек Сосьвы и Оби.

Солнце опять сияло. И вода сияла светом полудня. А радуги стояли полные света, красок, многоцветия жизни...

Лето... Что такое лето? Лето — большое солнце. Лето — белая ночь. Лето — большая рыба. Лето — ягоды.

Красные, голубые, черные сочные, вкусные ягоды. Ягодам радуются глухари, медведи, люди. Лето — орехи кедровые. Орехи будут — белка будет. Белка будет — соболь будет. Соболь будет — охотник будет. Лето — грибы. Грибами лакомятся многие звери. Особенно олени. Олени летят — оленевод счастлив... Лето — начало счастья птиц, зверей, человека...

Весна красна цветами,
Белыми ночами,
Утками, лебедями
Звенит, поет весна.
А лето богато солнцем,
Большой водой и рыбой.

На острове мы были недолго. Попили чаю — и снова в лодку. Лодка наша стояла у крохотного ручейка, вытекавшего точно из-под земли. Берег у ручейка был светлым, песчаным. На дне его видны камешки.

Всмотревшись попристальнее, в глубине ручейка я вдруг увидел тени рыб. Одни из них были маленькие, другие побольше. В одних я без труда узнал красноперых чебачков. Других не мог распознать. Последние упорно держались у песчаного берега с камешками. И каждый раз, когда над водою проносилась какая-нибудь мушка, стрекоза, они с замечательной ловкостью схватывали их и скрывались в глубине, оставив на глади воды чуть заметный кружок.

— Что это за рыба?— спрашиваю я дядю Паяла.

— Хариус. Водится он обычно в нашей таежной речке. Спустился, наверное, на лето. Мало его здесь, в Сосьве, не то что сырка.

И я узнаю кое-что о хариусе, редкой рыбе, которую манси называют «толын-хул»—«крылатая рыба».

По многим своим признакам хариус близок к лососевым. Объединяет их и любовь к рекам с чистой прозрачной водой и быстрым течением. Но хариуса легко

отличить по огромному спинному плавнику, который у самцов в прижатом состоянии достигает хвостового. Спина его обычно серовато-зеленая с черными пятнышками, бока — светло-серые, брюхо — серебристо-белое. Хариус без труда преодолевает высокие пороги.

Нерест обычно в наших водах приходится на июнь. Для этого рыбы выбирают ровные плесы с умеренным течением. Икру откладывают на крупный песок или гальку.

Хариус питается исключительно животной пищей. Основное «меню»— летом взрослые насекомые и их личинки: веснянки, поденки, комары, а также рачки-бокоплавы и моллюски.

Иногда можно наблюдать интересное зрелище. Хариус выпрыгивает из воды, играя на солнце широким плавником, и на лету ловко хватает мошек и комаров.

— Комаров и мошек не будет, и рыбы не будет. Такой закон есть в природе. Знай. Вот тут моя сеть стоит.— Старик подворачивает к кустам камышей и прижимается к высокому шесту.

Поплавков я не вижу, все затонули. Дядя Паял отвязывает от шеста тетиву. Сеть тяжело держать в руках.

От изумления я цепенею. В каждом метре полотна набилось множество сырков, крупных, сияющих живым серебром.

Есть что-то странное в характере старого манси. Добродушным назвать его нельзя. Но он как-то особенно чувствительно справедлив. Над водой кружатся чайки. То одна, то другая падает стрелою на зеркальную гладь воды — и снова в небе парят. Парят с добычей в клювах — с живой трепещущей рыбой...

— Смотри, рыба как играет! Давно ей пора в верховья Сосьвы, а она еще здесь.

О рыбе я думаю. Без рыбы нельзя жить манси. «Рыбы не будет — манси не будет. Рыба будет — жизнь будет». Так старые манси сказывали.

Наша лодка плывет легко. Слышу легкий шорох. Гляжу: лягушка смотрит из воды, выпучив глаза. Плавно разводя передними лапками и дрыгнув задними, всплыла вверх. Точно краля. Булькі И стрельнула под воду. За мальками. Лягушка — враг рыбы... Но главный ли? Веками они все же уживались. Как человек-промысловик с рыбой...

— Хищник хищнику рознь,— начинает рассуждать дядя Паял.— Главная наша беда вот какая, я думаю: все теперь хотят богато жить, легко зарабатывать. За большими легкими деньгами приезжают на Север некоторые. И еще скажу: конечно, газ, нефть — это очень важно. А разве рыбак не нужен? Рыбаки тоже нужны.

Мы с дядей Паялом стояли на высоком мысе Чуанель. По-мансийски он звучит чуть по-другому — Шуянёл, что означает Седой мыс. С этого высокого мыса открывается вид на просторы поймы Сосьвы и Оби, воды которых встречаются впервые на противоположном берегу, недалеко от поселка Ванзетур, где теперь живут мои родственники. Противоположный берег виднеется неясно, как в тумане. Если посмотреть наискось, поверхность воды сливается с горизонтом. Это летом, в большую воду. Осенью на месте этого «моря» останется небольшая протока. Это море, называемое Логинским сором, сейчас играет седыми барашками волн. Не потому ли манси называли его Седое озеро? Поседел мыс, обезлюдел. Мы идем с дядей Паялом по Чуанелю, как по кладбищу. Поле, выкорчеванное когда-то с таким трудом, теперь заросло бурьяном. Бревна, сиротливо выглядывающие из-под бурой травы, напоминают о жизни, которая недавно ликовала на этом живописном мысе.

На пойменных лугах, что примыкают к реке, слышится кряканье уток. Выпь вопит. На противоположном берегу через протоку кукует кукушка. По луговым кочкам бегают лысухи. На зеленом берегу лужайки целая

стая турухтанов[1]. Одни из них гоняются за водяными жуками, другие ловят мушек, третьи то ли дерутся, то ли играют, нанося удары длинными клювами.

С низменного берега реки то и дело зигзагами поднимается в небо бекас, а затем падает с высоты, распустив хвост, и производит звук, похожий на блеяние барашка.

Когда-то здесь, вон на том зеленом островке, я впервые увидел настоящего барашка. Теперь там никто не пасет скот. И на этом берегу, на высоком живописном мысе, если не считать ворона, который свил гнездо на кедре, тоже никто не живет...

— Старое дерево знает много и горя, и радости,— вздохнул дядя Паял.— Вот еще какая боль мучит меня,— начал снова дядя Паял.— Земля наша пустеет, оголяется. Помнишь, каким красивым селением был Чуанель. На высоком берегу стояли дома. На большую воду глядели дома. Веселые дымки согревали наше холодное северное небо. Русские люди жили тут, переселенцы с Печоры. Хорошие люди. Трудовые, как мы, северяне. А протяжные русские песни! Наши широкие плесы оживали. А теперь все замерло. Ни одного дымка. И высокий мыс среди большой реки замер, одичал. Взглянешь — полоснет по сердцу. Грустно. И зачем это придумали укрупнение поселков? Земля мертвеет, теряет душу, песню. А сколько травы здесь теперь пропадает! Скот здесь раньше гулял. А рыбы неловленой, птицы нестреляной... Нехорошие слова «неперспективное селение». Для нашего Севера, где человеку приходится проходить большие безлюдные пространства, они не подходят. Наша Сосьва длинная, на семьсот километров протянулась. Когда-то за каждым плесом дымок мансийской деревушки веселил глаз. Теперь все пусто...

Конечно, в «большой деревне» есть свои удобства: тут и школа, и медпункт, и магазин, и клуб, и правление

---

[1] Турухтаны —вид чаек.

совхоза. Все рядом. Удобно. Далеко ездить не надо: все вместе. И детям хорошо: школа рядом, родители рядом. И все же много ли мы выиграли, оставив свои дома в живописных рыбных, звериных местах? Цену покинутому дому узнаешь потом. Раньше наш северный человек ходил по лесу, сейчас он больше по поселку слоняется. Раньше он за зверем охотился, теперь у магазина больше простаивает... Э-эх! Смеюсь, конечно. Но что-то в этом есть и от правды.

Деревушку, где живет дядя Паял, русские называют Малеевкой, манси — по-своему: Квайк-я. На карте ее нет. Но есть она в моем сердце, памяти. Помню ее с первых шагов. Здесь я слушал первые сказки воды, леса, дедушки. Это деревня моего дедушки.

Бывало, встанешь утром, а завтрак уже на дереве сидит краснобровым глухарем. Глухаря не хочешь — тут же в зеленотравых зарослях плещутся дикие утки. Уток не хочешь — посмотри ловушки: в них, если нет нельмы или муксуна, сырок-то уж обязательно серебрится. Рыбы не хочешь — попей парного молока: на зеленой лужайке привольно разгуливают коровы, пощипывая сочную траву. Умели древние манси выбирать место для жилья. Теперь же надо бежать в магазин, стоять в очереди.

— Так я думаю,— продолжал между тем дядя Паял.— Мы вот вдвоем со старушкой своей остались. Сыновья и дочери ушли от нас. В людных местах живут. Много зарабатывают. А нам грустно без них. Хорошо, что в отпуск приезжают летом, когда большая рыба играет. А то бы совсем плохо.

И все же жалко. Семь домов было, остался один наш дом. Чую, сыновья мои не будут здесь жить. Совсем замрет, одичает наш берег, берег рыбистой Сосьвы. Боюсь и за нашу таежную речку.

Знаешь, а я сохранил не только токовища глухарей, но и священную избушку твоего дедушки. Так что духи

предков твоих не тронуты. Ты наследник дедушки. Может, ты разумнее других? Может, ты сюда приедешь и продолжится жизнь? Э-эх! Ничего не понимаю, как такие рыбные, звериные места можно оголять, менять на другую, шумную жизнь? Знаю, никто из моих сыновей не будет жить на этом тихом берегу. И последний наш дом в этой деревушке покосится, огонек погаснет навсегда. Знаю, все теперь к большим поселкам, городам льнут. И ты ведь далеко уехал. Но я много жил. Мудрость копил годами. Твою душу читаю, как книгу белую. Знаю, ты пишешь книги, играешь со словом. Помнишь ли ты, как дедушка относился к слову?

— Как не помнить. Слово и в небо поднимет и на землю уронит, кажется, говорил он.

— Оленя хватают за рога, человека ловят на слове. Самое сладкое и горькое в мире — слово. Видел — не скрывай, не видел — не болтай. Раз скажи, два подумай. Не кричи на ветер, голос зря не дери. Знай: доброе слово и оленя на путь выводит. Правдивое слово все препятствия свалит. Помни: от хорошего слова миру светло.

На спокойной глади воды плеснула большая рыба.

Паял поднял голову. На лице его зацвела таежным цветом торжественная радость человека, постигшего смысл мгновения, а может, и всей жизни.

— Ветер располагает к думам,— вздохнул он.

Солнце уже село. Но его лучи обагряли ярким пламенем края облаков. Казалось, облака были обшиты красной каймой с розовым отливом.

— Уголь, нефть, газ... Как бы много их ни было, когда-нибудь и они закончатся. А вот рыба в реке, соболь в тайге, да и сама тайга — богатства особые. Каждый год снова река родит рыбу, а лес — зверя. Бесконечно будет так, если относиться к этим дарам по-хозяйски.

Грусть сквозила во взгляде дяди Паяла, когда мы

прощались. Большая грусть. И его слова, как напутствие, звучат во мне:

— Кто не ценит малое, тот не ценит и большое. Кедру цепа по орехам, человеку — по труду. Трудись на совесть — народ похвалит. Где народ — там и герои. Богата страна — богат и ты...

Да, богата наша земля! И газ, и лес, и рыба, и пушнина! Всего, кажется, вдоволь. Но именно богатствам нужен хозяин, который скажет вовремя: «Не транжирь! Умей не только изменять, но и сохранять!»

Не консерватор ли Паял?— иногда думалось мне.— А может, он настоящий хозяин. Ведь печется-то не о себе. Он ратует за разумную бережливость, внимание к природным богатствам, хозяйское отношение ко всему на земле.

...Красуется на берегу Сосьвы кедровый бор. Летом ветви гнутся под тяжестью спеющих шишек. Осенью падают они на землю, зрелые орехи дают новую жизнь тайге. Не нарушить этой извечной гармонии, не обделить людей красотой, богатствами в будущем ради сиюминутных выгод — об этом наша общая забота.

Без охотника лес — сирота

Было в тайге много зверя. Больше деревьев было зверя. Больше ветвей было птицы. Смотришь: дерево стоит высокое. А пристальнее взглянешь — это стройный лось, красавец тайги стоит. Смотришь: коряга черная под деревом чернеет. Пристальнее взглянешь — сам царь тайги — медведь. А на каждой ветке кедра не пушистый мох. На каждой ветке кедра — соболь. Там его пушистый мех золотится. И белки качаются на ветвях. Их много, как и кедровых шишек. А в таежной речке плавают бобры. Они строят хатки. И плотины даже строят. И в таежной речке появляется озеро. Его зеркальное лицо улыбается. А над озером бабочки летают. Их рыбы веселые хватают. Рыбы пляшут, резвятся. Кишит лесное рыбами. Дышит лесное озеро. Живет.

А на опушке леса, на зеленой поляне, глухариная свадьба, глухариная песня.

А небо звенит, как струна многострунной мансийской арфы-лебедя. Вечное лебединое «курлы-курлы» плывет и плывет не умолкая. А поднимутся утиные стаи в небо — солнце собой затмевают.

Много зверя в тайге, много рыбы в реке, много птицы в небе...

Радуются люди. Бьют птицу, бьют рыбу, бьют зверя... На лосиных тропах ямы роют, на

собольих дорожках петли ставят, на местах перелета птиц перевесы-сети натягивают. Из лука бьют птицу крылатую, самострелами бьют зверя красного и черного, придумывают новые ловушки и радуются своей силе и ловкости.

А однажды убили оленя с олененком, и тайга дремучая будто помертвела. Сколько ни смотри: не оживет дерево, не взмахнет рогами, не помчится лосем. И коряга черная останется корягой. Увидишь пушистого соболя, подкрадешься ближе — мох пушистый на ветвях висит. А в таежной речке нет озер бобровых. Мастера бобры плотины там не строят. И захламленная ветвями речка, как болото, дышит прелой гнилью. И где уж плескаться рыбам!..

Замолчало небо. Будто с многострунного лебедя сорвали самую звонкую и живую струну... И люди присмирели. Обуял их страх. Великий страх. Задрожали люди, чувствуя свою смерть.

— Кто умертвил наш лес, увел зверя и птицу?— спрашивали они.

— Ха-ха-ха!— смеялась сорока-белобока.— Лесной дух Гнев тайги вас наказал. Зверя били, птицу били, рыбу били. Много били. Радовались силе своей. Не думали. Вот и наказал вас Гнев тайги.

Задумались люди: что же делать, как оживить природу?

Среди людей был один человек — старик охотник Тасман. Однажды он шел по лесу. Вдруг в темной тайге раздался страшный рев. Это не гром гремел и не волк выл. Нет! Это не стон деревьев под вьюгой и не плач ребенка! Нет! Это ревел лось. От боли кричал, кого-то на помощь звал.

Не убежал Тасман подальше от горя. Не испугался он чьей-то злобной силы. Исполнил Тасман закон тайги: пошел спасать слабого, погибающего. И не случайно: ведь он был настоящим охотником. И видит Тасман между кедрами лося. А на спине лося — медведь. Он острыми когтями шкуру лося рвет.

— А как он на спину лося взобрался?— спросит кто-то.— Ведь лось высокий, стройный. И даже хозяин тайги боится его ветвистых рогов, а угодит под удар копыта — и не встать ему вовеки.

Медведь хитрый, скажу я вам. Он взобрался на кедр. В ветвях кедра, под которыми была лосиная тропа, притаился он. Долго ждал медведь и дождался. Знал он, что лось пойдет на водопой по этой тропинке. И когда тот проходил под ветвями кедра — медведь прыгнул на широкую спину таежного красавца...

Радуясь добыче, счастливый зверь не заметил опасности, не увидел вовремя охотника. Натянул Тасман лук старинный и пустил старинную стрелу.

Склонил лось величавую голову перед Тасманом, склонил он рога могучие и молвил по-человечьи: «Спасибо тебе, человек!» А на спине широкой горела рана. И Тасман повел лечить лося в юрту свою лесную. Алыми струйками кровь лилась. И там, где лось проходил, где капли крови уронил, теперь ягода брусника красными глазами каждое лето смотрит, каждое новое лето наливается новым соком. Вылечил Тасман лося. Поблагодарил лось Тасмана и спросил: «Что для тебя сделать, человек?»

— Соболь не играет, глухарь не поет, сырок не плещется, душа умирает... Как оживить душу, вернуть тайге и рекам жизнь?

— Садись на меня,— говорит лось,— ноги у меня длинные, ноги мои еще крепкие, может, и доскачем до юрты лесного духа — царя зверей и птиц и всего живого.

Сел Тасман на лося — и в дорогу. А дорога эта была нелегкой. Дремучие урманы встали на пути, высокие горы, топкие болота, широкие реки. Вьюга и слякоть не остановили Тасмана. Доехал он до царства лесного духа. А царство это волшебное. Люди пройдут и ничего не заметят. Обыкновенные сосны, может, чуть повыше. Обыкновенные кедры, может, лишь чуть поветвистей и древнее. Обыкновенные ели, может, лишь ветви ниже к земле мшистой тянутся. Обыкновенная тайга, может, лишь подремучее и таинственней...

А человек пройдет — чудо увидит. Но не всякий человек. А лишь тот, у кого доброе сердце, мудрый ум, чистые руки.

Сказочных зверей, причудливых птиц, волшебных рыб увидел Тасман. И много их, как летом комаров, зимой снега. А самого лесного духа Тасман не увидел, а лишь услышал:

— Здравствуй! Что тебя привело ко мне? Говори, я слушаю...

— О великий дух тайги,— упав на колени, забормотал старик. Он просил от имени всех манси, от всех рыбаков и охотников.

Золотую чашу предков,
Чашу, из которой ели
Семь охотников мужчин, кто-то злобный утащил.
Горе, горе бедным манси!
Сыновья твои лесные взор к тебе свой обращают;
Плачутся солепым плачем, молят сладкою молитвой:
Вора злого излови!

Верили духам древние люди. Думали, что все зависит от них. И в чашу счастья верили. У кого эта чаша — тому и удача на промысле.

Синей музыкой зазвенели слова невидимого духа. Зеленое эхо повторяло эти слова и уносило их вдаль. Их шептали листья живых деревьев. Их повторяли струи звонких речек. А может, говорил не дух тайги? Может, это птицы пели? Может, рычали медведи и сердились люди? Может, это юркий соболь мудро скалил зубы?! Может, пятисотлетний кедр думу думал? Может, это было, может, и нет. Только Тасман опять услышал:

— Человек! Ты не можешь жить без мяса, не знаешь счастья без рыбы. Знаю... Я верну тебе и зверей, если будешь хозяином на Земле, а не гостем... И еще скажу:

Человек!
Будь рыболовом с головой,
Охотником — с душой!

Но вдруг лось заговорил человеческим голосом:

— Тасман спас меня. Он оживил мои смертельные раны. Вернул мне радость жизни. Не виноват в делах людей Тасман!

Вздохнул облегченно Тасман и опять услышал голос невидимого духа тайги:

— Ты добрым был — тебе прощаю. Но знай, человек: ты за всех в ответе!

Эти слова семь раз повторил филин — волшебная птица. Еще семь раз повторила волшебная гагара. И эхо волшебное во все концы света разнесло слова духа тайги. Теперь все знали: Тасман — настоящий Человек. Теперь все знали: люди, оказывается, могут добрыми быть хозяевами. И опять Тасман услышал голос духа: «Люди, вы стелете сладкие молитвы. Но не за них я возвращаю вам птиц, зверей, рыб. Нет! А среди вас оказался Человек!..»

Затрещала тайга — это стада оленей, лосей зашагали на север, скакали соболи, белки. Зашипела вода — это косяки рыб поплыли в родные реки и озера. Зазвенело небо — это летели стаи птиц в родную белую ночь, чтобы свить гнезда и вывести крылатых сыновей и дочерей.

Птицы летели на север, звери шли на север, рыбы плыли на север. Ехал на родину и Тасман. На вещем лосе ехал. В душе у него развивалось счастье. Но рядом с ним сидела глубокая дума: «А сможет ли человек быть Человеком?!»

У хозяйки Вормис-най

Песенная красота осени... Лес горит багрянцем, позолотой листвы. Вода — синью, небо — лазурью. Над лесом, над водой шум, гам. Гуси гогочут, чайки смеются, тагары стонут... Все живое занято чем-то важным, сокровенным.

Заканчивается воспитание племени зверей и птиц. Теперь животных стало больше, чем весной... Они о чем-то кричат, толкуют. Может, о дальней дороге?.. А может, просто поют от счастья, что их много?..

Песенная красота осени... Как мне выразить эту неуловимую мелодию? Найду ли я слова?..

Вода большая ушла. Река стала узкой. Берега будто выросли, стали высокими.

Цветным осенним светом смотрят берега. Куда ни кинешь взгляд, радуга играет. Багровым, золотистым, бурым, зеленым, голубым, белым, серебристым осенним светом светится земля.

Земля глядит разноцветными глазами созревшей морошки, голубики, брусники. Косогоры цветут разноцветьем сыроежек, волнушек, подберезовиков, маслят. Каждый листочек, каждая травинка наперебой хотят показать свою красоту.

Кончается лето.

Идет осень.

С места на место перелетают совы с совятами. Совята кричат, просят есть. Совы хищно высматривают уток, куликов, чаек.

Чайки, кулики, утки поднимаются на крыло и учатся летать.

Идет осень. Дни короче. Ночи темнее. Холодные утренние росы. Кончилось лето.

Идет осень. Идет осень по реке.

Густым туманным утром не видно ни берегов, ни воды, ни неба. В молочной туманной пене летящие гуси кажутся крылатыми чудовищами. Шум, гвалт над водой.

Гуси поднимаются стаей, вытягиваются клином, собираются в полет.

По низким берегам вышагивают гусиные выводки. Молодых не отличить от взрослых. Большими стали малыши. И все же можно отличить большого от малого.

Вот гусь-отец и гусыня гуся-сына учат против ветра взлетать, чтобы знать силу ветра.

Гуси учатся летать.

И не только гуси. На обрывистом берегу сидит птенец сапсана. Хоть и маленький, а сидит соколом. Вот он расправил крылья, оттолкнулся лапами и устремился вниз. Полетел.

Приземлился. Немножко неудачно приземлился. Кувырком через голову. Ничего! Научится! И соколу надо учиться...

Пришла осень. Закурил дедушка Север трубку. Потянуло хмарью. Дохнуло холодом. Пошли дожди. Запудил ветер.

Разыгрались волны на реке. Потускнели краски. Пожухла трава. Опала наземь листва. Засеребрились от изморози косогоры. Зазвенели на озерах корочки льда.

И огласилась земля прощальными криками гусей, лебедей, уток.

Кончается северная осень. Птицы устремились на юг. Летит с облаками косяк за косяком.

Со свистом над водой проносятся гагары. Над песчаными берегами перепархивают стайка за стайкой пуночки, подорожники, снегири, рогатые жаворонки. Летят чайки, канюки, сапсаны. Лебеди-кликуны, журавли-стерхи летят, махая белыми крыльями.

Белый лебяжий пух сыплется с белых крыльев. Белым лебяжьим пухом покрывается земля. Наступает зима...

* * *

Прочная память детства... Мы идем по лесу. Лес густой. Деревья высокие. Будто облаков касаются их вершины. По лесу мы не просто гуляем. По лесу человек идет всегда с какой-то целью: ягоды собирать, кедровые шишки сшибать, лесную дичь ловить. Сегодня мы идем смотреть ловушки.

Дедушка говорит, что у каждого участка леса свой хозяин или хозяйка. Переходя с одного участка на другой, охотник должен благодарить хозяина леса, просить его об успехе. Если не сделаешь так, будет беда. Не раз об этом предупреждал дедушка. Охотники во время охоты разговаривают между собой на языке леса. Языком леса обманывают дичь. «Тот не охотник, кто не знает охотничьего языка»,— часто говорил дедушка. Я это помню. И мама об этом знает.

Мы шли с мамой по лесу, где хозяйка Вормис-пай [1].

Мама шла по лесу и шептала:

О великая Вормис-най!
За удачу в охоте
Мы приносим тебе
Великую благодарность!
Мы молим тебя о большой добыче...

Мы идем по лесу. И вдруг чудо: перед самым носом глухарь. Будто вырос из снега. Большой, черный. Брови красные. Шея сивая. В черных крыльях снежно-белые перышки. Хвост узкий, длинный, веслом торчит. Красавец! Крылатый царь тайги!

---

[1] Вормис-най — лесная фея, покровительница охотников по мифологии манси.

Увидел нас — окаменел. От страха, видно, забыл, что у него крылья. Взлететь бы ему, а он побежал. Да не на открытое место, а в ельник. А ельник густой, колючий. Как ошпаренный выбежал глухарь из ельника. Мечется, будто пьяный. Растерялся. Совсем не соображает. Прямо на нас прет. Перед самым моим носом взлетел, чуть меня с ног не сбил.

— Вот куль![1]— воскликнула мама.— Совсем ум потерял. А еще считается царем лесных птиц!

— А что едят глухари?— спросил я маму.— Снег, что ли? Ведь кругом только снег. Снег, лес, небо и больше ничего.

— Почему только снег?— удивляется мама.— На деревьях тоже пища для глухарей есть.

— Ну какая на деревьях может быть пища? Разве шишки на кедрах остались?

— На кедрах шишек и правда не осталось. Что не убрали люди, досталось ронжам, белкам. А вот на елях и соснах шишки есть. Ими питаются белки. А глухарь любит хвою лиственницы. Она после первых заморозков становится кисленькой, вкусной. А зимой будет питаться сосновой корой. Под снегом в тайге и на болотинах много ягод остается — клюква, брусника, голубика, морошка. Но зимой ягоды из-под снега достать трудно. Весной, когда начнет подтаивать снег, дело иное. Вот и приходится глухарю грубой пищей питаться. Осенью глухари вылетают на разные отмели, пески, где клюют крупные песчинки, мелкие камушки. Эти камушки, попадая в желудок, помогают глухарю перетирать грубую пищу долгой зимой.

На этих песчаных отмелях, на крутых берегах и мы ставим слопцы, наши хитрые ловушки на глухарей. Взглянешь на слопцы — ничего особенного: два связанных бревна. Один конец бревен на земле, другой приподнят

---

[1] Куль — черт (манс.).

подпоркой. В подпорке этой хитрость: чуть тронь ее — бревна упадут и придавят глухаря. А лезть под эти бревна глухарю есть за чем: там камушки, золотые глухариные камушки...

* * *

Вышли мы из леса. Впереди большое-большое болото. Янгал-ма, ледяная земля, тундра. Кругом все было бело. Мы шли, шли — и вдруг перед глазами я увидел гигантские горы. В душе моей запрыгал веселый зайчик — так я обрадовался! Надоела мне однообразная плоская белая тундра. Я удивился, что мама не обрадовалась этой горе и Кирилл, мой двоюродный братишка, не обрадовался. И будто никакой горы нет и не будет впереди.

Мы шли вперед. Горы приближались, они будто росли с каждым шагом. Еще мгновение, и горы почти у моих ног. Меня охватил стыд: оказывается, за горы я принял ничтожные кочки, вытаявшие из-под снега.

— Ничего!— успокаивала меня мама.— Такие чудеса часто случаются в тундре. Это тундра поиграла твоими глазами. При ярком свете умей владеть глазами. Умей вовремя отличить гору от кочки, большого зверя от маленького, доброго человека от злого.

* * *

— Вот наш капкан. Что-то он поймал?— сказала мама тихо, но торжественно.

И правда. У белой кочки в развороченном снегу прыгал какой-то незнакомый зверь. Не серый волк, не рыжая лиса... Нет, этот был чуть меньше. Шерсть на нем была легкая, пышная. Он был весь ровного, не то серого, не то пепельного цвета. Он напоминал дым.

— Песец!— сказала мама.

— Но песец же белый.

— Это голубой песец. Редкий зверь. Дорогой подарок Вормис-най, нашей лесной богини. Спасибо, Вормис-най!..

Мы шли по урману. Урманом называют лес на возвышенном месте. Урманы бывают кедровые и сосновые. Мы шли по кедровому урману. Кедры стояли редко, на расстоянии друг от друга. Нигде не было ни валежника, ни чащи, будто кто-то занимался расчисткой леса.

— Кто прибрал этот лес?— спросил я маму.— Не Миснэ [1] ли?

— Нет. Этот лес вырос после игры огня. Давным-давно это было... На горелых местах хорошо растет ягода брусника. А без ягоды брусники зиму не прожить. Сухие деревья, валежник сгорели дотла, а более сильные остались и приносят хороший урожай кедровых орехов. Белка, соболь не переводятся в таком лесу. И олени дикие, и лоси любят гулять в таком лесу...

Мы идем по кедровому урману. Собака залаяла. Лай был сначала неуверенным, редким, потом стал частым, задорным.

— Это Ханси лает, наверное, на белку,— сказала мама и ускорила шаг. А мы с Кириллом побежали в сторону, откуда слышался лай.

Ханси стоял у ствола огромного кедра на задних лапах и надрывно лаял, скребя когтями кору.

Ветви кедра были зелеными, пушистыми. Мы ходили вокруг кедра и белки не могли разглядеть.

— Да никого нет тут!— заговорил Кирилл.— Обманывает Ханси. Просто так лает.

— Собака никогда не обманывает,— тихо заметила мама.— Затаилась белка в ветвях. Маленькая, а мудрая.

Отойдя подальше от дерева по совету мамы, я увидел белку. Серый зверек, вскинув вверх распушенный хвостик, сидел на зеленой ветке кедра и смотрел вниз, на лающую собаку и на меня.

---

[1] Миснэ —богиня у манси.

Но мама не снимает с плеча ружье, а просит подать ей лук. Я несу лук. А стрелы несет Кирилл в почерневшем колчане из оленьей шкуры. Из колчана торчат острые железные наконечники стрел. Одни наконечники как вилки, другие — как ножи, третьи — с зубцами, похожими на медвежьи когти. У каждой стрелы свое назначение. Стрелой с зубцами бьют рыбу. На зверя идут с острой как нож стрелой. А деревянной стрелой с шаром глушат белку. Много стрел в колчане.

Мама просит у Кирилла стрелу с тупым наконечником, который называется «томар». Мы с Кириллом удивляемся: почему мама не хочет стрельнуть по белке из ружья?

— Пороху у нас мало. Да шкурку белки надо беречь. Кому она — разорванная?

Белка успокоилась. Видимо, привыкла к лаю. И, забыв об опасности, занялась своим делом. Она то грызла кедровые орешки, то умывалась лапкой, то просто перепрыгивала с веточки на веточку.

О чем тоскует наш пес? Конечно же, о добыче. О беличьей шкурке. Инстинкт охотничий. Тоскует собака по добыче, мечется.

А белке будто все это нипочем. Она вверху. Собака внизу. И мало ли что происходит внизу. Всякое бывает внизу. И пусть. А наверху хорошо. Даже зимнее солнце иногда покажет глаз, осветит на мгновение верхушки высоких деревьев. Лишь соболи, куницы да верховой ветер вредны белке. А в остальном хорошо на вершине дерева.

Мама подала мне лук и стрелу с тупой головкой. Я начал целиться в белку. Выстрелил. Что-то свалилось. Собака в ярости заметалась у ствола дерева. Я побежал туда, но, к моему огорчению, оказывается, упала выщербленная кедровая шишка.

— Перья остались, а мясо улетело,— смеялась мама.— Но не беспокойся. Это белка, а не глухарь. Далеко

не улетела, на другую ветку пересела. Попробуй второй раз, да только метьси хорошенько.

И второй раз я не попал. Кирилл смеялся. Хохоча, бегал со стрелой. На третий раз мне не доверили стрелять. Стрелял Кирилл. И к моей радости, тоже не попал. А белка на ветке плясала.

И мама сказала такую примету:

— Скачет белка по ветвям, по нижним ветвям высокого дерева, развешивая грибы,— быть зиме малоснежной. Скачет белка по ветвям, по верхним ветвям высокого дерева, развешивая грибы,— быть зиме снежной, буранной.

Потом мама взяла сама лук и стрелу. Прицелилась, полетела стрела, и белка камушком свалилась с ветки. Пес, радостно взвизгнув, кинулся к ней, чтобы схватить зубами зверька.

— Не тронь!— крикнула мама.

Ханси как вкопанный стал около распластавшейся возле ствола белки, не осмеливаясь дотронуться до нее.

Первым добежал до белки Кирилл. Он схватил ее и начал разглядывать.

— В глаз попала, в глаз!— торжествуя, крикнул он, глядя па мою маму, будто это он попал.

— Это случайно,— заметила мама.— А вообще-то и надо попадать в глаз, чтобы шкурка хорошая была.

Я схватил белку.

— Что, лапки опять отрезать будем для собаки?— осматривая пушистого зверька, спросил я.

— Лапками-то он только облизнется, ему нужно отдать и кишки. Освежевать надо зверька.

— Как освежевать?

Мама достала охотничий нож. Распорола шкурку белки на задних лапках. Сделала надрезы у хвоста и на голове. А затем стянула мех, как варежку.

— Так вот, знайте: хороший охотник не портит шкурку. Первым сортом сдает. Для этого и в глаз

попадают. Для этого и из ружья не стреляла. Но знайте и то: убить зверя — еще не все, надо хорошо с него шубку снять, чтобы шкурку первым сортом сдать государству.

— А белку жалко,— сказал Кирилл.— Она так хорошо играла на веточке, плясала, радовалась чему-то. Может быть, солнцу. А мы ее убили.

— Шкурки белки нужны для фронта — шить одежду воинам,— сказала мама.— Ой как нужны! Это же золото, мягкое золото! Еще один удар по Гитлеру!

Полакомившись потрохами белки, нанюхавшись свежей крови, наш пес стал важным, довольным. Через мгновение и след его простыл. И мы тронулись дальше. Вышли к лесной речке. Речка вся была белая, только на перекате, у больших камней, дымилась живая вода. Мы спустились к реке. Вдоль берега какой-то зверь прошел. Следы оставил. След, должно быть, свежий. Утром шел небольшой снежок. Пороша. Порошу охотник как праздника ждет.

— Не волк ли прошел?— с испугом воскликнул Кирилл.

— Нет. У волка след больше,— сказала мама.— Наверное, лисица. Видишь, когтистые мягкие лапки прикасались к снегу.

На том берегу я увидел кочку и комья земли на льду. Наверное, лисица норку разрывала, чтобы полакомиться мышью. Появился наш пес и стрелой полетел по следу.

— А может, это след куницы или соболя?

— Ладно, узнаем.

Мы с Кириллом начали спорить, чей это след. Мама поглядела в сторону, где на вершинах деревьев недавно сидело солнце. Солнце уже за деревья ушло.

— Пойдемте в сторону дома,— сказала мама.— Хватит на сегодня.

А мы не хотели уходить от лесной речки, спорили о следах.

— Спорите, спорите... А зачем спорите? Читайте лесную книгу. В ней все сказано. Надо ум иметь, глаза иметь, уши иметь, тогда можно читать и лесную книгу. Все понятно, все видно, все слышно.

Возле дерева на берегу действительно ходил не волк, не куница, не соболь, а лиса. Обыкновенная рыжехвостая лиса.

— Посмотрите на эти следы.— И мама стала рисовать на снегу следы оленя, лося, белки, куницы, соболя, горностая. Всех зверей и птиц, какие водятся в верховьях нашей таежной речки.

На другом берегу был еще один след. По нему умчался наш пес. Он шнырял по кустам. Забегал в ельник, обнюхивал каждый куст и каждый след, держал нос по ветру. Вдруг Ханси насторожился, повел во все стороны носом.

— Ага, нашел, наверное!— крикнул Кирилл.

Мы побежали в ту сторону.

— Ну-ка, чей это след?— спросила мама.

Не след, а распушенные на снегу ямки. Будто кто-то натыкал веником. И окропил острым запахом зверя. Ханси кинулся было по следу. Но сразу осекся. След пропал возле кедра. Однако наш Ханси был не таким уж простаком. Рядом с кедром был густой еловый лес. И пес сразу метнулся в ельник, стал принюхиваться к каждому стволу дерева, к упавшим сверху еловым шишкам. Какой-то зверь на дереве завтракал. Ночуя в пустом дупле, он, видно, сильно проголодался. Найдя первую еловую ветвь с нераскрывшимися шишками, принялся за еду, роняя крошки на снег. Тут-то его и обнаружил пес, стал звать, лаять.

На этот раз мама доверила мне стрелять из ружья.

— Не торопись,— спокойно проговорила она.— Снизу подводи мушку. Под мордочку. И курок плавно спускай.

Я выстрелил. Белка упала почти к моим ногам. Собака хотела ее схватить. Я крикнул:

— Не трогать!

И Ханси послушался.

Мама подошла, взяла белку. Разглядывая теплого зверька, она покачала головой. Я взял белку в руки. Вижу, живот белки разорван.

— Метил в глаз, а попал в живот,— сказал я.

Почему-то я всегда волнуюсь, когда целюсь. У Кирилла этого не бывает. Он в глаз тоже не попадает, но в голову попадает. Несколько белок убил и всем попал в голову. И все же меня эта добыча окрылила. Теперь у меня была примета: если первый выстрел удачный, то и вся охота в этот день будет удачной.

Мы подошли к перекату, туда, где у большого камня бурлила вода. Там, будто в ведре, кишмя кишела мелкая рыбешка, мальки. Площадка вокруг камня вся была истоптана. На подходе к этой живой воде виднелись следы. Незнакомые.

— Чьи это следы?— спрашиваю.— Какой зверь здесь ходил?

— Вот и подумайте,— сказала мама.— Таежную речку сковало льдом. Накрыло слоем снега. Речка стала замирать, становиться мертвой. Рыбе стало душно. И она устремилась к живой воде, что бурлит у камня, на перекате. И зверь пронюхал это и ходит сюда, как в столовую. Подойдет к кромке льда, смотрит. И как появится рыбешка, выгребает ее лапкой.

— Наверное, росомаха. Она ведь воровка. Решила у реки поворовать рыбешек.

— Нет, след росомахи большой,— заметила мама.— Это наверняка соболь прошел.

Пес опять исчез в лесу. Поднявшись на крутой берег, мы увидели след соболя. Ханси длинными прыжками умчался по следу в ельник.

— Вот здесь-то мы тебя возьмем,— сказал Кирилл, загораясь охотничьей страстью.— Теперь моя очередь стрелять. Соболь будет мой.

Он быстро помчался по следу собаки в ельник. В ельнике тявкнул Ханси. Второй раз тявкнул и замолк. Потом лай раздался в другом месте и снова замолк.

— Это что, Ханси потерял след, что ли? Будто бегает по лесу и спрашивает: «Где ты, соболь? Где ты, соболь?»

— Нет... Ханси зря лаять не будет. Не было случая, чтоб он ошибался, терял след и зря лаял. Что-то здесь другое. Правда, собака может второпях и ошибиться, но человек должен собаке вовремя подсказать, что делать, если зверь окажется хитрее ее.

Ельник был густой. Деревья жались друг к другу, будто от холода. Собака металась по ельнику. Она лаяла то здесь, то там. И вдруг с ели на сосну, которая стояла недалеко, что-то полетело. Ханси тут как тут. Это был соболь. Он спрыгнул на снег, подразнил пса и вызвал погоню, а сам снова взлетел на другое дерево, на высокий старый кедр. Ханси залаял еще звонче. Лаял упорно, почти плача. Соболь, должно быть, решил отдохнуть, смирившись с назойливым приставанием пса. Пусть, мол, собака изводит себя, а я преспокойно посижу, погляжу, как она поет под деревом. И мне не страшен охотник. Не первый раз встречаемся с ним. Посмотрим, кто кого перехитрит.

Ханси сидел на снегу, не спуская глаз с сухого кедра. Кедр стоял на опушке ельника. В развилке двух стволов виднелось черное пятно. В нем вдруг исчез соболь.

— Наверное, здесь дупло,— сказала мама.— Соболь, видимо, решил в нем переночевать. Но как его взять? Можно бить по дереву тараном. Это беспокоит соболя. Он может выскочить из своего укрытия. Но уже сумерки наступают. Скоро будет темно.

— А как нам теперь быть?— спросил Кирилл, обращаясь к собаке.

Пес зашевелил хвостом, чуть повел ушами.

— Пусть сидит спокойно в дупле до утра,— сказала мама.— А утром видно будет, что делать.

Вокруг дерева мы поставили сеть. Если соболь выйдет из дупла, он попадется в сеть. Конечно, зверь может разорвать сеть. Но это укажет, ушел или не ушел соболь. А если уйдет отсюда соболь невредимым, то начнет метаться по лесу, дурачить нас, охотников.

На следующее утро мы пришли к этому кедру рано-рано. Не было еще ни зари, ни щебетания птиц. Мы подошли к кедру, держа собаку на поводке. У мамы было в руках ружье наготове. Однако никаких признаков, что соболь находился здесь, не было. Молчал и Ханси, поглядывая на дерево.

И вдруг в черной дыре показались коротенькие, маленькие ушки, широкий лоб и хищные глазки.

Пес радостно залаял. Соболь снова затаился в своем гнезде. Мама вырубила длинную тонкую палку, обломала сучья и стала бить по дереву. Мама стукнула раз, два, но соболь не выходил из гнезда. Тогда она вырубила из бревна колотушку, какой обычно сшибают с кедров шишки, и стала колотить по кедру. С кедра посыпался снег, пожелтевшие иглы, сухие ветки. Вдруг из дупла стрелою вылетел соболь, сделал гигантский прыжок на соседнее дерево. Дерево стояло довольно далеко, и соболь, долетев до ветки, сорвался и вместе с комом снега полетел вниз. А внизу вокруг этих деревьев — наша сеть. Мгновение, и зверек в сети. Он мог и вырваться, если бы не наш пес, который стремглав бросился к соболю, впился зубами в загривок, прижал зверька лапой в пушистый снег. Соболь пронзительно завизжал.

— Вот это добыча!— воскликнул Кирилл с таким видом, будто он «взял» самого дорогого зверька нашего леса.

— Самый дорогой подарок леса!— сказала мама.— Это Вормис-най оказалась сегодня доброй к нам.

Тут же мама начала свежевать добычу. Сняв шкурку, она долго мяла ее в руках, прикладывая мех то к щеке, то на плечо. И приговаривала, обращаясь к лесу:

— Соболий хвост счастье приносит, говорят в народе. Сегодня у нас счастливый день охоты.

Мех у соболя бархатистый. Большой зверек, почти в полметра длиной, и хвост длинный, чуть поменьше детской руки.

Мы вернулись в избушку поздно вечером, когда уже следы трудно было различать. Мама разожгла очаг. Ярко загорелись дрова, огонь осветил закопченную стену, шкурки пушных зверей на жердочке, деревянную миску, чайник, кружку на полочке. На стене опять висят два охотничьих ружья, лук и стрелы. На нарах облезлые оленьи шкуры. У порога, свернувшись калачиком, лежит наш Ханси. Когда он лениво поднимает голову и к чему-то прислушивается, в его черных глазах вспыхивают искорки — отражение горящего огня. А может, он ждет подругу, собаку дяди Нярмишки. Тот все еще не пришел с охоты.

Мама суетится у очага, варит суп из беличьего мяса, греет чай. Хорошо поесть мяса после такого удачного дня. Мы сидим на шкурах, тихонько говорим с Кириллом об охоте. Закипел чайник, а Нярмишки все нет. Нярмишка охотник. Настоящий. Он даже маму иногда учит охотничьим хитростям. Наконец заурчал Ханси. Пришел дядя Нярмишка. Он снял малицу, сел на нары, молчаливый, недовольный. Видно, плохо охотился. Не спеша раскурил трубку, и дым потянулся по избушке синим инеем.

— Хорошо вы сегодня поохотились. Черного соболя принесли. Законы тайги говорят: кто победил хозяина леса медведя, тот сам выбирает тропу. Тот, кто добыл черного соболя, равный всем великим охотникам. Вы — великие охотники,— кивая нам с Кириллом, говорил Нярмишка.

В дымоходе чувала на ясном вечернем небе видны звезды. Мы с Кириллом выходим на улицу, смотрим на звездный вечер. Хорошо в эти морозные ночи! Лунный

свет разливается над тайгой. Звезды низко опустились над лесом. Они словно рассыпались на снегу искрящимся инеем.

— Снег голубой. Хорошо зверькам. Завтра пойду и я на соболя. Соболь хитрый. Не всяк его возьмет. Сидит он в своем доме, и собака его не сразу почует. Помогать надо собаке. Увидишь сорипку на снегу — остановись, посмотри. Может, выше домик соболя. Соболь — зверь мудрый. Он знает меня, охотника. Я зверей жалею. Летом у реки лося не возьму. Стыдно. Летом от комаров спасается лось. Легче его брать. Летом лось подошел к жилью — мошкара его пригнала. Постоял недалеко от моего костра, ушел. А зимой лося брать трудно. Лося ноги носят. Быстро бежит. И я гоняюсь за ним. Мы равные зимой. Зимой я возьму лося. Только мне бы лучше великий лес подарил черного соболя. Соболь — зверь дорогой.

Мама, накрывая на низенький столик, что-то нашептывала. Прислушавшись, мы различили слова заклинания:

Из белки шапка хороша
Для всех.
Для женской шубки так хорош
Соболий мех.
Ах, если б кто-то, шапку надевая,
Вдруг поумнел!
Ах, если б кто-то, шубку примеряя,
Вдруг сердцем подобрел!

Лесной санитар или убийца?

Выпал снег. Сбросили свой летний наряд зайцы и белые куропатки. Куропатки заранее готовятся к зиме. Все лето у них оголенные лапы. Осенью они начинают опушаться, одеваться в своеобразные валенки из длинных теплых перьев. Это для того, чтобы ходить по глубокому снегу, не проваливаясь.

Рябчики, тетерева, глухари и белые куропатки питаются осенью ягодами, побегами брусники и черники. А когда снег заиграет, птицам приходится искать другую «столовую». Куропатки перебираются в поймы рек и ручьев, лакомятся почками ивы и березы. Пока снега мало, они летают на дорогу и тоже глотают гальку. Эти камешки служат своеобразными жерновами, которыми куропатка перетирает грубый корм.

Лисы, куницы тоже утепляются на зиму. Опушка у них становится гуще, и мех хорошо защищает от морозов. Горностай зимой белый, летом — коричневый. Питается этот мелкий хищник мышевидными грызунами.

Могучие владыки лесов лоси почти всю зиму находятся на одном месте. Бывает, что за день они проходят не больше километра. Место укрыто от ветров, много корма. Стоит ли кочевать по глубокому снегу в поисках лучшей доли?

По календарю ноябрь — последний месяц осени. Скоро настоящая зима. Трудно птице и зверю, но они привыкли к суровой зиме, да и человек помогает им выжить в это нелегкое время года. Но об этом отдельный рассказ.

* * *

...На снегу лежал лось. Уткнувшись бородатой мордой в сугроб, лесной великан еще вздрагивал. На теле его зияли большие рваные раны. Снег краснел от крови...

А рядом лежал убийца. Массивная голова. Пышный ошейник из серой шерсти. Рыжевато-коричневые глаза. Матерый волк. Он казался еще живым, злобным.

— И этого зверюгу называют лесным санитаром. Был серым разбойником и остался разбойником!— произнес с горечью Николай Алексеевич Крылов.

Мне интересно слушать его, охотоведа Госохотинспекции по Кировскому району Ленинградской области.

— Нынче осенью случай был,— рассказывает Николай Алексеевич.— Николай Верзунов охотничий билет получил только накануне открытия сезона. Он не знал, поехать ли на вальдшнепов или же на побережье Ладожского озера попробовать свою меткость на утках. Но потом, посоветовавшись с председателем районного общества охотников и рыболовов Сергеем Свеченским, решил, что познание охотничьих премудростей нужно начинать с простого — с охоты на лесного голубя.

Верзунов и Свеченский выехали в урочище Крутой Ручей. Выбрав место, где надлежало стоять, они вдруг заметили на земле кабаньи следы. Про то, что здесь живет кабанья семья, в обществе охотников знали давно. Но Свеченский с удивлением увидел, что из девяти поросят осталось только трое. В нескольких местах кабаньи тропы пересекал след, как сначала подумали, крупной собаки. Неужели это собака браконьера? Но через минуту на влажной земле у водоема охотники четко увидели отпечаток волчьей лапы.

В эту минуту они сразу забыли про охоту на голубей. Зимой бригада волчатников впустую моталась по району: слишком серьезный был у них соперник — хитрый, не боящийся флажков, использующий шоссейные дороги, на которых не остается следов. А тут появился шанс добыть волка. Судя по следам, хищник приходил к водоему каждый день.

На поле опустился густой туман. Смеркалось. Решили затаиться в «Жигулях». Здесь часто ездят совхозные грузовики, трактора, поэтому запаха машины зверь не должен испугаться. Внезапно над тропой появились две стрекочущие сороки. По тропе шел кабан, решили охотники: сороки вьются над «серьезным» зверем. Свеченский и Верзунов, сдерживая волнение, всматривались в полумрак. Через минуту под сороками на троне стал заметен силуэт волка.

Как поступить? Николай рванул с места машину. До

зверя оставалось семьдесят — сто метров. В ту же секунду зверь метнулся с тропы. Свеченский кинулся наперерез волку. Зверь отвернул от бегущего человека и оказался вблизи машины. Николай явственно увидел волка и, не теряя ни мгновения, выстрелил. Хищник свалился на дорогу. В патроне была утиная дробь, но заряд попал в хребет волку, уложив его наповал.

Подойдя к мертвому зверю, они увидели, что это была волчица. Таким удачным оказался первый выстрел молодого охотника.

В беседе с охотоведами Госохотинспекции узнаю любопытные подробности о сером разбойнике.

Вот лось — зверь чуткий, осторожный, да уж больно простоват. Ходит по своим старым тропам. Раз прошел — никто не тронул, второй раз — тоже, на третий уже, кажется, идти совсем безопасно. Вот этим-то и пользуются рыси, волки, да и браконьеры. Рысь подкарауливает лесного великана, спрятавшись на ветвях дерева над лосиной тропой. Хищница прыгает на спину лося, вцепляется когтями в шею, вгрызается зубами в горло. У волка тоже свои хитрости. В чаще лесной всегда так: один хитрый, другой еще хитрее; каждый живет, как может.

О волках бытует много легенд. Некоторые ученые даже полагают, что волк в охотничьих угодьях — это санитар, что он поедает только больных зверей и птиц.

Может быть, раньше так и было. Несколько десятилетий назад у нас еще не занимались ведением регулярных охотничьих хозяйств и не производили плановых отстрелов различных зверей. Тогда волк был действительно хозяином леса и регулировал численность его обитателей.

А как все это выглядит в данный момент? Охотоведы считают, что волк наносит большой урон сельскому хозяйству.

Охотовед Госохотинспекции по Гатчинскому району Александр Федорович Куйке сообщил такие факты:

в 1978 году по Гатчинскому району Ленинградской области волки нанесли ущерб сельскому хозяйству на несколько тысяч рублей, а охотничьим угодьям и того больше.

Испокон веков волк был врагом человека. Люди всегда вели с ним борьбу. Хотя для утоления голода волку нужна одна овца или олень, но, подчиняясь дикому охотничьему инстинкту, хищник убивает беззащитных животных в десятки раз больше. Хищники часто бывают голодными. Но если удалась охота — наедаются до отвала. Крупный зверь при этом может съесть четырнадцать и более килограммов мяса. За год, как считают ученые, взрослый волк уничтожает в среднем трех лосей. Он охотится за копытными, за зайцами, даже за мелкими грызунами. Волк — превосходный рыболов, любит крупных щук. Не брезгует грибами, ягодами, даже яблоками, грушами...

Волк — хищник сообразительный. Охотится «с умом», не в одиночку, а стаей. В стае — разделение обязанностей: загонщики, перехватчики, заход с тыла, засада — все, как у настоящих охотников. Это не только хитрый и изворотливый, но еще и очень осторожный зверь.

Ясно, с волками надо бороться. И бороться умело.

Волк приспосабливается к самым разнообразным условиям. Приспособился он и к современным условиям века НТР и превосходно себя чувствует. По статистике, в стране более 100 тысяч волков на сегодняшний день.

Когда-то я прочитал замечательную книгу прогрессивного канадского писателя Ф. Моуэта «Не кричи, волки!». Мне пришелся по душе этот поэтический рассказ о хищниках, их «мудрых», если можно так сказать, взаимоотношениях с оленями и коренными жителями канадского Севера — эскимосами.

Да, мы, люди, с колыбели привыкли к мысли о том, что волк — страшный хищник, зубастое животное, наносящее большой вред. И своим талантливым словом Моуэт

впервые во мне зародил сомнение: а верно ли это? Правда ли, что «страшнее волка зверя нет»? Справедливо ли говорят, что человек человеку волк, когда хотят оправдать человеческую жестокость? Так ли вредны эти хищники в животном мире?

Да, действительно наука последних лет показала, что самые, казалось бы, бесполезные, на взгляд человека, самые вредные, опасные живые существа оказываются необходимыми, играют свою роль в этом сложном, не познанном еще до конца мире природы.

И все же, наверное, надо учитывать конкретные природные и экономические условия, в которых обитает хищник. Оценивать его и с точки зрения пользы или вреда для народного хозяйства.

Вспоминаю, что приходилось слышать о волках на Севере.

В Ямало-Ненецком автономном округе, например, от волков гибнет за год в среднем семь тысяч оленей.

Домашний олень выполняет роль своеобразного «буфера» между волком и диким оленем. Как известно, домашний олень значительно уступает «дикарю» в максимальной скорости движения и менее осторожен. Поэтому, видимо, тундровые волки предпочитают охотиться на домашних оленей. К тому же маршруты зимних касланий дикого и домашнего оленей нередко пролегают рядом.

Среди специалистов-зоологов бытует мнение, что тундровые волки не образуют больших стай. Однако за последние годы в охотинспекцию Ямало-Ненецкого автономного округа неоднократно поступали сообщения о встречах со стаями волков.

Уберечь от волков в темное время суток стадо оленей в две с лишним тысячи голов трудно. В темноте полярной ночи карабин — плохой помощник даже опытному стрелку.

Существующие ныне наземные способы борьбы с волками трудоемки и малоэффективны. Как показала прак-

тика, единственно действенным способом борьбы является авиаотстрел. Благодаря принятым мерам общая численность волков в районе за последние четыре года снизилась вдвое.

Ущерб сельскому хозяйству наносят волки и в других районах Севера.

Поэтому к волку надо подходить, учитывая все эти факторы. Возможно, в дикой природе волк — санитар. Но регулировать численность животных может и человек. И сделать это он должен на основе данных науки.

* * *

Кто мы? Кто же мы такие?
Может быть, мы водяные?
Может, попросту бобры,
Волки дикие, лесные
Или рыси озорные?
В час охоты и игры
Среди хладных струй речных
Ловим рыбок золотых.
Бахромой висят хвосты.
Плавники у них колючи.
Может быть, повадки волчьи
От рожденья нам даны?
Наша страсть — над нами власть,
Озорства, азарта страсть.

* * *

Но есть волки и среди людей. Такие же жестокие, жадные, изворотливые. И хоть лик браконьера многообразен, в нем много звериного, волчьего. Я не против этого зверя, я против волчьего, звериного в человеке.

Одно ясно, считают охотоведы: и волки, и браконьеры — их враги, враги яростные, непримиримые.

В нашей стране действует законодательство об охране и использовании животного мира. Слово «охрана» не случайно поставлено на первое место. Но кто же осу-

ществляет такую охрану? Конечно, в первую очередь люди, специально для этого подготовленные. И среди них — государственные охотинспекторы, охотоведы, егеря. Но что значит их работа без широкой поддержки местных Советов народных депутатов, поддержки общественности?

Трудное их дело.

Охотинспектор, к примеру, должен быть и психологом, и юристом, и атлетом, должен знать оружие, моторы и прочую технику. Он должен чувствовать себя в лесу, как дома, в реке должен плавать, как рыба. Законы леса и реки для охотинспектора должны быть законами души. А ведь у инспектора, если задуматься, сегодня незавидное положение, нелегкая судьба.

У профессии этой, к сожалению, нет еще высокого авторитета, и дети редко идут по стопам родителей. Много ли таких династий у нас? Если подсчитать — немного. А ведь эти специальности интересные, важные, благородные.

Новое время и древние профессии. Наверное, и в новое время не устарело таежное поучение, таежное слово:

Приветом обрадуй друзей, что в пути.
В ком светится солнцем весенним
Душа молодого оленя —
С такими старайся идти!
А сына учи понемногу
Осиливать ту же дорогу!
А лжец, что трещит без умолку,
Пусть будет товарищем волку!

...Нужно ли уничтожать волка до последнего? Конечно же, нет. Природа оскудела бы без волка. Где появляется этот хищник — природа подтягивается, становится как бы более могучей, яркой... В дикой природе волк — санитар. Но в наших условиях санитаром должен быть человек.

* * *

Так что же такое охота? Средство существования населения или спорт, атавистическая страсть, недостойная человека, или способ регулирования численности животных? Охотник... Кто он? Главный враг наших «меньших братьев», истребитель всего живого, хищник, испытывающий ликование при виде сраженной тетерки, или это рачительный хозяин леса, кровно заинтересованный в обилии дичи, а следовательно, в умножении ее запасов?

С тех пор как наш пращур поднялся на ноги и, взяв в руки топор, соорудил первую ловушку, началась охота на птиц и зверей. Охота стала средством существования человека. А когда он сотворил ружье, то стал властелином всего летящего, бегущего, плывущего.

Звери, птицы и человек...

Действительно, разве звери и птицы существуют сами по себе? Нет! Они ведь заселяют угодья, где человек ведет свое лесное хозяйство, занимается животноводством, сбором даров леса, выращиванием сельскохозяйственных культур. Известно, что чрезмерно размножившиеся лоси или олени уничтожают тысячи гектаров лесных культур, в создание которых вложены огромные средства и труд. Кабаны гуляют по полям, уничтожая урожай, зайцы грызут яблони, сайгаки оголяют пастбища для выпаса овечьих отар.

Должен ли человек вмешиваться в жизнь «меньших братьев», регулируя численность зверья? Конечно, должен, и совсем не правы те сердобольные люди, которые предают анафеме охоту.

Сегодня в лесу весело скачет соболь, белка на ветвях кедра грызет орехи, лось, вскинув рога, несется по просторной гари, медведь бродит по берегам глухой таежной речки, глухарь не сорвется с вершины лиственницы, даже услышав гул моторной лодки. Разве это плохо?

* * *

...Впереди за изгибом тропки растаяла спина последнего охотника.

Охотничья тропа оказалась нелегкой. Надо было ежесекундно перепрыгивать через ямы, цепляясь в зарослях, обходить глубокие родники, заваленные пнями, предательски скрывшиеся под первым неверным снегом. Я больше, кажется, не мог идти... Темные стены наступающего леса, сам воздух — свинцовый, набухший влагой, казалось, давили на меня, и я еле волочил ноги.

— Давай, давай, охотник! Крепись!— подбодрил меня голос, раздавшийся невесть откуда.

Присмотревшись, я заметил Ивана Алексеевича Носкова. Он стоял, прислонив тяжелый вещмешок к огромной ели.

— Разучился ты, видно, ходить по лесу. Больше сидишь за письменным столом,— говорил он в такт моим шагам, которые стали умеренней. (Голос его помягчел. И лес будто стал светлее.)— Но знай, в Ленинграде много настоящих охотников. Не дадим тебе забыть охотничью тропу твоих предков. Я ведь тоже сибиряк, родился на берегу Иртыша. У нашей колыбели плескалась одна река и одна тайга шумела...

С тех пор я подружился с Иваном Носковым, ветераном славного рабочего класса Ленинграда, комсомольцем двадцатых — тридцатых годов.

Жизнь Ивана Алексеевича — волнующая повесть. Он вместе с двумя своими товарищами — первыми комсомольцами в деревне на берегу Иртыша — нес неграмотным односельчанам слово Ленина, большевистской партии. Нелегко давалось это слово. Ребята сами были малограмотными. Засели за учебу. Как иначе: почти вся «взрослая» страна взялась тогда за букварь.

— Не быть сторонним наблюдателем — вот что было нашим жизненным правилом,— говорит Носков.

Нужно найти хлеб у кулаков — в первых рядах комсомольцы. Нужно помочь только что созданному колхозу — опять они. Комсомольцы смело шли на все, преодолевая трудности, строили новую жизнь по заветам Ильича. Иногда это стоило разрыва с родственниками, конфликта с односельчанами. И сколько таких конфликтов на памяти Ивана Алексеевича!

По призыву Ленинского комсомола в 1930 году Носков пошел в летную школу. С тех пор его судьба связана с Ленинградом. Участник двух войн, кавалер многих наград, защитник Ленинграда, рабочий и строитель, он и сегодня на боевом посту. Хотя ему давно за шестьдесят, но, как и прежде, трудится. Опытный фрезеровщик, он обучает молодежь. Как и прежде, он в гуще общественных дел. Пропагандист, многие годы был партгрупоргом участка, общественным инспектором по технике безопасности.

И по-прежнему он на охотничьей тропе. Двадцать два года Иван Алексеевич был председателем коллектива охотников-любителей.

Как-то я спросил его:

— Почему тогда, на охотничьей тропе, когда я отставал, вы не устремились на автобус, который вот-вот мог отойти, а решили подождать меня, хотя рисковали остаться в лесу?

Он ответил просто:

— Закон тайги — помоги отстающему!

Получив закалку в годы коллективизации и первых пятилеток, ветераны не мыслят себя без дела.

Но не в этом еще суть. Для нас каждый из этих людей особенно дорог потому, что самое трудное в жизни выпало на их долю, долю зачинателей. И всем, что имеем, чем гордимся сейчас, мы обязаны им, нашим старшим товарищам.

Нелегка охотничья тропа. Нелегка и дорога жизни. Но когда люди живут по закону «помоги отстающему», идти легче! Это закон нашей советской жизни.

Птицы, звери, люди...

Все мы живем на одной земле. Для чего живем? Для наслаждения?

Всё для человека? А может, достоинство человека заключается не в том, чем он наслаждается, а только в том, что делает? А может, в том, как он понимает свою роль на земле?

Птицы, звери... Думают ли они? Почему и их жизнь устроена так разумно, по-своему мудро?

Человек... Если он мыслитель, то почему он так часто нарушает гармонию природы?

Ясно одно: человек ответствен перед собой, перед людьми, обществом. У него всегда есть писаные и неписаные обязанности и перед природой и животными.

Человек... Самое загадочное и таинственное создание природы. Заглядываю в его глаза и вижу.

Заячьи глаза бегут, собачьи — лают о преданности, волчьи — неистово рычат, медвежьи — окаменело глядят на живой и журчащий мир. Даже взгляд орла равнодушно скользит по высокому небу. Лишь в глазах человека не остановился мир. В них играет разум, красота, плывут века, горит мгновенье. В них столько света! Будто вся энергия вселенной притаилась в нежных, зорких, пытливых, страстных очах!..

Все на земле зависит от человека! Чуткое отношение ко всему окружающему миру, честный, добросовестный труд... Не в этом ли начало человеческого достоинства?

Встречи на ленинградской земле

Загрустил, заскучал Эквапыгрись.

— Сколько ни мотай клубок, а нитки не кончаются. Что это?— загадала ему загадку мать.

— Дорога,— обрадовался Эквапыгрись.

— Ты, наверное, хочешь нашу Землю посмотреть, какая она стала. Хочешь, так езжай.

Нашел Эквапыгрись коня на лужайке и сам вымыл его до блеска. И белое пятно на лбу коня засияло, будто серебряный месяц или словно само солнце. И сел Эквапыгрись на коня с пестрыми боками.

Прощается старуха с сыном, кланяется ему. И дает в дорогу шкурки зверя, птицы и рыбы и еще дает обломок миски:

— Долго ли, коротко будешь ездить, вспоминай меня. В беду попадешь — вспомни меня, и счастье будет — не забывай добро, сделанное для тебя другими...

«К чему эти наставления?— нетерпеливо думал юноша.— Неужели всю жизнь будут меня учить?!»

Мчит коня Эквапыгрись. Летит конь по Земле и летит среди бегущих облаков. Радуется Эквапыгрись простору, ласковому ветру. И думает, что всегда будет так весело.

— Хорошо в пути,— вдруг по-человечьи заговорил конь.— Глаза смотрят и прозревают.

Уши слушают — наслаждаются. Ум в пути, играя, устремляется вдаль, постигая истину. А у сердца словно вырастают крылья могучей птицы. И оно, счастливое, парит высоко-высоко.

Только в жизни не все так легко и просто, и если ты, человек, в дальнее странствие собрался, подумай, готов ли разгадать загадки, которые таит в себе жизнь, словно вечная дорога?

Остались позади и широкие реки, и высокие горы, и топкие болота, и дремучая тайга...

Долго ли ехал Эквапыгрись, коротко ли, видит впереди озеро. Вода в нем — прозрачная, хрустальная. Видно даже, как плавают в глубине рыбы. Нельмы, как серебряные лупы, важно шевелят плавниками. И лишь глупая мелочь пляшет, плещется у поверхности. Весело стало и Эквапыгрисю. Огляделся, видит на берегу осина стоит. Листьев на ней нет, одни голые ветки. Лишь на самой вершине чудом листок один уцелел, дрожит на ветру. Взял Эквапыгрись в руки лук и стрелу:

— Собью с осины листок. Попаду или нет?

Прицелился, натянул тугой лук, и запела стрела. Полетела, попала прямо в середину листа, пробила его насквозь.

Обрадовался Эквапыгрись:

— Хорошие у меня руки, меткий глаз. Я — человек! Самый сильный, самый ловкий на свете!

И, довольный собой, заснул на берегу прекрасного озера.

И слышит сквозь сон, кто-то бранит его: «Ты — человек, вырастил такие сильные руки, такие сильные ноги и дал им волю. Топчи, дави... Зачем пробил ты листок?»

Проснулся Эквапыгрись, посмотрел, откуда голос доносится, и увидел: на листочке порванном букашка сидит, еле видать. И поучает его, сильного:

— Для тебя этот листок ничего не стоит, а для меня — это дом родной, это жизнь моя, кров и пища. Зачем же ты, такой большой, не думая, ходишь по свету?

Огорчился Эквапыгрись, задумался: «А и правда! То, что для меня забава, другим существам горем оборачивается...»

Быть хозяином

Рассвет... Сквозь шторы, как сквозь смеженные веки, пробивается утренний рассвет. Он уже наполнен привычным шумом проснувшейся улицы. Шаг улицы ритмичен. Рассвет спокоен. Он тает на глазах, превращаясь в ясный безоблачный день. Солнце появляется на окне золотым оленем. Рога и копыта оленя пылают золотым пламенем.

Под этим ослепительным светом вдруг засверкал тусклый, мокрый асфальт. Голые деревья, как полярники, впервые увидевшие солнце после долгой полярной ночи, будто заплясали, протянув к нему корявые, сучковатые ветви.

Ленинградское утро... Оно смотрит ясным взглядом солнца. Дышу всей грудью. Пью солнце. Вдыхаю солнце. Мир становится солнечнее. Щедрей становится мир.

Я думаю о тебе, мой город. Все хорошее и доброе ассоциируется с тобой. Ты — колыбель Великого Октября. Ты — свобода. Любовь. Надежда. Правда. Ты — мое вдохновение. Ты — моя неспетая песня. Ты — начало моей думы. Думы о людях, о земле, о сложном, противоречивом мире.

О утро, даруй мне слово, и я скажу о мире. О утро, даруй мне слово, и я скажу о людях, сердца которых об-

ращены к созиданию, руки которых заняты большой работой.

Слова, сказанные мной, да будут отблеском виденного, прочувствованного в миг, когда я шел по земле.

* * *

Наша машина мчится вдоль полноводной Невы, берега которой «живые», не одетые в гранит.

— Менее суток нужно ладожской воде, чтобы добежать до моря,— говорит мой спутник Виктор Александрович Шляхтов.— Нева — река очень короткая, Днепр, например, в тридцать раз длиннее Невы. Несмотря на это, годовой сток Невы в полтора раза больше годового стока Днепра. Ежесекундно Нева проносит в среднем две с половиной тысячи кубометров воды... А питает ее наша красавица Ладога.

Виктор Александрович по профессии не гидролог, но Нева и все окружающее для него кровное, близкое... Он — председатель Кировского горисполкома, мэр, хозяин земли, живых берегов, живой Невы[1]. Здесь каждый кусок земли дышит историей. В 1240 году в устье реки Ижоры произошла знаменитая Невская битва. Новгородский князь Александр Ярославич разбил полчища шведов.

В Великую Отечественную войну от Ладожского озера до реки Тосны проходил передний край обороны.

Люди свято чтут память о тех, кто стойко защищал город Ленина. Здесь, на линии окопов, по Тосне на протяжении шести километров высажены кусты ярко-красных роз. Аллея из вечнозеленых елей ведет к замощенной бетонными плитами площадке с двадцатитрехметровой стелой. Возле памятника «Невский порог» стоят

---

[1] Виктор Александрович Шляхтов избран первым секретарем Кировского райкома КПСС.

тридцать надолбов. «Путник, передай Ленинграду — враг не прошел»,— написано на одном из них. На левом берегу Невы, у устья Тосны, стоит скромный обелиск, а на правом берегу высится Холм славы.

— А вот и легендарный Невский «пятачок»,— говорит Виктор Александрович.— На этой узкой полоске земли, протяженностью по фронту тысяча пятьсот и глубиной всего четыреста метров, двести восемьдесят пять дней и ночей не затихали бои. На истерзанной снарядами и минами земле и по сей день не растут цветы: столько в почве металла. В поселке Невская Дубровка мы побывали в Музее боевой славы. Я там видел уникальный, сжимающий сердце экспонат — землю с Невского «пятачка». В одном кубическом метре ее — тридцать восемь пуль, мина, граната, гильза от снаряда и осколки, осколки, осколки...

Наша машина мчится по широкой асфальтированной дороге. Рядом огромный корпус фабрики «Волна». И опять памятник. На стеле надпись: «1943—1944 гг. Здесь после прорыва блокады под огнем врага были построены переправа и ж.-д. линия, связавшая осажденный Ленинград со страной. Первый поезд прошел на Ленинград 7 февраля 1943 г.»...

На берегу Невы мелколесье, хоровод берез и осин. Ничто не напоминает о железной дороге. Но она была. И ее строительство началось в первый день, как только прорвали блокаду. Всего за семнадцать дней по льду Невы было проложено тридцать километров железнодорожных путей.

С Преображенской горы, что в трех километрах от истока Невы, открывается чудесный вид и на реку, и на Ладогу, и на город Кировск, и на знаменитую крепость Орешек (Шлиссельбург). Отсюда, с Невского «пятачка», 12 января 1943 года войска Ленинградского фронта начали стремительную наступательную операцию по прорыву блокады...

Монументальным памятником воинам, отдавшим свою жизнь при прорыве блокады Ленинграда, высится мост Ладожский, построенный сыновьями и внуками героев Великой Отечественной войны.

Вошел в строй действующих предприятий Синявинский птицеводческий комплекс, дающий миллионы яиц и птицы...

Мы едем по городу Кировску — одному из благоустроенных и красивых городов Ленинградской области.

С Театральной площади, примыкающей к Неве, открывается широкая панорама города. На гранитном постаменте величественный памятник Сергею Мироновичу Кирову, с именем которого связано возникновение Волховской ГРЭС, первой мощной электростанции, спроектированной и построенной в начале тридцатых годов советскими рабочими и инженерами без технической помощи и участия иностранных специалистов. Энергичным жестом слегка вытянутой руки Киров как бы приглашает взглянуть на построенный здесь город и на весь край, преображенный за годы Советской власти...

С Виктором Александровичем Шляхтовым я познакомился несколько лет назад во время дней литературы в Ленинградской области. Тогда он был секретарем партийной организации Невского судостроительно-судоремонтного завода. Человек удивительных душевных качеств, специалист своего дела, кандидат технических наук, страстный книголюб, он возглавлял организацию книголюбов района. Проходя с ним по всем участкам предприятия, прислушиваясь к его разговорам с рабочими, невольно тогда подумал: партийный руководитель немыслим без глубокого знания жизни. Шляхтов с увлечением говорил о делах завода, о своих товарищах-судостроителях, о бригадах, возглавляемых кавалером ордена Ленина В. Н. Гордеевым и молодыми коммунистами В. Н. Ивановым и Н. С. Кудрявцевым.

И вот новая встреча. С особым волнением и гордостью знакомил Шляхтов, теперь уже председатель исполкома городского Совета народных депутатов, с планами экономического и социального развития Кировска. Я с вниманием слушаю размышления Виктора Александровича о роли местных Советов в охране природы.

Да, местные Советы народных депутатов — полновластные хозяева своих территорий, а охрана природы, использование природных богатств особенно требуют хозяйского отношения, хозяйской заботы. И необходимо умело использовать данные им большие права и возможности. Тогда природа будет дарить нам и здоровье, и материальные блага, и эстетическое наслаждение.

Помнится, на заседании постоянной комиссии по охране природы Ленинградского областного Совета народных депутатов заслушивался отчет о выполнении природоохранных мероприятий в Лужском районе. Много сделали депутаты Лужского городского Совета, чтобы изменить отношение некоторых хозяйственных руководителей, закрывавших глаза на плохое состояние очистных сооружений. И санкции применяли, призывали, убеждали, но дело улучшалось медленно. Обычно ссылались на то, что штатов не хватает. Вот и получалось, что ремонт очистных сооружений проводился, как правило, от случая к случаю.

И тогда на заседании исполкома, а затем и на сессии Совета депутаты обсудили интересное предложение: а что, если все очистные сооружения, котельные, водозаборные скважины передать на баланс соответствующих служб горисполкома? Конечно, пришлось потрудиться немало — произвести полную инвентаризацию хозяйств, реорганизовать службы, пересмотреть штаты и так далее. Но плоды этой организационной работы вскоре дали себя знать. Под контролем специалистов, в руках единого хозяина все инженерные коммуникации заработали исправно, в совхозах наладилась качественная биологичес-

кая очистка стоков, особое внимание уделили текущему ремонту и плановой профилактике очистных сооружений. Выиграли от этого все — и дело, и люди, и природа.

— Мы в районе,— рассказывал Виктор Александрович,— заинтересовались этим опытом. Многое нам предстоит сделать и у себя для улучшения охраны природы. Но главное в этой работе — люди. Чем больше людей проникнется чувством личной ответственности за будущее нашей земли, тем лучше. Нам необходимо улучшить работу Общества охраны природы. Его должны возглавлять не случайные лица, а специалисты своего дела. А такие люди у нас есть, настоящие энтузиасты.

Думаем, как улучшить работу санитарной, охотничьей и других инспекций, чья обязанность — требовать строгого соблюдения законов и положений об охране природы и использования ее ресурсов.

Мы понимаем, что охрана природы — дело местных Советов народных депутатов, подлинных хозяев своей территории, своей земли, с ее лесами, реками, озерами. И за это с нас наши жители строго спросят.

Ладога

— Не поймешь красоту Кировского района, не побывав на Ладоге,— убеждали меня кировчане.

И вот я на Ладоге.

Был ясный тихий вечер, когда мы с охотоведом Свеченским отчалили от берега. Ладога была спокойной, хотя крупная рябь еще проносилась по лицу озера, как судороги вчерашней бури. Голубым пологом отражалась на воде синь неба...

Я сидел на носу лодки с ружьем. Свеченский отталкивался длинным шестом. Лодка наша плыла меж высоких трав, покачиваясь на зеленовато-голубых волнах, гонимая предвечерним влажным и холодноватым ветром.

Разговорились о Ладоге, и Свеченский рассказал, как, окончив институт, оказался в краю вепсов и стал охотоведом.

— Водяной народ!— рассказывал он о вепсах.— В них еще много от воды, от леса. Веси — по-вепски — вода... Вепсы — люди большой воды. Так некоторые переводят это слово.

В характере их еще много природного, естественного. Удивительно, рядом Ленинград, великий многомиллионный город. А здесь сохранился особый уклад. В это трудно было поверить!

Вначале они меня, молодого охотоведа, встретили настороженно. А вот когда уезжал — плакали. Верьте не верьте, а вот плакали. Сдружились...

Радостью была жизнь, общение с ними. Горестью стали мгновения прощания...

Я слушал его рассказ, смотрел на Ладогу, наслаждался ширью и красотой большой воды, думал...

* * *

Бегут волны, гонимые ветром. Темно-зеленые ворчливые волны белой песцовой стаей набегают на желтую песчаную отмель, шурша гравием. Всплеснется длинная волна, изогнется в яростном прыжке и разольется по отмели пленкой, устало прилизывая влажный песок.

Налетит волна на камни, выступающие идолами из воды, взмахнет крыльями белых чаек и тут же падает, как подбитая птица.

Падает волна — точно вздыхает, что-то нашептывая. У каждой волны свой всплеск, шорох, шепот. И в шуме волн, протяжном, неровном, тревожном, слышатся неразгаданные, таинственные голоса. Голоса эти то усиливаются, то ослабевают, неся на берег ровный несмолкающий говор Ладоги.

Ладога... Говорят, название происходит от финского слова «аалто»—«волна».

Ладога — большая волна, необъятная ширь, простирающаяся до самого горизонта, подобно колышущемуся диску. Так и кажется, что бурные волны вздымаются из мрачных глубин, из самых недр водяного царства.

— В глубинах озера рождается буря!— сказал Антти, старый рыбак, коренастый молчаливый финн.

— Надеюсь, ее не будет. Уж как хочется на рыбалку,— отозвался торопливо я.

— Да видишь, с севера какая туча поглядывает.

— Вижу. Но ведь она может стороной пройти.

Улыбнулся Антти кривой улыбкой, будто невзначай посмотрел мне в глаза. С иронией посмотрел.

А я кое-что в воде понимаю. Ведь как-никак у большой реки родился.

В цветном сне детства плещется большая вода.

Лодка — моя колыбель — качается на воде. Солнце — моя колыбель — качается в небе. Вода, живая, искрящаяся, поет, как мама. У воды своя волшебная песня, своя непохожая жизнь.

Для меня вода понятна с колыбели, как земля и небо...

Над пустынным берегом Ладоги с жалобным криком носятся чайки, серые с белыми грудками. Стоны и шорохи волн заглушают чаячий крик. Борются чайки с порывистым сиверком, ныряют в воздухе, вскрикивают, и неведомой тревожной болью отзывается их крик в моей душе. И мне кажется, этот печальный крик одинаково понятен и мне, и старому финну.

«Хах-лэв-лах-лах!»— кричит чайка. Она кричит о рыбе, о своей птичьей жажде полакомиться трепещущим даром Ладоги. Рыба по-мансийски —«хул». А по-фински это слово звучит по-другому: «кала». Знает ли старый финн, что слово «вис»— вода — одного корня с мансийским словом «вит»? И финское слово «йоки»— река — по-хантыйски звучит «еган», а по-мансийски — «я». Тот же корень.

Недавно я посмотрел фильм «Ветры Млечного Пути», снятый замечательным эстонским писателем и путешественником Ленартом Мери.

В этом удивительном фильме, в котором автор поставил благородную задачу показать то, что объединяет народы, есть примечательные сцены обычаев, традиций, идущих с глубокой древности.

Вот зоркий киноглаз ведет по землям и водам вепсов, карелов, мордвинов, удмуртов, марийцев. Вот стоит чум саами, мчится оленья нарта коми, плывет лодка рыбака-ханты. И три слова: река, рыба, стрела, которые взял Ленарт Мери для сравнения, оказываются у всех финно-угорских народов одного корня, звучат почти одинаково и у прибалтийских эстонцев и финнов, и у закарпатских венгров, и у мансийцев, живущих за Уралом.

Удивительно было и то, что в быту, в повседневной жизни, обычаях зоркий киноглаз заметил много общего у народов, которые разделяет не только пространство, но и тысячелетия.

Я, например, был поражен, когда увидел сцены похорон у манси и венгров. Еще недавно манси хоронили умерших в лодке. Нос и корму лодки отрезали и клали над могилой. У некоторых этнических групп венгров и до сих пор над могилами ставят каменные плиты, надгробия с очертаниями носа лодки. Что это? Память предков? Память о большой воде, о реке, о лодке?

Река, рыба, вода... Для многих финно-угорских народов — это колыбель, источник жизни.

«Живут старуха со стариком,— говорится в мансийском мифе о сотворении мира.— В домике своем живут. А домик на воде качается, на плоту плавает. В хрустальных струях тонет звездное небо. На зыбких волнах моря колышутся и жаркое солнце, и ледяная луна. Кругом вода, вода, вода...»

И в знаменитой «Калевале» сначала была только вода.

Мать воды плывет все дальше,
мать воды, девица неба;
по воде плывет притихшей,
по волнам, в тумане скрытым;
впереди — морские воды,
позади — свод неба чистый.
На десятый год девица
подняла лицо из моря,
выше волн его высоких.
Начала творить природу.
Стала делать, что умела,
на морской равнине ясной,
на просторе неоглядном...

Спачала была вода. Только вода...

Нет, наверное, ни одного народа, у которого вода не считалась бы матерью всего живого, очистительной, целебной силой.

И русский народ в древности говорил: «Мать-водица — всему царица», «Без реки нет земли», «Нет воды — нет жизни».

Многие племена и народы олицетворяли воду в образе различных духов, богинь и богов, от которых будто все произошло. Мордвины когда-то почитали «ведь-аву» — «мать-воду». Мансийский «витхон» — «водяной царь» — посредник между рыбаками и «духами воды» — хозяевами отдельных участков реки, озера. «Владыки воды» получают от рыбаков часть улова.

По представлению наших предков вода обладает необычайным могуществом. Она может все. От нее зависит, полные или пустые сети вытянет рыбак.

«Из воды пошли мне силы; много сил вода имеет»,— заклинает герой «Калевалы», мудрый Вяйнемейнен.

Вода всесильна. У некоторых северных народов дух воды выступает учителем людей. И в самом деле, разве не вода научила людей делать лодки, плести сети, строить каналы? Не без ее помощи у наших далеких предков постепенно стали появляться навыки строителя.

Не в шуме ли волн, в звонком лепете струй и журчанье ручьев подслушал древний человек свою первую мелодию? Не вода ли пробудила в нем музыканта и поэта?

Вода — «начало всех начал»...

Нет воды — нет жизни. Вода — жизнь...

— Где бы я ни жил, всегда мне снилась вот эта ладожская волна, вот эта ширь. В ней, наверное, и заключена тайна моей жизни,— с нескрываемой грустью произнес Антти.

От глухого, но твердого голоса его веяло холодом севера. Это был еще крепкий коренастый человек с копной густых волос на голове, с густыми нависшими бровями на морщинистом лице.

Мы идем вдоль отмели. Шуршит под ногами песок. Резкий осенний ветер дует в лицо. Дрожь пробегает по телу. Холодно. И все же хочется идти рядом с Антти. Говорим, в общем-то, немного, больше молчим, глядя в даль Ладоги, в которой пенятся волны. А над волнами носятся серые чайки, жалобно вскрикивая, словно им холодно.

Семьдесят с лишним лет прожил Антти, много на своем веку видел и хорошего, и дурного. Трудно жил. Однако все вытерпел и вынес. Но где бы он ни был и в какие красивые края ни попадал, в его снах плескалась ширь Ладоги и порожистая речка с янтарными соснами на берегу, где пробежало его детство.

И вот на склоне лет он снова вернулся сюда...

— Теперь я вижу: моя жизнь схожа с жизнью лосося.

Я слышу трогательную повесть о лососе.

Лосось... Удивительная рыба. Большую часть жизни он плавает в океане. Могучий серебристый богатырь чувствует себя как дома в струях соленого океана. Но не здесь его родной дом, не здесь плескалось его детство. А детство — это колыбель, из которой уходят все, но

в которой все остаются навсегда. Будь то рыба, птица, человек — сколько ни плавай, ни летай, ни странствуй по чужим краям,— но рано или поздно приснится сказка детства. И возвращение к истокам становится жизненной необходимостью.

Особенно ярко проявляется это в лососе. Настанет миг, и могучего серебристого богатыря-лосося, только что резво хватавшего рыбешек, вдруг охватит какое-то таинственное чувство. И он плывет, влекомый этим чувством. Он ищет свою реку, свой ручей, свое начало. И он плывет, ищет свою реку. Как он это делает? По солнцу, по звездам ли — неизвестно. И все же лосось находит одну-единственную. Он узнает ее по аромату струй, в которых плескалось детство. Потому что нет ничего в мире памятней запахов и звуков детства.

Достигнув реки, почуяв пресную воду, попав в стихию детства, лосось начинает голодать. Некоторые из них целую зиму сидят в омуте, ничего не едят. Силы поддерживают запасы жира, накопленного до этого.

Когда он плывет по реке навстречу звенящим струям, плывет, преодолевая пороги и водопады, он поднимается вверх, туда, откуда когда-то сбежал по течению, не думая о том, что убегает из родной колыбели. Тогда было так легко спускаться по течению. А может, в детстве всегда легко плыть? Ведь в детстве всегда плывешь по течению... Потом приходится плыть против течения... Потом пороги и водопады. Одолеешь их — и вернешься к началу, к истоку, чтобы потомство достойно прожило жизнь.

Миг нереста, священный миг рождения новой жизни лососей.

Лосось преображается. Он становится темным, у него увеличиваются пятна на боках. У самцов вырастает на челюсти крюк.

Где родится лосось? В чистой воде родится лосось. В быстром ручье с прозрачной, как слеза, водой...

И чтобы внизу была галька. Опасность сесть на мель не смущает: частенько лосось мечет икру в таком мелководье, что ему приходится ложиться на бок — только тогда вода покрывает его целиком.

Прежде чем отложить икру, лосось очищает дно от сора, ила. Он бьет хвостом: ил взмывает вверх. И когда зазолотится песок, лосось роет яму длиной метров до двух-трех. И в нее, как в колыбель, чудо-рыба откладывает янтарные икринки. Завалив песком и галькой яму, насыпав над ней бугор, лосось становится «на караул» в ожидании смерти у колыбели новой жизни. Многие лососи гибнут у своих гнезд от истощения.

Из этого гнезда выйдут на свет мальки. И они поплывут. Но не наперекор струям, а по течению. В пути они взрослеют. И вот океан. Великий океан. И лососи, набрав силу, чувствуют себя великанами. Они наслаждаются своей силой. Но наступает мгновенье, когда и они, огромные, серебристые, «прозревают». И начинают искать свои истоки.

Путь к истоку самый трудный. Нелегко преодолевать пространство и время. Нелегко плыть против течения. Но доплыть наконец до колыбели своей жизни, разве это не счастье?

Достигнув своего начала, лосось доходит и до своего конца, дав жизнь своему потомству. И снова плещется жизнь со своим истоком, своей единственной колыбелью, своей единственной жизнью.

Как сохранить эту ценную рыбу, не допустить ее исчезновения — над этим вопросом давно думали ученые-ихтиологи.

В статье 18 Конституции СССР говорится: «В интересах настоящего и будущих поколений в СССР принимаются необходимые меры для охраны и научно обоснованного, рационального использования земли и ее недр, водных ресурсов, растительного и животного мира, для сохранения в чистоте воздуха и воды, обеспечения вос-

производства природных богатств и улучшения окружающей человека среды».

Эта работа началась уже в трудные годы гражданской войны.

На Неве, немного выше Ивановских порогов, от основного русла отходит небольшая протока, обтекающая группу маленьких островов. Местность так и называется — Островки. С 1921 года здесь находится рыбозавод, занимающийся воспроизводством невского лосося. Всегда считалось, что улов зависит от рыбацкой удачи, но ученые-ихтиологи своей многолетней практикой старались доказать, что рыбацкое счастье можно планировать. Надежный и перспективный путь — рыборазведение. Теперь можно с уверенностью сказать, что человек вправе разумно вмешиваться в дела природы. Ее своеволию и капризам можно противопоставить грамотный, экономически обоснованный и дальновидный подход к освоению водного царства.

А водное царство плескалось в небольшом помещении. Я вслушивался в журчание воды, и вдруг мне показалось, что средь высоких деревьев звенит река, играя струями. В струях плещется царь-рыба — лосось.

С любопытством вглядываюсь. И вижу: в непонятных для меня посудинах, называемых аппаратом Вильямсона,— икра. Почти полгода пробудут здесь икринки. И каждая икринка каждую минуту непрерывно будет омываться живой водой. Да, живой — насыщенной кислородом. Насыщенная кислородом вода, постоянно циркулирующая,— вот необходимое условие, чтобы из икры развивалась рыба.

Мастера рыбоводства — а коллектив здесь небольшой, человек пятнадцать,— внимательно следят за температурой (она должна быть все время одинаковой).

И когда смотришь на игру струй, с особой остротой пронзает тебя мысль, что основа всякой жизни — движение.

Неподвижность — застой, умирание, небытие. Движение — жизнь.

Движение... Перед глазами сразу возник образ удивительного человека. В свои семьдесят лет бывший директор завода Павел Михайлович Персов мог бы сказать, что вся его жизнь была полна порыва, движения. Сорок восемь лет из семидесяти он отдал рыбному хозяйству Родины. После окончания специального учебного заведения в 1930 году начал свою деятельность на Камчатке, работал в Мурманской области. Тридцать шесть лет трудится он на Невском рыбоводном заводе. Уникальное предприятие было первым, поставившим благородную и гуманную цель — помогать природе.

Павел Михайлович показывал мне альбом с фотографиями, на которых запечатлены были меченые, «родные» экземпляры лосося, пойманные в разные годы в Неве рыбаками.

Невский, или балтийский, лосось, морская кумжа, форель, сиг — бесценное богатство водоемов ленинградской земли. Как сохранить и приумножить их? Один путь — регулировать лов рыбы. Кстати, за последнее время исполком Ленинградского областного Совета народных депутатов утвердил новые правила любительского и спортивного рыболовства в водоемах области. Они запрещают лов лососевых и других ценных пород рыб. Особенное внимание уделяется периоду нереста, в который надо быть особенно осторожным на водоемах.

О том, как вернуть былую славу нашим рекам, мы беседуем с Валентином Ивановичем Кондратьевым, заместителем начальника Севзапрыбвода.

— Мы над этим много думаем,— рассказывает он,— строим новые рыбоводные заводы... Но мне кажется, только этого одного недостаточно. Многое могут сделать рыболовы-любители. Общества рыболовов и охотников, обладающие немалыми средствами, имеющие большие

возможности, могли бы взять это дело в свои руки. Как? Очень просто!

Несложный расчет показывает, что на малых реках строить большие государственные заводы невыгодно. Зато небольшие рыбоводные пункты, а потому дешевые, оказались бы очень кстати. Пусть отвечают за них предприятия, крупные коллективы рыболовов и охотников. Имеет, например, ЛОМО подсобное животноводческое хозяйство для снабжения рабочих. Тем же целям может послужить и рыбоводный цех.

Каждому такому мини-заводу, конечно же, нужен небольшой штат: техник-рыбовод, два-три рабочих, егерская служба. Средства? Они поступят от членов общества, от массовой продажи лицензий рыболовам-любителям. Подобный опыт кое-где уже имеется. Только надо его развить дальше, принять соответствующие законодательные акты.

Рыболовство сегодня, наверное, не столько промысел, сколько равноправная отрасль народного хозяйства. Пора пересмотреть веками складывающиеся отношения между рыбаками и рыбой, между человеком и природой. Рыбак должен стать прежде всего рыбоводом.

Совет Министров СССР несколько лет назад принял постановление «О мерах по усилению охраны от загрязнения бассейна Балтийского моря». Наша Ладога — жемчужина Балтики. Но и у нас есть свои проблемы. Главное — сделать все для того, чтобы в Неву, Ладогу не попадали неочищенные сточные воды. Наша Ладога должна быть кристально чистой!

Оредежская сага

...Шел Мирсуснэхум по лесу. Лес с зелеными деревьями стонал от зычного крика: «Пу-у-гу! Пу-у-гу! Пу-у-гу!»

— Кто это гугукает?— крикнул Мирсуснэхум.

— Это я гугукаю!— раздался голос с вершины высокого дерева. На вершине дерева сидел филин:

Я филин — мохнатые уши,
Я филин — пестрые глаза.
Я филин — ночная дума.
Сижу на высоком дереве и гугукаю.
Попробуй, нападай злой дух,— заклюю.
Попробуй, навались горячка,— выгоню.
Я сильнее всякой птицы, летающей
в поднебесье.
Я могучее всякого зверя,
бегающего по земле...
Я мудрее всякого думающего...
Пу-у-гу! Пу-у-гу!

— Разве птица, сама себя расхваливающая,— сильная птица?

— Нет!— ответил филин.

— А почему ты кричишь зычным голосом?

— К-хе! Будто это не я кричу. Это лес кричит. В мою одежду кто-то одевается, моим голосом кричит. А я думаю. Думой... пытаюсь разбудить человека, его думу и совесть расшевелить стараюсь. Пусть человек знает: кто

хвастается, тот не может иметь заслуги. Кто доволен собою — тот не может прославиться. Человек, сам себя выставляющий, не может светить другим.

И еще спросил Мирсуснэхум филина:

— Что дороже тебе — имя или крылья?

— И имя, и крылья...

— Почему?

— Важно знать самому, чего ты хочешь. Крыльев или имени? Важно не быть пустым в душе, когда начинаешь свой день.

И, кончая трудовой свой день, важно знать, в чем ты был тверд, в чем отступился от своих заветов, для чего ты живешь и трудишься.

И еще:

Сремясь к возвышенному, нельзя путать крик птицы с думами мудреца. Не тот мудрец и герой, кто с высокого дерева складно и громко кричит. Тот истинный мудрец и герой, кто понял, что его трудовой день и есть самое великое, что дала ему Природа.

Дошел Мирсуснэхум до места, где небо и земля вместе сходятся. Смотрит и глазам не верит: опять куда-то уходит небо, опять куда-то бежит земля. «Неужели у земли нет края, а у неба конца?!» Между небом и землей — огромная дыра. В нее вделан железный перевес [1], сверху донизу натянут. Зорким ястребиным взором его даже не заметишь. У перевеса кто-то сидит.

«Убью! Убью!» — говорят его глаза, жаждущие добычи.

---

[1] Сеть для ловли уток, гусей. Ее вешают на просеке между деревьями.

«Поймаю! Поймаю!»— трясутся его руки, видно задушившие не одного зверя. Видно, ждет гусей, лебедей, уток...

Мирсуснэхум из кармана вынул шкурку железного ястреба. Забрался в шкурку, полетел прямо на железный перевес.

Незнакомец опустил свою ловушку. Обрадовался, что поймал ястреба. Чуть не запутался Мирсуснэхум в стальных нитях, но успел их разорвать. Злой незнакомец бросился за ним, чтоб схватить его. Мирсуснэхум залез в шкурку щуки и нырнул в озеро.

Плывет по озеру и удивляется мертвой тишине. Ни всплеска, ни рыбки... Куда все делись? И опять он оказался в стальной сети, но выбрался снова.

Вышел на берег, взад-вперед ходит, смотрит. Видит, домик стоит, рядом избушка на курьих ножках...

Пошел туда. В доме сидят старик со старухой.

— Э-эй! Мирсуснэхум, внучек! Крылатой ли птицей ты сюда принесен, рогатым ли зверем ты сюда доставлен?

— Растущий человек разве ездит по одним и тем же местам, разве плавает по одним и тем же водам?

— Садись, внучек. Будь гостем!

Вышла старуха на улицу, принесла уток, гусей. Ощипала их... Когда сварилось пахучее утиное, гусиное мясо, она сложила его в две деревянные чашки. Одну подала ему со словами:

— Хорошенько ешь, внучек! Только не ломай кости.

Поели, попили. Кости из двух блюд старуха сложила в одно, вынесла на улицу. За домом озеро с живой водой. Высыпала она кости в озеро. А из воды вылетели живые утки, живые гуси.

— Хорошо!— молвил Мирсуснэхум.— Теперь я знаю: все в мире рождается, умирает и вновь рождается... Только не надо ломать костп! Тогда вечно богатой будет наша земля!

Течет река Оредеж

Живу я в Ленинграде, недалеко от Летнего сада. Сюда приходят тысячи людей. Изящные скульптуры богов и богинь древнего мира... Чета лебедей в лебяжьем пруду. Тенистые аллеи. Хорошо. Красиво. Прекрасный Ленинград...

И все же сотни тысяч ленинградцев субботние и воскресные дни стремятся провести за городом. Под пологом зеленого леса, у тихой, журчащей воды.

И я не исключение. Может быть, большую часть времени в году я провожу на берегу Оредежа. Мой дом стоит на самом берегу реки. Большими окнами он смотрит на ее живую воду.

Оредеж берет начало с ключей Ижорской возвышенности. Лесистые берега из красного песчаника в районе Вырицы отвесно уходят в воду, а местами до самой воды спускается цветной ковер из трав и цветов. Живописна река, хороша веселой стремительностью, светлой прохладной водой. Течет она средь берегов невысоких, вскипая белой пеной на порогах.

Красива она в любое время года. Весной в ее желтоватые воды глядится цветущая черемуха. Летом на узких полосках берегов, отвоеванных у гигантского леса, все буйно растет, зеленеет, цветет. А осенью, когда вода стынет, становится прозрачной, по ней хороводами плывут разноцветные листья.

С высоких берегов открываются чудесные виды на дальние поля, луга, темнеющие за ними леса.

Оредеж — река неширокая. На ее обрывистых берегах — вековые ели и сосны. Целебный сосновый аромат, тишина и красота берегов Оредежа привлекали к ней

когда-то петербуржцев. «Место здесь едва ли не лучшее в окрестностях Петербурга, живописное, гористое, прекрасный воздух»,— писал Салтыков-Щедрин из Сиверской — поселка, расположенного недалеко от Вырицы вверх по реке. Не эти ли волшебные сосны смотрят с полотен Шишкина, который, как и его собратья-художники Крамской и Ярошенко, подолгу жил здесь. На берегах Оредежа находили тишину, уединение и вдохновенное слово поэты Майков, Плещеев, Надсон.

...Ночь. Луна молчаливым бубном всходила в чистом, беззвездном небе, окрашивая все в серебристый цвет. И вода засветилась серебром. Я чуть-чуть шевелил веслами. Изломанная гладь воды за кормой была подобна переливам сверкающего бусами нагрудника северной женщины.

На противоположном «утином» пляже, как назвал его когда-то мой сынишка, крякали не только утки, но и гоготали гуси. И слышен был лепет пары лебедей, которые с некоторых пор ранней весной и поздней осенью садятся на утиный плес. Точно они навещают меня, передавая свое сокровенное, вещее, вечное. И может быть, благодаря этим голосам я, живя в великом городе, не чувствую свою оторванность от природы?

Я родился на большой воде, в лодке. Качает вода лодку — во мне все заговорит, запоет. Мне хочется смеяться, плакать, молчать. Смеяться, как смеется вода. Плакать, как плачет небо веселым весенним дождем. Молчать, как молчит плес, когда ветер спит, когда тишь и гладь. И в этой тиши я слышу себя, воду, землю, небо. Я, кажется, сливаюсь с водой, землей, небом. Во мне наступает какая-то умиротворенность, равновесие. Я и Природа. Природа и я? Что это? Гармония? На воде — хорошо. Я смотрю на ночную реку и не могу наглядеться. Вот бы порыбачить, как в детстве, уйти в сказку, пообщаться с водяными духами, прикоснуться ладонью к воде — трепету жизни.

Вода... Почему я отношусь к ней с неизъяснимым трепетом, будто передо мной какое-то живое существо, перед которым я благоговею? Не от предков ли подобные ощущения? Им река, бывшая кормилицей, казалась волшебным духом, божеством...

Да и кем иным могла казаться древнему человеку река, которая вечно куда-то стремилась, бежала, то сверкая гладью, то бушуя волнами, то способная разлиться, как море, то сузиться до небольшого потока, который можно перейти вброд, река, которая то благодетельствует человеку, даря рыбу, то в гневе вредит ему, поглощая его вместе с лодкой в своих водоворотах и стремнинах?.. Огромным живым существом казалась река моим предкам. И в каждой реке, в каждом водоеме был свой водяной царь, своя водяная царица... Им приносились жертвы. Я помню, как дедушка мой, проезжая некоторые плесы, бросал в воду то монету, то колечко, то сорвет, бывало, с головы волос, а то просто слово скажет. Вода, как всякое живое существо, любит доброе слово...

Протягиваю руку к воде, и во мне, кажется, просыпается человек большой и чистой реки. Хочется крикнуть: «Нет конца этой сказке! Невозможно поверить, чтобы все это исчезло. Человечество встанет во весь рост и сохранит в чистоте воду, воздух, землю. Оно спасет мир от ядерного пламени!..»

На противоположном берегу реки сверкают огни туристских костров. Раздаются хлопки весел о воду.

Короткие свистки электрички, подошедшей к станции. Шум самолета в ночном небе...

Все эти звуки лунной ночи разрушили мой рай, вернули меня из мира детской сказки, где жили божества воды, леса, рыб, птиц и человека.

А может, и нет ее, той старой сказки? И хорошо, что нет? Ведь расширились не только горизонты моих представлений о мире, но и сама моя жизнь. И кажется, о чем печалиться...

* * *

Солнце, похолодавшее солнце Севера, спряталось за серые пушистые облака. Облака летели в синеве неба, как большие безмолвные птицы. Их синие тени плыли по Оредежу.

Мы с Аркадием Арсеньевичем Лыбиным стояли на берегу Оредежа и смотрели на воду. На ее глади каждое дерево, каждый куст, каждая травинка имеют своего зеркального двойника.

— Осталась всего пара уток на нашем плесе. Хорошо, если их не убьют охотники,— сказал мне Аркадий Арсеньевич, задумчиво глядя на залив в камышах.— Но ведь стреляют не какие-то браконьеры, а люди с членскими билетами из Вырицкого общества охотников и рыболовов.

Позже я узнал, что эта часть поймы Оредежа вообще не имеет отношения к Вырицкому охотохозяйству.

Но в день открытия охоты здесь устраивают настоящие канонады. А можно ли стрелять в какой-то сотне метров от домов? Вообще, по закону Вырицкое общество охотников и рыболовов должно было бы заниматься охраной и воспроизводством дичи, помогать в борьбе с браконьерами.

И я прочел Аркадию Арсеньевичу свои стихи о браконьере:

А если жаден ты и зол
И вовсе безголов,
Проткну тебя своим ножом —
Ножом из гневных слов.
Пускай ослабнут у тебя,
Колени, хворый пес,
Чтоб не топтал траву, губя
Десятки птичьих гнезд.
Ты за спиной уродский горб
Почуешь на бегу,
Когда свирепый твой топор
Начнет кромсать тайгу.

Пусть примет на десять когтей
Башку твою медведь,
Когда лососевых детей
Твоя наловит сеть.
И пусть, воздав тебе за злость,
Та молодь в рост пойдет
Внутри тебя — и рыбья кость
Насквозь тебя проткнет.
Будь рыболовом — с головой,
Охотником — с душой.

Аркадий Арсеньевич молчал, глядя задумчиво-спокойными глазами в сторону дальнего залива-озерца — утиного плёса. И я вспомнил то сравнительно недавнее время, когда у ближнего заливчика, вода которого плещется у самой калитки нашей дачи, в белую ночь из камышей выплывали сотни уток с выводками. Утки совсем не боялись человека. Дикая, крылатая жизнь плескалась рядом с людьми, большинство которых каждое утро уезжали в город, чтобы создавать машины и работать с помощью машин.

И вот за какие-то несколько лет все нарушилось, согласия с природой тут уже нет. И меня, как и многих товарищей по перу, снова тревожат сомнения: а возможны ли гармония и согласие с окружающей средой в век высоких скоростей и техники?

— Возможны. Все вернем к жизни!— твердо говорит Аркадий Арсеньевич. И я ему верю.

Однажды он вернул к жизни лебедя, раненного браконьером. Собаки начали гонять упавшую птицу. Аркадий Арсеньевич поспешил на помощь. Сначала лебедь пытался уйти от него. Но, видно почуяв доброту, он прильнул к Аркадию Арсеньевичу, как к спасителю. И не ошибся. Человек выходил птицу.

Аркадий Арсеньевич по натуре своей строитель, настоящий человек новой жизни.

В годы Великой Отечественной войны он отстаивал Родину, а с 1950 года работал в Ленинградском оптико-

механическом объединении имени В. И. Ленина (тогда ГОМЗ) слесарем-сборщиком по оптическим приборам.

Один из первых ударников коммунистического труда, у себя на производстве он известен как рационализатор. За успехи в труде был награжден орденом Трудовой Славы III степени. Учил молодежь работать так, как работал сам — без контролеров, с личным клеймом качества.

Теперь на пенсии. Есть у него и страсть — рыбная ловля. Так же, впрочем, как и воднолыжный спорт.

Несколько лет назад я был свидетелем его полета на воде. Не верилось, что у этого человека уже есть внук. Малыш, хотя ему всего два годика, тоже просился на лыжи. В деда пошел.

Но главное, Аркадий Арсеньевич — чуткий, отзывчивый человек, всегда придет на помощь и людям, и птице, и всему в природе: ведь она, природа, нуждается в разумном к себе отношении.

Сейчас на Западе стало модным утверждать, что в результате научно-технической революции человек деградирует. Мол, с тех пор как человеку меньше стали нужны его руки, ноги, мускулы, он начал терять многое, что приобрел за миллионы лет своего развития. Дескать, лишь в прошлые времена, когда люди бороздили моря без всяких приборов, ходили пешком, у них были могучие руки, сильные ноги, зоркие глаза, острый слух, и благодаря всему этому человек необыкновенно чутко воспринимал море, лес, ветер, солнце, звезды.

Глядя на Аркадия Арсеньевича, этого не скажешь. Он имел дело со сложнейшими машинами, с тончайшими оптическими приборами. И думаю, что он отличает любые цветовые оттенки, замечает просветы самой минимальной величины. И та же острота чувств — в общении с природой. Он любуется, как художник, вечерним закатом, наслаждается грибным настоем леса, чистотой прохладной воды, светом солнца.

Связав свою жизнь с техникой, этот человек не потерял связи с природой. Да, возможно, он не похож на своего деда, даже на отца. В наши дни неизмеримо возросли информированность, образовательный уровень людей, возможности вмешательства человека в жизнь природы. Но, как и предки, Аркадий Арсеньевич свято относится к дереву, птице, живой воде.

Чему учил меня мой дед,
С годами забывается...
Сгорает от пожара лес —
Пустыня улыбается!
Гнездо синичье разоришь —
Весною песнь не слышится!
До капли выпита река —
По суше рыба движется!
Ты слезы льешь передо мной —
И я готов покаяться!..
Неужто через много лет
Все то, чему учил мой дед,
Как детство, забывается?

* * *

Наш разговор с Аркадием Арсеньевичем произошел на Оредеже несколько лет назад. С тех пор я не раз выступал в центральной и местной печати о судьбе реки. Есть ли перемены? Есть, и радующие. На Оредеже, в районе поселка Вырица, построена плотина с постоянным уровнем воды. А это очень важно, ведь Вырица в будущем будет еще более крупной детской здравницей с пионерскими лагерями. Снова появились утиные выводки на плесах Оредежа. А почему? Да потому, что появился глаз охотоведа, хозяина. Сиверский лесхоз, к которому относится и территория бассейна реки Оредежа в районе поселка, выделил две штатные единицы — охотоведа и егеря. Техником-охотоведом Оредежского лесничества работает теперь Геннадий Николаев. Молодой, энергичный человек. О нем отзываются как о славном

охотнике. А настоящий охотник, рыбак природу в обиду не даст.

* * *

Мы сидим с Геннадием Николаевым у костра, слушаем весеннюю ночь.

— Ничего, навели порядок и в нашем лесу, и на Оредеже. Как дому нужен хозяин, так и к природе нужно относиться по-хозяйски, а не голословно. Хорошо, что меня сюда назначили. Нравится мне здесь в лесу...

Гена Николаев — неутомимый, редкого таланта охотник. Настоящий охотник. По душе. По крови. По призванию. Кажется, весь лес вокруг Вырицы исходил. На многие десятки километров. Похоже, он не знаком с усталостью: выдается свободная минута — рюкзак за спину и в путь.

Где бы он ни работал, отпуск всегда проводил в лесу, на охоте. Заключал договор на сдачу пушнины в Вырицкую заготконтору и шел на промысел в лес. В Вырицкий лес. Кто-то удивится, что рядом с Ленинградом, большим городом, может быть промысел. Охотничий промысел. Оказывается, есть. И немалый. Ондатра, бобр, куница, норка, лиса. Мягкое золото. Да брать это золото не так-то уж легко. Охотники настоящие почти перевелись. А новички с ружьями только попусту палят. Взять серьезного зверя им не хватит ни упорства, ни уменья. Главная заповедь для охотника, идущая издревле,— не столько брать, сколько охранять, пополнять. Замечено: истинный охранитель всегда тот, кто заинтересован в жизни леса, воды, сохранении ее даров. Не случайно рыбак нынче больше рыбовод, охотник — охотовед.

В беседе время летит быстро, как и весенняя ночь. Вот и луна, задержавшись на мгновение на дереве, спряталась за лес, приглашая зарю. Скоро и мы уйдем в глубь леса на поиски глухариного тока, который когда-то был здесь.

— Шесть глухарей должно быть. Постараемся нынче число их увеличить. Надо помочь глухариному роду...

В сумерках мы идем под низкими сводами деревьев. Ни звука, ни шороха. Все живое еще спит в ожидании весенней зари.

Ликование глухаря захватило нас едва ли не врасплох. Где-то вдали щелкнуло дерево, как лопнувшая струна. Не успел звук растаять, как повторился дважды...

— Слышите,— встрепенулся Гена.— Это глухарь. Голос пробует. Токовать собирается...

Глухарь пока брал лишь отдельные ноты своей волшебной весенней песни. Щелкнет и затихнет, выждет время и снова щелкнет. По мере того как разгоралась заря, его голос звучал все уверенней. Наконец глухарь взял первую длинную руладу. Утреннюю тишину всколыхнула дробь. Запело одно дерево, второе, третье. Смелым глухариным ликованием, казалось, зажил весь лес. Весенний лес исполнял свою песню пробуждения страстно и с изяществом. Словно вся просыпающаяся природа исполняла древнюю, наполненную глубоким смыслом мелодию. В ней и щемящая душу боль, и неизбывная сила...

Весенний лес ликовал, наслаждался пробуждением нового дня, света, мая...

Зеленый целитель

Без охотника лес — сирота. Без рыбака река — мачеха,— сказывают манси. Это я слышу и от Владимира Ивановича Станкевича. С Владимиром Ивановичем встречаемся на берегу Оредежа и в лесах, что привольно раскинулись вдоль этой реки-красавицы.

Владимир Иванович Станкевич — заядлый охотник. Мне приятно беседовать с ним. Он бывал в мансийской тайге. На реке Конде. Строил в тех местах железную до-

рогу. Но больше говорим мы не о железной дороге. А об охоте, о зверье, о птицах...

В мансийской тайге было много глухаря. Удивительная птица глухарь. Старейшина птичьего царства.

Посмотри, подумай. Многие звери свыклись с близостью человека. Волки и лисицы забегают в селенья. Лоси пасутся возле коров. Тетерева держатся у коней. Глухарь же нет. Не терпит глухарь вторжения в его царство.

Лес. Глухомань. Первозданная тишина. Здесь, на высоком дереве, можно увидеть глухаря. Что он сторожит на вершине высокого дерева? Свое лесное одиночество?

Вечно ли молчалив глухарь?.. Нет, и у глухаря есть голос. И глухарь поет. Но поет он на гиблых болотах. То — зов подруги, песня любви. А какой вообще должна быть песня любви? Громкая или нежная, тихая? У глухаря надо учиться песне любви...

Глухариная песня любви самая искренняя, сокровенная.

Тишайшая из всех песен мира — глухариная песня любви. Даже вблизи она звучит так, словно доносится издалека, из глубины веков, из глубины сокровенного, вечного...

Нет, к глухарю не подходит слово «дичь». Это великан не только среди пернатых!..

— Охота,— говорил Владимир Иванович Станкевич,— это отдых. А отдых разве может быть без удовольствия.

Я согласен с ним. Я — за охоту. Но за разумную охоту, с соблюдением законов.

Владимир Иванович — юрист. И я интересуюсь законами охраны природы, особенно воды, воздуха...

Ведь наш Оредеж — одна из самых красивых рек в Ленинградской области. И вода в ней пока живая. Но надолго ли? На его берегах достаточно промышленных предприятий. Не отразится ли все это на нашей реке?

— Законами об охране природы в РСФСР устанав-

ливается предельно допустимая концентрация содержания вредных веществ в водоемах. За нарушение этих законов виновные подлежат привлечению к уголовной ответственности.

— Да, законы хорошие. Но всегда ли соблюдаются?— спрашиваю я юриста.

— Пока,— соглашается Владимир Иванович,— к сожалению, не всегда, но работники юстиции Гатчинского района стараются работать в тесном контакте с контролирующими органами, такими, как санэпидстанции, инспекции газоочистки и другими. Систематически проводим проверки. К виновникам применяются санкции — исправительные работы на срок до одного года или штраф до трехсот рублей.

А действия, причинившие существенный вред здоровью людей или повлекшие массовую гибель рыбы, наказываются лишением свободы сроком до пяти лет. Но главное — не доводить до серьезных нарушений. Создавать обстановку нетерпимости к любым, даже незначительным нарушениям.

Утро. Солнце. Роса. Роса сияла на ветвях сосен мириадами искорок, переливаясь, излучая чудную красоту соснового леса... Одетые в светло-зеленые шубы молодые сосны, будто боясь нарушить утреннюю тишину, стояли вдоль прямолинейной канавы, которую некогда прорыли, осушая болото...

На пригорке, в тесном окружении молодых сосен, стояла пышная, похожая на лиру, высокая сосна. Ее роскошная шуба то серебрилась, то вспыхивала янтарными звездами. Лесная красавица манила своей неповторимостью, звала к таинственному разговору...

Но собеседником моим становится Валерий Григорьевич Терешкин. Мне он интересен прежде всего как работник лесной промышленности. Передо мной, казалось

бы, явный разрушитель моей лесной сказки. Рассказываю ему о том, что в последнее время я часто стал убегать из города, от грозного призрака нездоровья, который стал наведываться ко мне. В сосновом лесу я не только насыщаю легкие дивным ароматом целебного воздуха, но и успокаиваюсь... Лес для меня исцелитель, волшебник, колдун, добрый шаман...

Все это я говорю своему новому знакомому Валерию Григорьевичу Терешкину, ответственному работнику Вырицкого лесопункта Гатчинского лесхоза.

В ответ слышу целый рассказ, даже лекцию. И совсем не о том, как лесники выполняют планы лесной промышленности по вырубке, посадке леса,— совсем о другом.

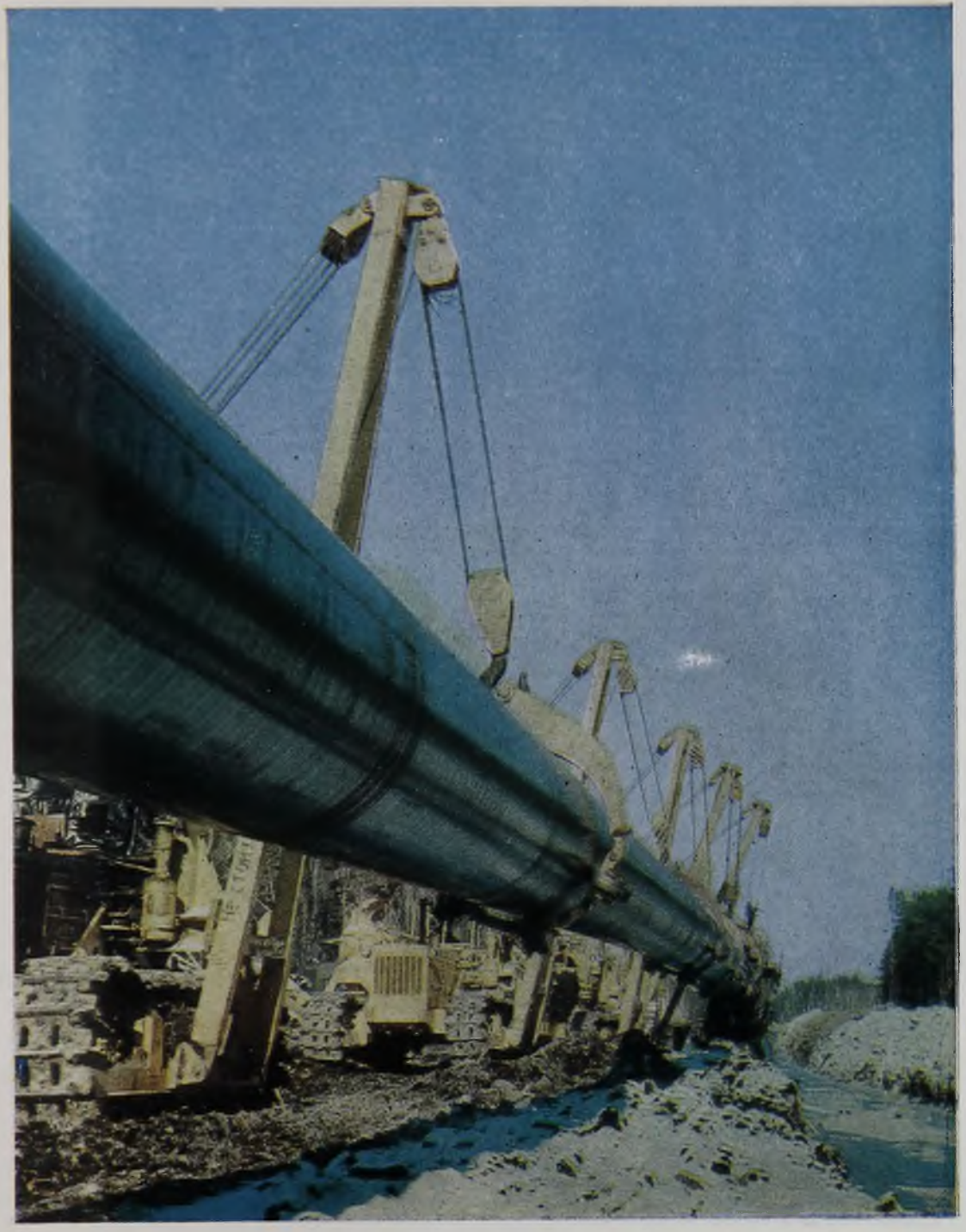
Он словно продолжает мои мысли:

— Лес — лекарь. Лекарь воздуха. Сколько дыма выдыхают заводы, фабрики, машины? Много! Лес этот воздух лечит. Своей зеленой хвоей, листьями. Отфильтровывает, чистит загрязненный воздух. Взамен производит кислород, без которого невозможна жизнь человека. Лес — источник жизни человека. Но лес не только «зеленые легкие городов», фабрика кислорода.

Вреден городской шум, но вредна и мертвая тишина. В лесу нет городского шума, но нет и мертвой тишины. Ветви шелестят, листья шуршат, будто о чем-то шепчутся, говорят. Ветерок поет в вершинах деревьев. Ручьи журчат. Сколько звуков! Сколько жизни!

Нежный шепот леса успокаивает нервы. Доказано учеными, что на психику человека успокаивающе влияют зеленые тона. Лес создает наилучшую цветовую, световую и электромагнитную среду... Да, у леса своя особая электромагнитная сила, но это особая статья...

Лес дарит нам и хорошее настроение. А как? Лес генерирует отрицательные ионы, ответственные за хорошее настроение. Фитонциды, уничтожающие вредные микробы и грибки, генерирует лес. Лес — лекарь. Лес —



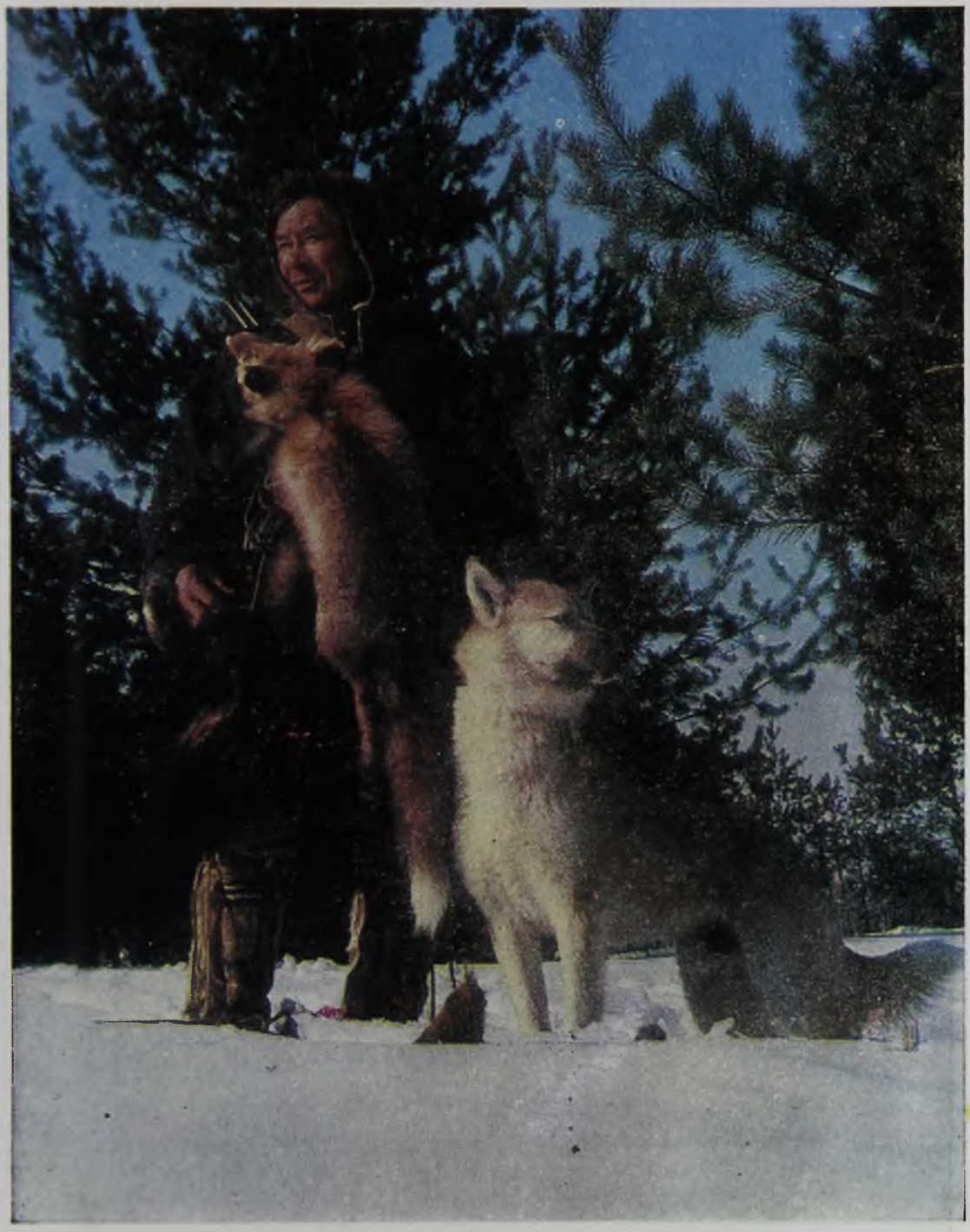
Газопровод Тюмень — Сургут.

Ребятишки с Сосьвы.

Охотничий лабаз в тайге.

В такой мансийской печке-камельке выпекают хлеб.

Волки.



Охота — традиционное занятие народов Севера.

Поднялись в тайге буровые вышки.

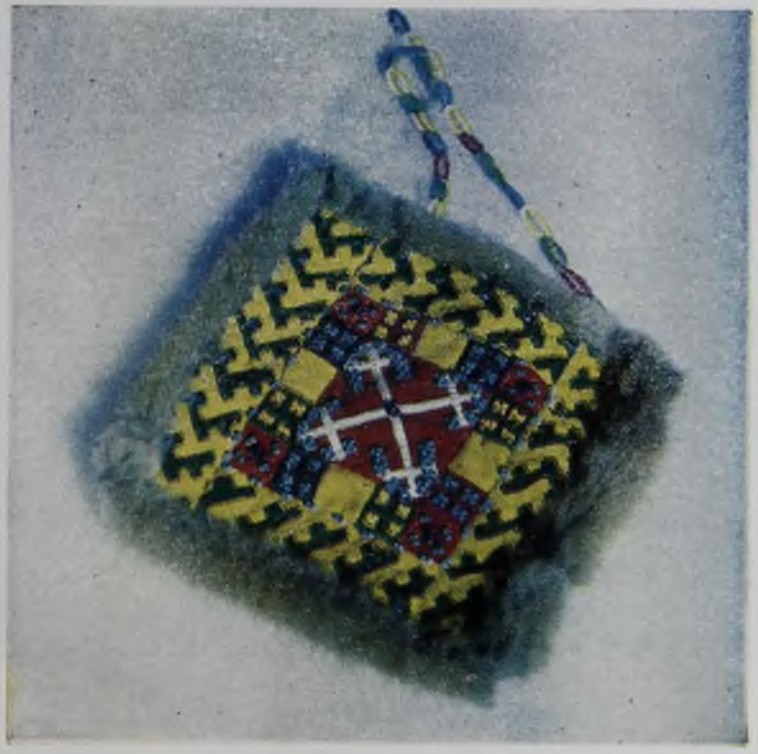
Оленеводство — традиционное занятие народов Севера.

Глухари.

Ханты-мансийский автономный округ. Рыборазводный цех.

На пастбище.

Прикладное искусство народов Севера.



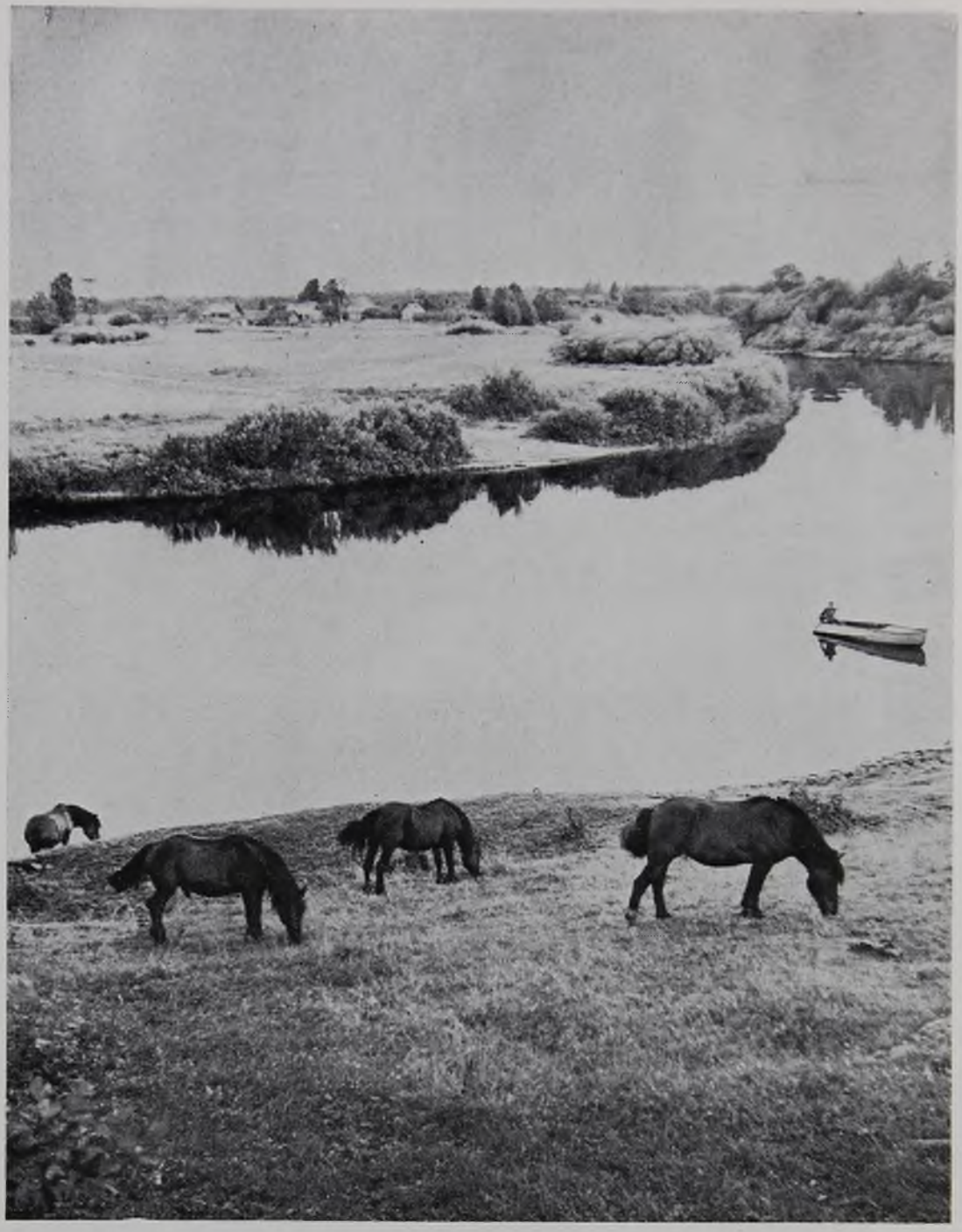
Современная хореографическая композиция.

Поселок лесозаготовителей.

Ладога.

Хозяин леса.

В лесах Ленинградской области. Кабаны.



Оредеж.

волшебник. Он словно имеет живую душу. Разве не заметили, что часто в лесу человек чувствует себя, как дома... Почему? Очень просто. Человек как биологический вид вышел из леса. За миллионы лет он приспособился к этой среде. И не древний ли инстинкт, тоска по забытому дому зовет нас в лес?

Но есть еще одна причина, ради которой люди потянулись в лес.

Теперь уже научно доказано, что на всякую опасность, неприятность наш организм отвечает нервным возбуждением, эмоциональным подъемом. Этот эмоциональный подъем сопровождается биохимическими изменениями в организме. Это — стресс. Когда-то, в эпоху каменного века, стресс, возможно, помогал человеку. Сам быт древних охотников требовал от человека силы, ловкости, выносливости.

В минуту опасности человек готов к двум спасательным реакциям: к борьбе с угрозой или к бегству от нее. Он готов к самым напряженным физическим действиям.

Они гасили стресс. И, отреагировав на опасность, организм приходил в норму.

Теперь ритм нашей жизни стремительно возрос, а физические нагрузки на организм значительно уменьшились. Многие люди ведут малоподвижный образ жизни. А на угрозу и неприятности человек чаще всего отвечает не физическими действиями, а рассуждениями да переживаниями. Физические нагрузки больше стресс не гасят. И если в тех условиях стресс был стимулятором нужным, необходимым организму, как воздух, как вода, то теперь он все больше и больше превращается во врага нашей психики.

Склока с соседом, окрик начальника, вой магнитофона способны вызвать у нас тяжелое заболевание нервной системы. Можно, конечно, тоже криком ответить на окрик начальника и с соседом разобраться «по-свойски».

Но достойно ли человека такое поведение? Конечно же, нет!..

Да и без конфликтных ситуаций сам по себе напряженный ритм нашей жизни требует разрядки, отвлечения, смены вида деятельности. Лучше всего отправиться в поход, пойти на прогулку. Туризм — лучшее средство против стрессов...

Может, в этом парадокс времени? Человечество, которое вышло в свое время из леса, вновь пытается вернуться в лес, как в свою колыбель, в надежде восстановить духовные силы и нервную энергию...

Я слушал моего собеседника. Думал. Все это мне знакомо из сказок дедушки, со слов отца и матери. Для нас лес был не только кормильцем, дававшим зверя, птицу, орехи, ягоды, грибы, но святым местом, где северянин ставил идолов, искал для своей души спокойствие и гармонию со всем миром.

— Ну, вернемся к вырубкам леса? Не приходит ли это в противоречие со сказанным?

— Нет!— ответил Терешкин.— Лес нужен стране так же, как хлеб, нефть, рыба. Это зеленое золото... Все дело в том, как его брать. С умом надо брать. По-хозяйски. Сколько вырубил — столько посадил. И с вырубленного чтобы не пропала ни одна ветка... Даже опилки идут у нас в дело...

Я познакомился с хозяйством Вырицкого лесопункта Гатчинского лесхоза. Работают хорошо, по-хозяйски... Недавно заняли первое место во Всероссийском соревновании предприятий лесной промышленности РСФСР. А это значит, не будет в обиде на нас лес, будет и дальше нести он здоровье людям.

Вырицкий лес в июне особенный, праздничный. Праздник цветов, буйной зелени, густых трав. У опушки — желтый разлив лютиков, голубизна колокольчиков, холодная белизна омежника. Веселыми светлячками усыпала зеленую землю звездчатка. Щедр июнь на

краски. Недаром он назван румянцем года. Эти краски особенно волшебны в белую ночь. Вырица — живописный поселок в шестидесяти километрах от Ленинграда. Зеленый поселок в лесу раскинулся на семнадцать километров по берегам лесистой реки Оредеж.

Мы идем по лесу, говорим о лесе, о красавце Оредеже. Говорим и о проблемах. Ведь с каждым годом растет поселок, строится.

Где-то запел соловей. Громко, задиристо. Птицы в июне поют еще звонко.

Мы идем по асфальтированной улице. А вокруг вековые сосны, ели. Первозданный лес и асфальт...

Лес врезается в Вырицу, или Вырица врезается в лес? Трудно определить. Но поселок славен не только целебным лесом. В нем есть и крупные промышленные предприятия. Основная сложность и заключается в том, чтобы гармонично сочетать предприятия промышленности, объекты здравоохранения и культурно-бытового назначения, сделать поселок удобным и для работы и для отдыха людей, сохранить его курортное значение.

...Из окна моего дома вижу реку, лес, на противоположном берегу — заливной луг и два «утиных плеса». Один за рекой, другой плещется прямо у калитки. Два утиных выводка спокойно плавают на зеленовато-серебряной глади. Скоро их будет больше. Из других плесов переселятся сюда. Знают, здесь их не тронут. В последние годы на Оредеже наводят порядок. Хорошо... Хорошо и «братьям нашим меньшим», и нам, людям. Разлившийся Оредеж сияет июньским солнцем. Серебряная вода радует глаз, дышит тишиной, спокойствием,

На таежном игрище

...Жил Медведь когда-то на седьмом небе. В каменном дому жил, в постели из собольих шкур нежился. Отцом его был Нуми-Торум — бог Вселенной. Однажды Медведю скучно стало. Ведь все когда-то уходят из-под родительской кровли. И Медведю стало невыносимо. В изголовье подушки высокие ночью кладет он — они ему кажутся ниже, чем палые листья. В изголовье подушки низкие ночью кладет он — они ему кажутся выше, чем снежные горы. Выходит на улицу. А на небесной улице так же, как на земле. Такие же дома, может, чуть побольше. Такие же скотные дворы, может, чуть побольше. Такие же конусообразные дровяники, может, чуть побольше. У богов все так же, как у людей, только чуть таинственней и волшебней.

Идет Сын-Медведь на скотный двор. Ржут от боли лошади, ревут и стонут коровы. Это Сын-Медведь балуется. Он их бьет тяжелой лапой, силу и дерзость копит в себе. Только он как бездонное лукошко, в которое собирают ягоды. Сколько ни балуется — никак не может утешиться. Ложится спать — уснуть не может. В изголовье подушки высокие ночью кладет он — они ему кажутся ниже, чем палые листья. В изголовье подушки низкие ночью кладет он — они ему кажутся выше, чем снеж-

ные горы. Идет к отцу. А тот спит сном глубоким и крепким, как глубокий корень кедра. Крадется Медведь к божественному трону. А трон этот из мамонтовой кости. Яркими звездами блестят драгоценные камни... Берет в руки серебряный посох отца с золотыми узорами. Смотрит на один конец посоха и сквозь него видит Средний мир — счастливую землю. А земля яркая, как зеленое сукно. И думает: «Вот красивая земля! Вот бы где мне жить!» Тогда идет он к отцу своему — Нуми-Торуму. Умоляет его, просит:

— Отпусти ты меня, отец, на зеленую землю. На зеленую землю из ярко-зеленого сукна. Отпусти ты меня, отец, на красную землю, на красную землю из ярко-красного шелка. Отпусти на счастливую землю, где живут веселые люди!

Слушает его внимательно отец. Потом молча надевает на себя одежду кузнеца и идет в небесную кузницу, начинает он в небе ковать, начинает кузнечить. Молоток его цокает, по небесной стучит наковальне. Все так же, как в кузницах, что в старину на земле были.

Молоток в сильных руках Торума цокает, железо гнется, серебро плавится. Так проходит три дня, и еще проходит четыре. Отковал небесный кузнец красивую люльку, изукрашенную серебряными ободками, и железную цепь крепко-накрепко привязал к ней. Вот зовет Торум Сына-Медведя, говорит:

— Садись, сынок, в люльку! Только помни: там, внизу, не трогай их могилы, не разрушай капище, где хранит человек своих идолов.

Звенит цепь серебряным звоном, гремит люлька железным громом, спускает Торум сына на землю.

Вот люлька успокоилась, к зеленой траве прильнула. Выходит Медведь из люльки. Сюда ступит — топь, болото, туда ступит — вода ржавая брызжет. Посреди болотистой земли опустил его отец. Почему? Может, потому, чтобы понял сын, что жизнь здесь — не сладкая морошка?! Комары его заедают, голод брюхо ножами режет: мало ягод в лесу уродилось, шишек вызрело в недостатке...

Как-то раз Медведь увидел деревню. Дома в ней наполовину в земле. Они сложены из бревен толстых. Над ними веселые дымки вьются.

А в деревне шум. С утра до ночи звенит звонкий девичий смех, и не смолкают задорные голоса юношей. У опушки лесной Медведь набрел на священное капище манси. И нарушил завет отца, разрушил капище.

А Торум, видно, смотрел за сыном. Медвежьи проделки, видно, заметил и послал на него свирепый ветер. Холодно Медведю, колючий ветер пронизывает насквозь его. «Много ли жиру на спине?— думает он.— Смогу ли проспать долгую зиму?»

Но когда бы он успел накопить жир?

Наконец подул теплый ветер. Видно, Торум сжалился над сыном. Вслушивается в себя Медведь и чувствует: тепло внутри стало. Хорошо! И зашагал он по лесу. А земля уже проснулась. Ручьями веселыми журчит, ветвями деревьев шепчет, сладкими ягодами глядит, шишками кедровыми на вершины деревьев манит. И в лукошко свое бездонное ягоды собирает, орехи кладет.

Долго ли, коротко ли продолжалась эта счастливая сказка. Да у любой сказки все равно где-то есть конец. Наступил конец и теплому лету. И стал Медведь в два зверя шириной.

Пошел Медведь искать лес, где стоят высокие деревья с толстыми корнями. Нашел он такой лес. В дремучей чаще, под пятисотлетним кедром, стал строить дом с земляными стенками, крепкой крышей из вековых корней. И несет он в домик свой три охапки мягкого сена да четыре — хворосту. И ложится он в свое гнездо звериное. Под голову кладет лапу свою. Ту самую, которую расшила узорами мать и подарила на счастье. Другой лапой укрывается. Той самой лапой, на которой его мать нашила семь узоров на счастье. И погнался за сном, живым и глубоким...

Когда оживает сказка

Нет-нет да и потянет меня снова в тайгу, где бродит жизнь еще рядом со сказкой. Этой сказкой, может быть, дышали все народы. Я ею дышал еще вчера. И это мне казалось нормальным человеческим состоянием. Сегодня я познал иную жизнь, жизнь человека XX века. И все же мне иногда хочется снова заглянуть в сказку!

Брызги, брызги, брызги... Будто разыгрался ливень. В ливне играют люди. В хрустальных каплях дождя их лица, улыбки, глаза. Сияют глаза, как солнце. И солнце смеется в ливне. Не с неба льется дождь, в ливень играют люди. Маленькие, большие, седые, как дети шальные, обливают друг друга водой, резвятся. Играют в ливень даже собаки. Они носятся по поляне между домами небольшой деревушки. А маленький мальчик стоит серьезный, удивляясь, как это большие дяди и большие тети никогда раньше не играли, а теперь играют... Где-то вдали гремят выстрелы.

— Дедушка, что это?— спрашивает мальчик.

— Понимаешь, внучек, они низвели «в лесу живущего»,— отвечает дедушка.

— Кого это, медведя, что ли?

— Тссс!.. Не надо называть по имени. Услышит...

— Значит, они убили... самого!.. лесного!.. А почему они брызгаются, смеются, играют?

— Смывают вину свою водой, весельем...

— Вину перед медведем?

— Тссс! Перед ним, конечно. Он же тоже жить хочет, как любой человек.

— Он же не человек, а зверь...

— Он тоже человек, только лесной человек, в лесу живущий. Так в старину думали...

— А теперь разве старина?

— Стареют зубы, волосы седеют, стареют уши и глаза,— говорит дедушка, глядя вдаль.— Добрые обычаи старины должны оставаться в памяти...

Вихрем подъезжают две моторные лодки. В них молодые мужчины. В их разгоряченных глазах растерянность, вопросы.

— Как это произошло? Зачем?!— с возмущением спрашивает их дедушка.

— Случайно, говорят...

— Сам напоролся...

— Разумно ли оправдывать раздоры,— тянет тихо дедушка.— Лишь безрассудный убийство затевает.

— Что же делать?— спрашивают дедушку.

— Кто строит новый день, не чураясь древнего обычая, увенчан будет славой будущего...

— Ты хочешь сказать, надо устроить медвежий праздник? Так мы ничего не знаем, всё забыли. Да и время-то горячее — путина, рыба большая идет, покос...

— Можно найти потерянную вещь, но не возвратить похищенного смертью...

— Ну что же, вспомним обычаи предков,— решает председатель сельсовета.— Но план дадим. Будем и работать и плясать!

Подъезжают еще несколько лодок с мощными моторами. В одной из них медвежья туша. Шкура снята. Медвежья голова положена, как полагалось в старину.

Брызги... брызги... брызги. В ливень играют люди, смывая водой, весельем пролитую кровь, стараясь искусством оживить душу лесного духа для новой, вечной жизни на этой суровой земле.

...В большом доме полно народу. Сидят на скамейках, расставленных вдоль стены, на деревянной кровати, на шкурах и циновках, постеленных на пол... В дальнем углу — «священный стол». На красной скатерти, средь дорогого сукна и шелка — медвежья голова. В ушах у нее серьги с «драгоценными» камнями, на груди — бисер, на голове — разноцветные ленты... Перед «древним посланником неба» стоит рюмка. Старинная, позолоченная...

С одной стороны стола сидит охотник, «приведший» лесного духа на праздник. Вид у него, по обычаю, виноватый, смущенный.

На другой стороне стола — Константин Васильевич Новьюхов, дедушка Солвал, как мы его называем. Раньше на этом месте сидел шаман. Теперь шаманов нет. Новьюхов — наставник молодежи, человек, проживший трудную жизнь. Он играет на санквалтапе. Молодежь примолкла. Песни старины лучше Новьюхова никто не помнит. А веселое представление посмотреть хочется. Там все волшебно и таинственно! И — кто сегодня верит в Медведя или в духов,— слушают все как зачарованные. Как знать, может, в последний раз оживает древнее искусство таежного народа. Нет, песни не замолкнут — они будут просто новыми. И жизнь другая на берега Оби пришла. Потому парни и девчата притихли, как мудрые старики, сидят, вслушиваясь в последнее сказание волшебной старины.

Появляется человек, с головы до ног обвешанный мехами лисиц, соболей, останавливается посреди дома. Это — Кастан-хум, ведущий медвежьего праздника. Под звуки многострунного журавля он начинает петь на мансийском языке:

На седьмом небе растят Медведя — Нуми-Торума сына,
В светлом лесу лелеют Медведя — духа лесного.
В изголовье подушки высокие ночью кладет он —
Они ему кажутся ниже, чем палые листья.
В изголовье подушки низкие ночью кладет он —
Они ему кажутся выше, чем снежные горы...

Взгляды людей невольно притягивают голова медведя, лапы, когти. Считалось, если солжешь — не уйти от когтистой лапы. А коли правду скажешь перед медвежьей головой, покружишься в плясках, развеселишься в песне, замрешь в исповеди, рассказав про житье-бытье, медведь прозреет. В нем снова проснется дух. Добрый дух прозренья жизни.

Музыкант играет на санквалтапе или на многострунном журавле. Кастан-хум идет по кругу, пляшет. Потом, не обращая внимания на берестяной кузов, что за его спиной, приплясывая, поет:

Кузов мой берестяной
С крылатыми узорами.
Кузов мой, полный сказками,
Кузов мой, полный песнями,
Я несу тебя к людям!
Если начну я снова песню
В начале таянья снегов —
То до последней льдинки буду петь.
Лед растает, улыбнется река —
Лишь песня моя не тает,
Из кузова все выползает и выползает,
Как чудо из чудес.
Может, кузов мой железный?
Может, кузов мой бездонный?
И откуда столько сказок
В моем кузове простом?!

Раздается смех. Это сказитель и сказительница.

— Какие песни в кузове?— смеются они недоверчиво.— Разве нынче время сказок?

Но Кастан-хум получает поддержку Учителя.

— Зачем же так!.. Лучше бы отгадали, кто это?

— Как кто? Известно: берестяной нос, истинное лицо прячет — что-то у него не так.

— Вы смотрите не на нос и не на лицо. А загляните глубже, в душу, попытайте, что несет он в сердце.

— В душу не заглянешь, сердце в руки не возьмешь. А вот кузов посмотреть можно. Может, и вправду несет он настоящие песни и сказки.

— Я несу новый огонь,— произносит Кастан-хум.— На сказочном коне проскакал я через горы, через моря, через века, принес вам огонь земли и огонь души.

Он срывает берестяную маску с лица, кланяется во все стороны, сияя добродушной улыбкой.

— Ангашупов! Это же Ангашупов!— радостно узнают люди заведующего клубом, заслуженного работника культуры РСФСР.

В это время в избе, которая находится рядом с игровым домом, наряжаются тулыглахтын-махум — артисты. Каждый одевается в свой костюм, вживается в роль, которую ему придется играть перед всеми в большом доме. Старик-наставник советует, учит, напоминает, как вести себя, как «играть жизнь». Все как в настоящем театре. Только он особый. Все готовятся к очередному номеру. Здесь же молоденькая девушка-хореограф.

Мужчина становится на четвереньки. К спине его привязывают палку. Сверху покрывают пологом. К переднему концу палки приделывают «лосиное лицо», привязывают уши. И таежный артист, изображая лося, входит в игровой дом.

Увидев его, все кричат — кто с испугом, кто с восторгом. А он спокойно устраивается на полу.

Немного погодя входят трое мужчин. Это охотники. Спрашивают:

— На этой земле есть зверь и птица?!

— Как же нет!— отвечает им председатель.

— Мы ведь охотники! Зверь нам нужен!

Идут, как пляшут, пляшут, как идут.

— Вот следы лося.

Опять пляшут, будто идут, опять идут, будто пляшут.

— Посвежее стал след. Вчера вечером, видно, прошел лось. Хорошо!

По следу лося идут, как пляшут, пляшут, как идут. По следу лосиному веселье не гаснет, по следу жизнь играет.

— Ха-тэ! Ха-тэ! Жизнь твоя, молодой лось, будет короткой! Ха-тэ! Ха-тэ! Жизнь моя, молодой лось, будет сытой!

— Тише, не кричи! Тише! Помолчи! А то спугнешь добычу. Неосторожное слово — бич.

— След стал мягче, недавно, видно, прошел.

— Ха-тэ! Ха-тэ! Лось скоро будет наш...

Услыхал это лось и в сторону помчался.

— Эх, молодость! Шумит раньше времени. Вот и спугнул.

Охотники опять идут, как пляшут, пляшут, как идут.

В игровой дом входит Витхон. Это водяной царь, хозяин рек и озер, царь рыб. Как на игрище обойтись без Витхона! На нем будто семь одежд. Покрутившись чуть-чуть, ложится посреди пола, словно засыпает. Вокруг него ходит Кастан-хум. В руках у него вьется шелковая ткань. Ходит певец вокруг Витхона, будит его, поет:

О царь с водяными косами,
Еле-еле нашел дверь твоего дома!
Не всякий пройдет к тебе!
Вокруг твоего дома сидят семь виткась,
Эти чудовища с мшистыми спинами,
Зарывшись в землю, охраняют тебя.
Проснись, царь!
Посмотри, как сыновья и дочери твои
Голодны!
Если хочешь нам добра — проснись!

Семь раз певец кружится вокруг водяного царя, семь раз шелковая ткань над головою водяного вьется,

и он, наконец, просыпается, садится. Сидит он на полу. В руках у него палка и нож острый. Витхон строгает волшебную стрелу. А певец поет:

Ты сел строгать волшебную стрелу,
Щепки летят. Пусть их будет много!
Большие щепки — большими рыбами пусть поплывут!
Маленькие щепки— маленькими плавниками
Пусть шевелят, маленькими рыбками
Пусть расплываются!

Потом певец подходит к музыканту и говорит ему:

— Многострунный свой журавль настрой! Струны-жилы натяни так, чтоб они заворожили водяного царя. И под волшебную музыку пусть стружки превращаются в золотую и серебряную рыбу!

И звенит журавль всеми своими жилами, завораживает людей он, водяного царя завораживает.

Не выдерживает Витхон, встает, пускается в веселый пляс.

— Да кто же это в водяного царя нарядился?— недоумевают женщины.

— Я!— снимая маску, восклицает Хул-мастыр, рыбак Гослова. В это время года его бригада ловила рыбу в угодьях, которые находились недалеко от этой деревни. И хотя он живет теперь в другом, большом современном поселке, а здесь чувствует себя как дома. Родной плес большой реки, где юркой рыбкой плескалось детство,— его разве можно забыть?! Он мил и дорог ему не только в минуты праздника и веселья. Родной уголок, место промысла, место работы, место праздника жизни.

Сказание о Хул-мастыре

«Каждый в чем-то должен быть мастером»— так говорили старые манси. Хул-мастыр тоже манси, настоящий манси. Он не может нарушить старый завет, и по-

тому он тоже мастер, большой мастер! Великий рыбак! Какую рыбу ловит великий рыбак-манси?!

Муксун, вынутый из сети, в руках Хул-мастыра сияет золотыми слитками. Нежная нельма беспомощно лежит, слабо шевеля хвостом, время от времени открывая большую пасть, из которой торчит хвост другой рыбы, которую она не успела проглотить. Узконосая стерлядка извивается, как змейка, стараясь, видно, вновь добраться до желанной цели — своей стихии, живой воды.

Муксуна, нельму, осетра, стерлядь ловит великий рыбак-манси.

Счастье... Что это такое? Разве это можно выразить словами! Счастье — чувство. Оно плеснет, как большая рыба на спокойном плесе. Разволнуется плес, как душа. Большая рыба, любимое занятие, радостный труд, родная река... Может, в этом счастье рыбака?! А может, счастье в чувстве широты и необъятности родной земли?! Велика земля, богата сокровищами. Хотя бы взять угодья, на которых промышляет бригада Хул-мастыра. Эти угодья по своей площади превосходят площадь Андорры, Люксембурга, Мальты, Монако, Кипра, вместе взятых. И неудивительно, что Хул-мастыр сам себя чувствует если не маркграфом, не герцогом, не магараджой, то мансийским Витхоном, царем воды и рыб, полновластным князем Оби.

А среди рыб велик осетр. Он тоже, как настоящий мастер, не всюду плавает, а идет по главному руслу Оби. Томно и величаво несет она свои воды. Над ее струями — цветущая черемуха. Вот набежал ветерок, окутал ее ветви в сверкающие струи, и засветилось дерево. Блестками лета засверкало оно, источая неповторимый аромат. В чарующие мгновения лета, когда день сливается с ночью и северное солнце спешит прогреть землю — закатывается за горизонт на считанные часы,— у промысловиков самая горячая пора — путина.

Скрипят весла, стреляет вода, стукаются о борт лодки поплавки, и над тихой вечерней Сосьвой плывет песня:

Чешуей стальной блистая, хэй-я,
Пляшет в струях рыбья стая, хэй-я,
Кипит вода, кипит вода...
Э-гей, друзья! Скорей сюда!
Хэй-я! Хэй-я! Хэй-я! Хэй-я!

Глаза Константина зорко следят за каждым движением лодки. Знают они, эти глаза древние: закинешь невод чуть подальше — селедки не будет, чуть не дотянешь до положенного места — не будет золотой.

Мы проворными руками
В плес закинем невода...
Хэй-я! Хэй-я! Хэй-я! Хэй-я!

Кажется, эту песню поют руки гребцов. Руки их летают, волосы летают, летят кибасья и поплавки — сияющая вода звенит, брызжется, расходится кругами. Стоглазый невод с надеждой уходит в воду.

Гей! Потянем сеть дружней мы.
Гей, друзья! Быстрей! Быстрей!
Нету лакомства вкусней,
Чем трепещущая нельма!
Хэй-я! Хэй-я! Хэй-я! Хэй-я!
А селедочка нежней...

Лодка на полном ходу выскакивает на песок, за ней шипящая волна, и руки рыбаков бегают — тянут невод, и босые ноги рыбаков бегают — тянут невод. Вот уже первые селедки застряли в ячейках. Значит, в мотне что-то будет! Глаза рыбаков сияют, как эта Сосьва под лучами заходящего солнца...

Плеск и гомон вверх летит...
Хэй-я! Хэй-я! Хэй-я! Й-йа!
Счастьем каждый взор блестит,
Хэй-я! Хэй-я! Хэй-я! Й-йа!

Вот она и сама, сосвинская селедка.

А еще рыбкой золотой ее величают.

— Ёмас! Ёмас! — говорят рыбаки, довольные уловом. Стоят, переговариваются, обмениваются улыбками. Тут же собаки. Облизывают морды свои широкими влажными языками. Глаза их искрятся, будто тоже говорят: хорош улов! хорош улов! добрая нынче путина!.. На том конце плеса еще лодка, еще бригада. Бригада славного рыбака Сосьвы, кавалера ордена Ленина Бешкильцева. Путина продолжается...

Прозрение Вортолнута

Это плещется вода или шепчутся листья? Это травы колышутся или крылья птиц шелестят? Это снег хрустит или скрипят деревья? Это ветер кружит или вьюга пляшет? Это грузовик ползет или поезд мчится? Это буровая шумит или электростанция работает? Это город строят или горы рушатся? Это мчатся олени или самолеты летят? Это боги идут или богатыри-рабочие?

Кен-кеным, кеным, кеным.
Дзинь-дзон, стук-бряк.
Синий ветер, белый снег
Ого-гой
Пой!..

Это струны санквалтапа звенят, на свои голоса поют. Новый гимн под древнюю музыку. В эту музыку вплетаются гортанные слова Ангашупова — Березового кузова.

А Кастан-хум поет:

Наше мягкое слово, что мехов собольих мягче
Что теплее солнца летнего,
Перед кем мы здесь расстелем?
О, кружащийся, как ветер,
В мировых семи пределах
Совесть мира, страж вселенной

Творец земли — Рабочий класс!
К тебе наше слово первое,
Тебе поем мы песнопение.
Ум твой легкою снежинкой,
Падающей на землю,
Пусть к нам в избу упадет!
Наше жаркое песнопенье пусть твое услышит эхо,
О, исцеляющий боли мира,
Творец земли, Рабочий класс!

Раньше так обращались к Мирсуснэхуму и другим богам.

Из таежной реки Пелыма прилетал Полюм-Торум — бог соболиной тайги, с вершин хрустального Урала спускался Нёройка[1], с Малой Оби ехал Айас-Турум[2]. Ну а Витхона манси никогда не забывают. Звенели струны, пел шаман. И люди слышали, как усаживались боги за стол, тяжело дыша после дальней и трудной дороги. У каждого бога был свой гимн, своя музыка. У каждого духа — своя пляска, своя сказка и история. Всех длинней была история у Мирсуснэхума.

Может, потому, что ему нужно было всех дольше лететь в край манси?

Он прилетал с самого истока Оби. Там, на вершине священной горы, будто стоял его железный дворец. Во дворце том, где трудно найти дверь, среди золота и серебра жил Мирсуснэхум. И каждый день он оттуда, как истинный труженик, отправлялся смотреть многоликий мир, где кипела суетливая жизнь.

Играет санквалтап, поет журавль, в мир звуков вплетаются голоса:

Кен-ным, кеным, кеным.
Дзинь-дзоп, стук-бряк...
Кто сегодня истинный труженик?
Разве Мирсуснэхум?!
Не Мирсуснэхум! Не Мирсуснэхум!

---

[1] В мансийской мифологии бог охоты.
[2] В мансийской мифологии бог рыбной ловли.

А кто же?
Рабочий класс! Творец земли!

Это плещется вода или шепчутся листья? Это травы колышутся или крылья птиц шелестят? Это буровая шумит или электростанция работает? Это боги идут или богатыри-рабочие?

— Это идут рабочие, огнедобытчики Севера. В честь них и наша песня, величальный гимн.

Под призывную величавую песню певца входит человек в рабочей спецовке. Это Анатолий Саратин, рабочий энергоцеха треста «Игримгаз», добытчик огня.

А что представляет собой энергоцех? Мощные дизели, превращающие огонь земли в свет. Линии электропередач. Свет в домах. Свет в глазах людей...

Кажется, совсем недавно, в 1924 году, в 105-м номере тобольской газеты «Северянин» можно было прочесть: «Этому никто не верил... Разве можно залить электрическим светом холодные тундры дальнего Севера?»

Керосин горел. Керосина не было, жир горел. Много рыбы в старой Оби. Жирная рыба. Хватит жечь, считали люди. И все-таки любопытно было, как это может быть — огонь в холодной проволоке? Трудно поверить... И вот ток проведен в Березово.

Щелкнул выключатель — ярким светом залило зал. Все ахали, шумели, подходили к проводам, осторожно трогали руками. Каждый вечер зыряне и остяки собирались в избушке. Повернут выключатель — темно. Снова повернут — опять загорится свет. Улыбаются, как дети. Потом на собрание пришли.

— Этот свет послал большой человек — Ленин,— сказали им.

— А-а! Ленин!..

Сегодня Север сам греет и дает свет. Свет мощнейшей Сургутской ГРЭС, работающей на попутном газе. Линии электропередач расходятся далеко-далеко, разнося свет над ночной тайгой, над Обью, над заснеженным Се-

вером. Свет в домах. Свет в глазах людей, пляшущих, поющих на медвежьем празднике.

Да, жизнь манси стала другой, не похожей на прежнюю. Это правда. Но ведь тайга-то осталась. На заре так же токуют глухари. И таежные речки все так же бегут к Оби. А великая Обь плавно, не торопясь, несет свои воды на север, к самому Ледовитому океану. И рыбы плещутся, как много веков назад. А бобры валят столетние кедры, строят хатки, сооружают плотины, купаются в своем «море». И медведь не ушел из тайги. Куда ему, зверю, уходить? И хотя манси уже не считают его хозяином тайги, но все же медвежий праздник сохранился. Правда, не всюду, а лишь в глухих деревеньках. Некоторые склонны видеть в подобных медвежьему празднику представлениях религиозную основу. Но это не так. Это скорее народный театр. Своеобразный театр. Большое искусство народа. О нем еще Л. Н. Толстой писал: «Недавно я прочел рассказ о театре у дикого народа вогулов. Одним из присутствовавших описывается такое представление: один большой вогул, другой маленький, оба одеты в оленьи шкуры, изображают один самку оленя, другой — детеныша. Третий вогул изображает охотника с луком и на лыжах, четвертый голосом изображает птичку, предупреждающую оленя об опасности. Драма в том, что охотник бежит по следу матки с детенышем. Олени убегают со сцены и снова прибегают. Такое представление происходит в маленькой юрте. Охотник все ближе и ближе к преследуемым. Олененок измучен и жмется к матери... мать лижет ему рану. Охотник натягивает другую стрелу. Зрители, как описывает присутствующий, замирают, и в публике слышатся тяжелые вздохи и даже плач. И я по одному описанию почувствовал, что это было истинное произведение искусства»[1].

---

[1] Лев Толстой об искусстве и литературе, ч. 2. М., Советский писатель, 1958, с. 386.

Теперь, почти век спустя, убеждаешься в истинности его слов — сохраняются подобные праздники в памяти народа манси. Но было бы недостаточно назвать эти игрища только искусством. Это еще и опыт поколений охотников и рыболовов, опыт не столько даже профессиональный, сколько духовный, нравственный. В его основе — союз человека с природой, вера в ее пробуждение, в возможность победы жизни над смертью. По философии манси человек не исчезает бесследно, когда умирает, а превращается в животных, растения, деревья. Не случайно кульминация праздника — пробуждение Вортолнута — медведя.

Женщины, девочки в национальных платьях, халатах, расшитых узорами, в платках, в шелковых шалях кружатся под звуки санквалтапа и журавля.

Это танец пробуждения. Они обращаются к голове зверя, умоляют ее проснуться:

Зверек наш, просыпайся!
Открой глазки, вставай!
Подружка твоя ронжа —
Таежная кедровка —
Давно уже на ветке кедра сидит,
Орет во все горло.
Зверек наш, просыпайся!
Миленький наш, вставай!
Зверек наш, просыпайся!
Миленький наш, открой глазки!
Младший брат твой, росомаха,
На вершине у седьмой речки уже рыщет.
Лесная сестрица твоя, красная лисица,
На берегах семи озер уже побывала.
Мышей половила, полакомилась и уже устала...
Миленький наш! Потяни лапу, потяни другую.
Просыпайся, миленький, просыпайся!
Глаз зари уже в окно смотрит.
Зверек наш, просыпайся! Открой глазки!
Дети твои, лесные девочки,
Полную кадушку воды принесли.
Утром люди руки моют, плещутся живой водой,
А брызги на тебя летят...

Разве ты не ощущаешь эту свежесть, эту сказку?
Зверек наш милый! Просыпайся!
Открой глазки и вставай!
Вместе с нами улыбайся!
Собирайся в дорогу новую,
Тебя ждут дела вечные!
Зверек наш, просыпайся!
Миленький наш, вставай!

И прозревает, просыпается Вортолнут, прозванный «в лесу живущим». Снова идет в тайгу, радуясь жизни, солнцу, воде.

* * *

Многое непонятно в старинной сказке. И мне тоже. Почему, например, Медведь на небе был сыном бога, а на земле стал неразумным и злым зверем? На небе он валялся на мягких постелях и все же было ему до́ смерти скучно. Почему он на землю так рвался? Нашел ли он счастье на ней?! Может быть, праздник, который устроили в честь Медведя манси, где люди становятся как боги, для него лучшая награда. Может, для этого праздника, где люди прозрели, лучше поняли мир и себя, стали вдохновенными, Медведь спустился на землю?

О, многое непонятно! Погодите, помолчите, в сны цветные загляните. Новая ночь настанет — новая песня зазвенит.

Назови по имени

Едет Эквапыгрись, видит горы. Высокие горы, заснеженные. Долго ли, коротко ли поднимался по крутым склонам, наконец достиг вершины.

Там по белому снегу рыжими лисенятами бродят стада звезд, на волнах облаков легкой лодочкой плавает серп луны. И вдруг юноша видит: какой-то старец запрягает в маленькую нарту собаку и едет к нему навстречу.

— Эй, Эквапыгрись, внучек! Крылатой ли птицей сюда припесен, летающим зверем доставлен?— заговорил старик, подъехав к юноше. А борода у старика белая-белая.

— Молодой человек разве ездит по одним и тем же местам, разве плавает по одним и тем же водам?— отвечает Эквапыгрись, не сводя глаз с удивительной нарты, где сияет солнце. Сидит солнце в нарте, а собака его возит.

— Погоди, внучек! Пойдем ко мне в дом. Будешь гостем.

Подошли к дому, открыл старик двери, крикнул кому-то:

— Люди, не обижайте моего гостя! Накормите, напоите его!..

Сказал и уехал. А Эквапыгрись вошел в дом. Смотрит, вокруг — ни души. Сел он на нары, думает: «Старик сказал: не обижайте

моего гостя. Кто же может меня обидеть? Здесь никого нет». А зоркие глаза подметили в дальнем углу кусок шелка. Зашевелился шелк. Стало невыносимо жарко.

— Умереть можно от такой жары!— не выдержал Эквапыгрись.

Шелк зашевелился снова. Стало прохладнее.

В третий раз зашевелился шелк. Из-под шелка вышла девушка, поздоровалась с ним и вышла на улицу. Принесла грудинку оленя, разрезала мясо, в кипящий котел опустила. И вот дымится уже душистое оленье мясо на блюде. На один край блюда кладет она женский нож, на другой — мужской. Говорит: «Если не забудешь меня — ешь!»

Как может Эквапыгрись не отведать угощения...

Если в жизни встретишь друга —
Засияет в сердце свет,
Словно ты, в тайге блуждая,
Вдруг увидел верный след.

Стихнет ветер, солнце встанет,
Будет радостней идти,
Если встретишь человека
Настоящего в пути.
Потому что лучше друга
Ничего на свете нет...

Тундра

Зима. Спег. Ночь... Яркие капли звезд во мгле. В этой звездной темноте брызнул луч и заколебался.

Второй, третий вспыхнул рядом... Четвертый...

Вздрогнул, изогнулся, наливаясь ярким светом... Нежно-зеленый, синий, желтый, красный луч, серебристый иней...

Лучи разгорелись лучиной... Заколебалось, задрожало пламя...

И над синими снегами загорелся костер. Большой костер, яркий, радужный костер. Выше леса, гор выше...

Горит небесный костер. Горит, но не греет.

Небо красноватое играет —
Будто там бруснику собирает.
Может, эти огненные тучи —
Ставший на дыбы медведь могучий...
Пляшет золотистыми столбами,
Плещется искристыми цветами
Над землею радужное пламя.

Мертвые волны снега. Холодный свет неба. Тихо. Тяжкий вздох осевшего сугроба. И снова тихо. Хрустальный воздух, звенящая тишина. Кажется, еще мгновение — и я навеки оглохну, онемею, замру...

Я слышу, как во мне все замерзает. Еще мгновение — и я сольюсь с белым снегом, с ночью, стану льдом... Лишь глаза мои не мерзнут.

Ночь. Полярная ночь...

Кажется, тьма родила меня, и этот снег, и звезды, и людей...

Кажется, до самого сердца мы пронизаны мраком, и мысли людей сумеречны.

И лишь северное сияние как озарение...

Но, вслушиваясь в себя, вглядываясь в лица друзей, я вижу: сквозь мрак холода пробивается волшебное свечение человеческого дыхания и света, радостного света.

Ночью каждый трусит, только один признается в этом, другой скрывает. Но человека ночью не согнешь. Ночь не вечна, вечны дела. Доброе дело равняет человека с северным сиянием, несущим в мир озарение.

Говорят, ночь дана для отдыха. Это правда. Но не вся. Ночь дана и для размышления. Особенно зимняя ночь. Зимняя ночь — лучшая пора для озарения мыслью, светом.

Эй, человеком себя ощути
На трудном ночном пути!
Пусть будут слово, и свет, и звук!
Пусть будет утро в полночной тьме,
И озаренье твое во мне.

* * *

...Э-ге-гей! О-о-ой! Э-ге-гей! Олени! Олени! Они снежной лавиной спускаются с лысого холма. О, сколько их, рогатых, безрогих, белых, как снег, и серых, как мох, пятнистых, как летняя тундра. Медный диск солнца жмется в тундре, ежится, будто тоже мерзнет. Точно раскаленными металлическими щетками прижигают лицо: так его режет мороз. Спокойный, тихий, меднолицый мороз тундры. Он, кажется, властвовал на земле и в небе. Небо и земля. На земле снег. На снегу олени. На стальном фоне снега резко вырисовываются чумы. Над чумами дымки. Они стоят живыми столбами, упираясь в небо. Небо утонуло в снежной дали. Небо и снег. Ничего, кроме снега. Снежная пустыня. Ледяная земля.

А оленевод, кажется, и не думает о холоде. Он летит на своих легких нартах прямо к нам, участникам и руководителям семинара молодых писателей Севера. И, как положено в тундре, здоровается со всеми за руку и приглашает в чум, к древнему огню.

Чум. Древнее жилище оленеводов. Посреди краснощекая печь. Жарко. А спину холодит. На улице мороз за пятьдесят градусов. Рвется он в чум сквозь шкуры, лежащие на шестах. Холод чума мне знаком. Даль памяти возвращает меня в морозное утро детства, когда приезжал я на каникулы к тете Акулине, жене оленевода, вечной кочевнице.

Звезды падали, звенели,
Крался луч луны.
Ах, какие в той постели
Виделись мне сны!

Светит яркое-яркое солнышко. Светит жаркое-жаркое солнышко. А я купаюсь в ледяной воде. По спине скользят холодные струи. Барахтаюсь. Теплый песочек близко-близко. Еще одно усилие — и я на берегу. Еще одно усилие — и опять со мною тепло. Я просыпаюсь...

Где я?! Во рту ощущаю оленью шерсть — я укрыт шубой моей тети, лежу на мягком — оленья шкура. Над моей головой серый сумрак — это тоже шкура, гладкая, посеревшая от времени. Я рассматриваю ее. Она наклонно убегает от моего глаза, все выше и выше... Наверху я вижу синий узор. Это на связанные черные жерди наброшен лоскуток синего неба. Где я? Я в чуме.

«Зиуз, зиуз, зиуз»,— звенит в ушах, звенит на улице. Что это такое? Это звенят не звезды, это звенит не луна. Это звенит морозный снег: олени, наверно, подошли к чуму, под их копытами поет снег. Это новая для меня, родившегося в деревянном доме, песня. И эта оленья песня для меня, таежника, будет началом познания Янкыл-ма — ледяной земли — тундры.

Тундру не случайно называли мертвой землей. Сурова тундра. Но, приглядевшись пристальней, можно заметить какие-то странные скрюченные растения, напоминающие настоящие деревья, только уменьшенные в сотни раз. В маленьком кустарничке угадывается ива, из-под шапки подберезовика выглядывает береза-лилипут. А грибов здесь не счесть. Их можно было бы назвать надберезовиками, потому что в их тени прячутся от непогоды крохотные столетние березки. Ива-карлик, береза-лилипутик, сосна-малютка... Даже таких деревьев в микроскопическом лесу мало. Лишь мхи, лишайники да ягоды. От созревших ягод тундра на мгновение голубеет, когда по-

спевает голубика, краснеет розовым ковром, когда наливается клюква или зреет краснощекая морошка...

Серовато-зеленый ковер тундры, расцвеченный черными, голубыми, красными ягодными узорами и серебристыми пятнами ягеля — лишайника, оленьего мха — прекрасное в мире пастбище северного оленя, который возит, кормит, одевает человека северного сияния. Без оленя здесь не было бы жизни человеку. Без человека и тундра имела бы другой вид. Человек обжил и эту скудную, каменистую, болотистую землю. Летом он бил морского зверя, ловил рыбу, водил оленьи стада по ягельным пастбищам, зимой охотился за песцами голубыми да за лисами рыжехвостыми. На зиму уходил подальше от ледяного дыхания океана, искал тепла в краю, где на смену карликовым лесам поднимается редколесье тундры, переходящее затем в настоящую тайгу.

На границе тайги и тундры есть удивительное деревце — кедровый стланик. Это неприхотливое растение летом становится выше, его вечнозеленые ветви тянутся к солнцу, к небу. С наступлением осени его трепетные ветви начинают клониться к земле, распластавшись по ней, словно ища у нее защиты. И белый снежный пух спасает его, как и человека, от морозов, достигающих нередко шестидесяти градусов. В хвое стланика содержится драгоценный противоцинготный витамин. Северянин это заметил давно и не раз использовал в вековой борьбе с болезнями. Много полезных продуктов добывается из кедровых орешков. Из одной тонны орехов можно получить 250 килограммов замечательного кедрового масла. А золотистый жмых, который остается после отжима, идет на изготовление питательного и вкусного орехового молока. Вот что может дать скромное с виду растение, низкорослый кедровый стланик!.. А что может дать миру человек северного сияния, такой же неприхотливый и низкорослый, как кедровый стланик?

Память детства...

На душе воет ветер. Мороз ходит. Ночь стоит. Большая ночь. А мы не спим. В чувале весело горит огонь. Дедушка плетет гимгу. Бабушка подкладывает свежую травку в обувь. А мама моя сегодня будет рукодельничать. Руки ее умеют со всем управляться: и с ружьем, и с тонкой иглой.

Из берестяной коробки с узорами мама вынимает связку высушенных сухожилий. Из них она будет делать нитки. Эти нитки особые. При разделке туши оленя с его спины и задних ног срезают связки, а затем обрабатывают.

Из связки мама берет небольшой пучок жил и кладет на порог дома. Тыльной стороной топора разбивает его на более тонкие пучки. Из них выбирает один из пучков и снова разбивает его на еще более мелкие волокна.

В чувале огонь играет. Шипит пузатый чайник над огнем. Но я гляжу не на веселую игру пламени, а на мамины руки. Вот она берет не очень толстые волокна и начинает их выравнивать. Тонкой и ровной делает она жилку, несколько раз пропуская ее под лезвием ножа, прижатого к доске, и смачивая водой.

Шероховатую «оленью» нитку она пропускает сквозь зубы и делает ее совсем ровной.

Красной лисицей пляшет огонь. Искры огня, как звезды, летят. Но я гляжу не на огонь. Я гляжу на маму, на ее белые-белые зубы.

Очень тонкие волокна она скручивает руками в одно. Накладывая один конец волокна на другой, она скручивает короткие нити в одну длинную.

Я смотрю на руки мамы. Я помню их тепло. Мне кажется, что они были всегда, вечно, как небо, вода, земля. Я помню, как эти руки гладили меня по голове, как вытирали слезы, когда я плакал. Теперь я вижу, как они, мамины пальцы, ласкают оленьи жилы. И зачем она, моя мама, ласкает оленьи жилы, а не меня?

— Ты большой стал, сынок,— говорит мама,— должен помочь мне. А то у меня только две руки, десять пальцев. С тобой у нас будет четыре руки, двадцать пальцев. Пальчики-то твои проворные, знаю. Ну-ка, сможешь ли ты готовые нитки сплетать в косичку?

— Могу!— радостно говорю я. И заплетаю готовые нитки в косички. Потом привязываю один конец к косточке птичьего крыла. Птичье крыло служит крепилкой. Хорошая крепилка, крепкая крепилка. Из глухариного крыла она. Помню этого глухаря. Мясо было вкусное. Косточка его крепкая, гладкая. Сам ее обгладывал... А для чего — не знал. Оказывается, для ниток из оленьих жил.

— А почему ты, мама, плетешь разные нитки, одни — толстые, другие — тонкие?

— Разные нитки нужны. Для обуви толстые нужны, для одежды — потоньше, для вышивки бисером — совсем тонкие.

Сухожильные нитки очень прочные. Они не боятся воды, не гниют. Сухожильные нитки, как крепкие люди, долго живут, долго служат людям.

На Севере извечно шьют верхнюю одежду из оленьих шкур. Мастерицы искусно выделывают из шкур замшуровдугу. Подкрашенная ольховой корой замша приобретает благородный красновато-коричневый тон.

Самый дорогой материал для северных мастериц — оленьи камусы: шкурки с ног оленя. Аккуратно вырезанные полоски золотистого, серебристо-серого или белого цвета и на самом деле очень красивы. И очень прочны: из них шьют зимнюю обувь, рукавицы, сумки, отличающиеся необыкновенным богатством отделки. Орнамент — не бессмысленный рисунок. В орнаменте — окружающий мир, жизнь во всем ее движении и причудливом ритме. Взглянешь пристальней на экзотические линии орнамента — окинешь взглядом тайгу, реку, извилисто плывущую в синюю даль, почувствуешь, словно между окружа-

ющим реальным миром и этими изображениями не существует никакой дистанции. Рябь студеной воды, хлопающие крыльями утки, скачущие собаки, плывущий через реку лось, летящие олени, круглые, омытые водой и временем камни... Вот охотник выслеживает зверя. Вот рыбак держит осетра с зубчатой спиной. Вот оленевод ловит арканом оленя...

Орнамент — та же самая книга, читай его — услышишь предания, похожие на эхо, на отзвук былого, преодолевший века... Традиции предков предавать забвению — преступление! Сшитая из оленьих шкур зимняя одежда северянина с причудливым орнаментом часто является подлинным произведением искусства. Природный вкус, чувство прекрасного женщины-северянки выражают в искусном подборе мехов. Одежда, сшитая ими, поражает тонкостью, изяществом и подлинно ювелирным мастерством. Блестящий и упругий белый олений подшейный волос применяется мастерицами для того, чтобы усилить основную гамму цветов на изделиях из ровдуги. Олений волос идет на довольно прочный окаймляющий шов, на еще более плотный настил из широких полос белых геометрических фигур.

Такая отделка выглядит очень красиво на подкрашенном фоне ровдуги, орнаментальные вставки кажутся вычерченными — настолько тонка работа мастериц-северянок. Меховые вещи бывают украшены костью, металлом, ровдужными кистями и канталами — вставками из красного, синего и желтого сукна. Особенно декоративно в сочетании с мехом шитье бисером.

В начале весны в разных районах Крайнего Севера отмечаются национальные праздники, связанные с окончанием зимнего охотничьего сезона, с перегоном оленей на летние пастбища. На праздник люди приезжают целыми семьями в нарядной одежде. В красный, синий, зеленый и желтый цвета расписаны легкие, скользящие нарты. Упряжь расшита бисером, декорирована костя-

ными гравированными пластинами, красными и синими шерстяными кисточками, металлическими бляхами, меховыми помпонами. В центре этого праздника всегда оленьи бега — гонки на оленьих упряжках...

Красочности этого зрелища в значительной степени способствуют расшитые бисером парадные костюмы, унты, пояса с накладными гравированными серебряными пластинами и бляхами, сверкающими на ярком весеннем солнце.

Представьте себе, что в гонках бы участвовали люди в обыкновенной одежде, в магазинных пальто, стеганках и валенках! Потеряли бы оленьи бега всю свою прелесть!..

К сожалению, подобной одежды даже у оленеводов становится все меньше и меньше. Не приведет ли это к исчезновению древней моды, этой бесценной красоты?!

От сердца — к сердцу, от песни — к песне

Оленья упряжка остановилась у нашего дома. В нашем доме гости. Дядя Сергей стал каким-то необычным, веселым. На лице тети Оли появилась радушная улыбка. В нашем доме праздник. С праздничными словами обращался дядя Сергей к приезжему:

— Здравствуй, гость наш дорогой. С дороги не устал ты: по ногам твоим видно. И не голоден ты: по глазам твоим видно. Но все же наш дом, дорогой, не обходи. Стул тебя ждет. Заходи. Посиди. Стол тебя ждет. Огонь наш негаснущий беседой удостой...

На столе появилась деревянная чашечка с краснощекой брусникой. Повеяло запахом сушеной рыбы — ёхыла. Старый медный самовар запыхтел, зафыркал... Тетя Оля хлопотала у стола. Торжественным был дядя Сергей. Молчаливо, торжественно усаживались и гости.

Старый закон Севера гласит: сначала накорми, напои путника, угости всем, что имеешь, потом только спрашивай...

Когда гости уселись за стол, дядя Сергей принес с улицы, где играл морозище, мерзлого муксуна.

Дядя Сергей взял муксуна за хвост и начал колдовать. Вонзив лезвие ножа около хвоста, сделал точный надрез до самой головы. Потом возле жирного брюха провел сияющим лезвием. Подрезав кусок рыбьей кожи поперек хвоста, содрал с одной стороны рыбы блестящую серебром шкуру. Другой бок разделал так же. Затем нож прошелся по спинке и брюху,острогав мясо вместе с плавниками.

Поставив рыбу вниз головой, дядя Сергей резал тонкие перламутровые стружки. Куски от спинки и брюха были самыми вкусными.

Красиво скользил нож дяди Сергея, красиво строгал он рыбу. Гости ели строганину, как самое лучшее, изысканное кушанье. Кроме рыбы, брусники и чая, в нашем доме в тот момент ничего не было. И все же гости наши были довольны. И мы были довольны. А я был просто счастлив. Почему? Да стружки перламутровой строганины, таявшие на языке, расточали аромат свежести. Тает стружка во рту, и кажется, ты прикасаешься к вкусной сказке нашей большой реки. Но, наверное, не это было главным. Главным было то, как дядя Сергей и тетя Оля встречали гостей, как резали рыбу, подавали чай, угощали ягодой и какие слова говорили, а северное слово за северным столом по закону тайги должно быть так же вкусно, сочно, как ягода, рыбы...

У дяди Сергея такая песня:

Словно люльку, дверь тяжелую качни,
Обогрейся, покалякай, отдохни.
Если я убил оленя — вдоволь ешь.
Мяса нету — посмотри, как окунь свеж,
Ну а нету даже рыбы у меня —

Мы вкусим тепло домашнего огня.
Гость высокий, слушаю я речь твою,
И в ответ все, что имею, отдаю.

В доме дяди Сергея не горит лампа. Керосин кончился. В доме дяди Сергея горячо горит печь, а на столе лучина. Свет от лучины тусклый. Зато ярко, тепло горят глаза тети Олины. Она очень добрая. Все, что есть на столе,— всегда наше, общее. Никто никогда не делит куски на жирные, сладкие и тощие.

Пусть в доме темно — зато в сердце светло.
В сердце светло — в мире тепло.

Удивительное настроение создавала эта обстановка тепла и душевности.

* * *

В середине прошлого века в нашем краю побывал венгерский ученый-лингвист Антал Регули. Его путешествие продолжалось около полутора лет.

В его книге «Вогульская страна и ее обитатели» (Будапешт, 1864 г.), а также в материалах исследований, находящихся в рукописном фонде Академии наук Венгерской Народной Республики, есть удивительные высказывания о нашем Севере.

В письме академику Бэру Антал Регули 25 января 1844 года писал:

«Я уже довольно знаком с мансийским языком. Понимаю язык и кое-как начал говорить. Родство мансийского языка с венгерским настолько ясно, что у меня нет никаких сомнений в том, что манси — народ финно-угорского происхождения. Относительно словаря, в моей работе собрано уже свыше 2600 слов; относительно грамматики я записал довольно богатый материал о каждой части речи...

(О манси.) Волосы у них черные, глаза карие, говорят, что все манси такие. Натура у них добрая, живая.

Они вообще более живые, общительные, чем другие финские народы. Сообразительность у них быстрая, они отвечают на мои вопросы охотно и с большой легкостью. Могу сказать, что я чувствовал себя так хорошо у них, как еще нигде в течение моего пути, хорошее настроение и веселость я нашел только у них».

Регули удивился необычайной одухотворенности, песенности народов, живущих в краю вечной мерзлоты.

«Северные манси и ханты, которые еще ведут свою простую жизнь в реалитивной свободе, на которых еще мало повлияла автократия или иной зажим, еще не ввела их в заблуждение, у них способности души развиваются в естественном порядке... Хотя это развитие не довело до блестящего богатства знаний, но зато обеспечивает им гармонию и равновесие души»,— писал Регули, удивляясь тому, что каждый охотник и рыбак манси чувствует себя личностью, каждый считает обязанностью рассказать о своих чувствах в песне.

Регули сравнивал рыбаков и охотников манси и ханты с венгерскими крестьянами и приходил к грустному выводу: у венгерского крестьянина не было своей песни, он не чувствовал себя личностью, он был крепостным. А стихи и песни сочиняли поэты, выходцы из высших сословий...

...Рядом со мной сидит моя тетя Акулина. Она пробует голос, пытаясь спеть песню о том, как нелегко быть женой оленевода. А ее муж, Никита Рябчиков, бывший бригадир оленеводческой бригады, поет о годах счастья, когда он кочевал с оленями от Оби до Урала. Впрочем, об этом я рассказал в своей повести «Синий ветер каслания».

Вслушиваясь в живые голоса живых героев моих книг, я пристально всматриваюсь в новых людей таежного села Теги.

Светлана Сергеевна Новьюхова... Белолицая, сероглазая мансийка. У нее есть своя песня. А песня ее — книги, песня — ее читатели. Библиотека, которой она заведует, никогда не пустует.

Леонтий Михайлович Новьюхов. Худощавый, стройный, подтянутый. На светло-смуглом хантыйском лице с тонкими чертами светло и молодо поют глаза. О чем поют? О колхозе, в котором Леонтий Михайлович трудится председателем. А быть председателем, настоящим хозяином — большой труд, сложное искусство.

За последнее десятилетие менялись председатели колхоза, как олени па большой дороге. Часто менялись. Почему? Много причин можно назвать, но одна общая — все они были приезжие из других районов, даже областей. Не связаны они были корнями с нашей землей, не торопились понять ее беды и заботы. И люди относились к ним с недоверием.

Так и жили. То, что за день можно сделать,— на неделю растягивали, то, что за неделю можно сделать,— на месяц растягивали. То, что за месяц можно сделать,— на год растягивали. По пословице:

Дело подобно оленю:
Запряг — поехал,
Распряг — остановился.

Зачем быть вечно запряженным, если дают зарплату. Много будешь работать — много не дадут. Мало будешь работать — все равно дадут. А не дадут — река рыбу даст, лес зверя даст, небо птицу даст. А старикам еще и пенсию дают. Государство наше доброе, богатое. Север богатый тоже, в долгу не останется. Нефть — «черное золото» — дает Север. Газ — «голубой огонь» — дает Север. А государство тоже пусть дает Северу все: и хлеб, и масло, и мясо, и картошку. Что скрывать? Разленились люди, появилось у некоторых такое настроение, такие мысли.

Когда-то в Тегах были олени. До четырех тысяч голов доходило колхозное стадо. Потом оленей порезали. План по сдаче мяса перевыполнили, а стада лишились. И не только стада. Потеряли ценные кадры опытных оленеводов.

Когда-то в Тегах выращивали картошку. Шесть гектаров. Не только колхоз обеспечивали, но и район кормили. Потом кто-то решил: нерентабельно!

Долго не было в Тегах доброго председателя колхоза, хорошего хозяина. Известно:

Хорошему хозяину
Нет плохих времен года.
Хорошему хозяину —
Круглый год забота —
Славная работа
До седьмого пота.

Теперь такой хозяин в Тегах появился — Леонтий Михайлович Новьюхов. Свой, местный. До этого занимал скромную должность секретаря в сельсовете. Почему же раньше не замечали? Может, потому, что слишком спокойный, рассудительный, интеллигентный человек! Послушают ли такого? А ведь послушали и поверили, потому что знали — общая боль у них, общие заботы.

Вот уже более трех лет работает Леонтий Михайлович председателем колхоза. Хозяйство в гору пошло. Рыбы стали больше добывать. Надои коров увеличились. К лошадям, как и к тракторам, стало больше внимания. И задумываться стал председатель: не завести ли снова оленей? Нет на Севере более рентабельного хозяйства: рубль положил — одиннадцать получил. Да вот оленеводов не стало, разучились пасти оленей...

Леонтия Михайловича помню маленьким мальчиком. Его отца помню славным охотником и рыбаком, большим мастером своего дела. Быть хозяином, председателем колхоза — тоже мастерство.

Как-то Константин Новьюхов спел песню о Большом Мастере, рачительном хозяине, добром председателе колхоза, который когда-то небольшое хозяйство сделал большим, доходным, миллионером. И что я слышу: да ведь это песня о моем отце, Николае Тимофеевиче Шесталове. Много лет он здесь в Тегах работал. Здесь заслужил доброе имя.

Константин Новьюхов на мгновение замолкает. На лицо его опускается грусть молчаливая. Потом его рука снова тянется к нарс-юху пятиструнному[1]. И снова в сумрачном свете юрты звенят струны. И я словно качаюсь на бурных волнах детства, слышу голос отца, его думу и песню.

Не все хотят жить колхозом...— об этом пелось в песне.

Не все хотят честно работать...— об этом пелось в песне.

Не все легко и просто в жизни...— об этом пелось в песне.

Но есть мечта у коммунистов: построить новую жизнь.— Об этом пелось в песне.

О новой чести и достоинстве человека пелось в песне.

Была в ней дума о новом человеке, коммунисте, решившем построить для соплеменников новую жизнь.

Олень после смерти оставляет шкуру.
Человек после смерти
оставляет
имя и песню.

Тридцать пять лет назад впервые услышал я эту песню. Тогда ее пел отец на мансийском языке. Теперь я слышу песню отца на хантыйском языке.

Хорошая песня всегда найдет певца.
То, что сделает песня, не сделает меч.

---

[1] Мансийский музыкальный инструмент.

Человек человеку радуется через песню.
От сердца к сердцу лежит дорожка через песню.
Сдружились — сравнялись через песню.

Дума огнедобытчика

В вечереющем небе летели глухарь и вертолет — два хозяина северного неба. У глухаря — крылья. У вертолета — крылья. Каждый летит своей дорогой...

Только дорога глухаря кончится на той стороне таежной речки, а вертолет полетит по трассе газопровода. А трасса эта на тысячи километром протянулась. Длинная у вертолета дорога, как и дорога человека.

И у Саратина была своя дорога, свое приобретение ремесла. От лука к ружью, от весла к мотору и рулю катера, от техники геологов до приборов современной электростанции. Сначала он присматривался к машинам. Потом присутствовал на всяких сборках, разборках, ремонтах, наладке и доводке оборудования.

Тянуло его подержать на ладонях каждую гайку, пощупать, постигнуть ее назначение. Без этой гайки может машина зачихать, заглохнуть. Без одной-единственной гайки! Как все устроено!

Саратин дотошно перебирает до винтика сначала лодочный мотор, потом станок, и вот постепенно у него появляется «второе зрение». Железо становится как бы «прозрачным».

Можно, оказывается, проникнуть взглядом сквозь кожухи, можно на расстоянии по звуку определить боль мотора.

И у машины есть душа, характер, даже история.

Цех электростанции, в котором Саратин работает, это огромное сооружение. Внутри происходит таинственное

действо, не видимое глазу. Там газ — голубой дух земли — превращается в электричество.

Хотя и сложно было поначалу, но Саратин достиг определенных успехов, научился постепенно разбираться во многих механизмах. А вот постичь суть перемен, происходящих с людьми, посложнее. То ли чрезмерно увлекся машинами, то ли энтузиазм, вызванный открытием тюменской нефти и газа, так захватил и его, что вырвал, казалось, навсегда из привычного круга вещей. Как бы то ни было, он теперь смотрел на жизнь своих сородичей как бы со стороны, узнавая и не узнавая...

Да, жизнь его стала другой. Не в избушке живет семья Саратина, в большой квартире из четырех комнат. В квартире паровое отопление, газ, ванна, электричество... Тот чувал, оригинальнейшее изобретение манси, полукостер-полупечь, слепленная из глины, тот очаг с открытым огнем, который согревал избушку дедушки, сегодня Саратину кажется давней сказкой.

...Кинематографисты снимают фильм у капища.

Кинооператор припал к дверце капища. Кинокамера стрекотала веселым кузнечиком. Что выхватил любопытный взор кинообъектива из хаоса допотопных, странных вещей? Сломанные ножи, которые валялись в углу, стрелы, наконечники которых съедены ржавчиной, так же как и ножи? Или черные гладкие деревянные сабли, которыми бьются на игрищах, изображая борьбу великанов-богатырей из далекой сказочной жизни манси?

Или жадный взор кинообъектива скользит по стенкам амбарчика, где развешаны шкурки бобров, соболей, лисиц, белок, росомах? Или кинообъектив, жаждущий экзотики, запечатлевает там шерсть, которая летит с этих шкурок при первом прикосновении, как моль, как пыль веков? Кто-то уже успел вытащить из амбарчика берестяные маски. Кто-то уже напялил на свою маленькую головку высокие шапки великанов. Развевались конские хвосты, задевая высокие ветви священных деревьев.

Толпа загикала, заухала, пустилась в пляс. Тайга кричала раздирающим душу голосом. Каждый старался перекричать, переплясать другого. Каждый лез в объектив...

— Блестяще! Неповторимо! Гениально!— продолжал восхищаться режиссер.

— Саратин, вы тоже, пожалуйста, наденьте шапку великана, попляшите!— бросил он торопливо, будто боялся что-то упустить, недобрать, не успеть...

Саратин не пошевелился. Он будто остолбенел, стоял как идол. Холодным, непонимающим взглядом смотрел он в упор на режиссера.

— Вот это поза! Скорей, скорей снимайте!..— крикнул режиссер.

Оператор был уже тут. Кинокамера жужжала...

Саратин чуть не выругался. Да сдержался. Хотелось плюнуть, да все же рядом капище, святое место предков. Сказал в сердцах:

— Вы уж лучше бы снимали в цехе. У нас ребята в счет новой пятилетки работают.

— И в цехе снимем,— не понимая его обиды, отвечал ему режиссер.— И ребят ваших. А пока надо здесь потрудиться. Экзотика! Неподражаемо! Блестяще!..

Режиссер явно чувствовал себя если не создателем произведения искусства, то, во всяком случае, бережным собирателем остатков языческой древности, магом, который мог остановить мгновение, само быстротекущее время, запечатлев его на пленку, вновь подарить его людям.

Время, вперед! Оно неуловимо и неудержимо мчится, производя доброе, злое, вечное, мгновенное. Режиссер пытается его остновить хотя бы на миг. Но удастся ли это ему?

Саратин присел к спасительному огню. Здесь тишина. Лес молчал. Лишь огонь говорил. Саратин думал о времени, о людях, о завтрашнем дне.

Добыча нефти и газа внесла в жизнь таежника много нового, неожиданного. Необычайно широким оказался рабочий шаг нефтяного края. Бурное, штормовое тюменское время. Время беспокойное, без долгих привалов на отдых. Для Саратина оно было годами вдохновенной, целеустремленной работы.

И все же этот необыкновенный для северян рывок кое-кого выбивал из колеи.

Может, северянину не под силу господствовать над техникой?

Может, он, как психологически, так и биологически, не успевает за стремительным движением техники? Его организм, нервы не готовы еще вынести то, что создано мыслью?

Много Саратин думал о воспитании любви к родным местам. Проблема ли это для северянина? Саратин видел, как его сверстники, которые вместе с геологами принимали участие в открытии месторождений, строили города, нефтепромыслы и трубопроводы, рано или поздно бросали эту работу и возвращались в родные места, начинали вновь заниматься «делом предков», становились рыбаками и охотниками, хотя заработки здесь были во много раз меньше. Почему они возвращались? Ведь многие северяне успешно освоили невиданные до этой поры в крае профессии, привыкли к новому ритму жизни. Нет, здесь была иная причина.

Рабочий на Севере — человек денежный. Получает немалую зарплату. Но для северян рубль не играет главную роль, когда заходит речь о том, хочет ли он работать на газопромысле или на строительстве трубопровода. Интерес, содержательность труда и его обязательная связь с природой — вот, наверное, самое важное для северянина.

Волнует Саратина и судьба старинных красивых деревушек, расположенных в уютных живописных местах, где рыба плещется, и глухари токуют по весне, и лось

выходит к воде, и медведь собирает черемуху. А какие там луга, покосы!

В таких живописных местах можно организовать не только бригады рыбаков и охотников, но и зоны отдыха, профилактории, пионерские лагеря...

И еще подумалось Саратину: никогда не надо спешить ломать традиционную жизнь, сложившуюся веками. А то получается, что от жизни предков ушел, а новую жизнь понял, как этот кинорежиссер, поверхностно. Сломать легко, построить трудно, вернуть невозможно...

Да, хорошо, что в поселке, в котором живет Саратин, немало городских удобств: водопровод, газ, паровое отопление, телевизор, музыкальная школа, детские комбинаты.

И у Саратина была четырехкомнатная квартира в большом двухэтажном доме. Казалось, было уютно, свежо. И детям места хватало. И жена была довольна. Иногда Васильевна, его, Саратина, жена и друг, выросшая тоже в обыкновенном мансийском доме, разоткровенничавшись, радовалась удобствам современной квартиры.

И все же это был не мансийский дом — на втором этаже, высоко над землей. А манси — человек земной. К земле его тянет. На земле он чувствует трепет жизни, как дерево, как трава. Вот и отец Васильевны не захотел ехать из деревни в поселок к дочери, к внукам. «Высоко,— говорит,— живете... а я человек земной». А сыновьям нужен был дедушка. Саратин видел, как они преображаются, когда запоет дедушка свои любимые мансийские песни, порой сложенные им самим же, как сразу наполняется квартира мансийским миром.

Саратин смотрит на деда, на детей и думает, какие все-таки огромные перемены произошли за последние десятилетия на его родине. Под высоким кедром, священным деревом предков, на священном кострище горел голубой огонь. Теперь голубой огонь горит в топках рыбоконсервного комбината, горит в огромных печах кирпичного

завода, в пекарнях, в столовых, в квартирах рабочих поселков, в избах рыбаков и охотников, в самых дальних деревнях. Голубой огонь горит и на мощных электростанциях вроде той, где работает Саратин старшим дизелистом, где рождается новый свет — электричество. Да, сегодня его поселок весь залит электрическим светом. Сплошное море огней над большой рекой, над тайгой. В его лучах померк звездный огонь неба. Голубой огонь Севера мчится по трубопроводам на Урал, в Центральную часть страны, даже за рубеж отсюда, от поселка, где живет Саратин, чтобы согреть, осветить жизнь людей других краев, нуждающихся в животворном тепле. Творцом того тепла, огнедобытчиком чувствует сегодня себя Саратин.

Сидя под высоким кедром, глядя на огонь, весело играющий на заброшенном священном кострище предков, Саратин думал о сегодняшнем дне. Да, он обязательно должен сказать свое слово. Мансийское слово. Рабочее слово. Веское слово огнедобытчика, гражданина.

Назови по имени

Люди жаждут общения. Особенно это чувствуется на Севере, где в глаза людей всю ночь, равную зиме, сыплет метель, где царствует белое безмолвие, где голос мерзнет на ветру и песня стынет на зубах, где к любому костру, будь то костер чума или костер людской души, питаешь особое уважение. Прекрасная поэтесса Севера Антонина Кымытвиль, поющая на чукотском языке с великой искренностью, присущей людям края хрустального льда, признается:

Тундра, позови меня!
Где-то в отдалении
Назови по имени
Голосом оленьим,
Песней, полной удали...

Помнишь ту полянку:
Оленята спутали
С матерью — кухлянку...

Поэтесса, мечтающая о таинственном и странном родстве стран и пародов, великих и малых, говорит о мудрых связях в природе, когда в поиске тепла оленята принимают за мать теплую кухлянку и люди ищут теплоты и взаимопонимания.

Никто, кроме жителя Севера, не может острее прочувствовать, что значит для человека холод и одиночество. Когда услышишь с радостью в белом безмолвии даже голос оленя.

Страх, холод и одиночество испытал я однажды в детстве. Помню: небо и земля. На земле — снег. Ничего, кроме снега и льда. На небе — и луна, и звезды, и северное сияние. Небо играет всеми красками, а на земле мороз. Охваченное стужей, потрескивает карликовое деревце. Рядом с деревом стоял я, вглядываясь в бесконечное белое безмолвие. Мне холодно. Каждой веткой звенит лунный лес. Звон все ближе, стужа злее. Тянется к сердцу острый как нож луч луны. Кажется, еще миг — и мое сердце навеки превратится в застывший, заледенелый цветок.

Я оглядываюсь. Далеко-далеко, точно олений глаз, светится огонек. Это мой дом.

Но и тогда, когда стоял посреди снежной пустыни, во мне тлела надежда: рядом люди, рядом тепло родного очага. Надо собрать все силы, дойти до дома, и там отец, мать, мои родичи обогреют меня. Ведь они сильные люди: во тьме полярной ночи смогли сохранить огонь. И, наверное, если очень захотеть, то они могут обогреть всю нашу землю, и станет светло, солнечно, как летом...

Да, на Севере, в стране белых ночей, природные условия особые...

Зимой тундра и тайга превращаются в сплошное море снега. И тогда земля становится еще более безгра-

ничной, сливаясь с белыми просторами Ледовитого океана.

Белое небо, белая земля. Белый медведь, белый песец, белый горностай, белый заяц. Белое зверье бродит по белому Северу. Белая сова, белая куропатка. Белые птицы летают по белому Северу. И человек надевает белую шубу из белого оленьего меха.

Разыгрывается вьюга. Бешено мчится леденящий северный ветер и гонит по земле тучи сухого колючего снега. Все живое спешит укрыться. Звери зарываются в снег.

Каким мужественным, человечным должен быть человек, который приспособился к этим условиям, труднее которых невозможно что-либо представить. Полярная ночь, мрак, мороз — зимой. Летом — болота, комары... Уже сама жизнь здесь — подвиг. Севернее северных народов никто на планете не жил. От сопок Кольского полуострова до льдов Чукотки от самых древних времен жили саами, ненцы, манси, ханты, эвенки, юкагиры, чукчи, эскимосы. Двадцать шесть малых народов не только выжили, но и создали свою самобытную духовную культуру, искусство. Неоценим вклад народностей Севера в цивилизацию человечества.

Известно, что Владимир Ильич Ленин большое значение отводил освоению Севера. Он написал проект постановления СНК о предоставлении концессий на строительство Великого северного железнодорожного пути. Эта дорога должна была дать выход богатствам природного бассейна реки Оби. Многие исследовательские экспедиции были организованы по указанию Владимира Ильича. Пристальное внимание Ленина диктовалось не только насущными хозяйственными заботами молодой республики, но и необходимостью освоения и развития богатейших пространств Севера.

Сегодня Западная Сибирь — один из бурно развивающихся районов страны. Моя земля рождает героев, кото-

рыми можно гордиться. Идет новый этап освоения края, связанный с широкой индустриализацией, созданием хороших бытовых и культурных условий людям, осваивающим Север. Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий, Чукотский и другие автономные округа сделали гигантский шаг в современность. И все это фактически при жизни одного поколения.

Такой подъем на новые вершины не означает ли потери своеобразия, выработанного веками?— спрашивают некоторые.

Жаль, если мы утратим такие исконные черты национального характера, как прямота, высокая нравственность, гостеприимство, верность в дружбе, неприятие лжи, обмана. Но национальную самобытность нельзя превращать в позу, кичиться ею.

Мой отец, приезжая ко мне в Ленинград, говорил: «Пусть чужая земля станет твоей, тогда и наша будет больше. Неси свой дух дальше, его будет больше».

Есть на Западе люди, которые любят поплакаться о якобы потерянной нами самобытности. Но разве можно остановить жизнь моих соплеменников на той языческой стадии, о которой я знал из сказок деда?

Я стремлюсь в своих книгах передать лучшие стороны народного характера, но не культивировать искусственно обособляющие черты. Надо знать свое прошлое, оно всегда присутствует в современности. Но нельзя прятаться в нем намеренно.

Для человека любой национальности важно умение сохранить свое естество. Самобытность идет от природы. Она — ее часть. Поэтому сберечь природу — это беречь природное, естественное начало в человеке, которое нельзя заменить чем-то искусственным, фальшивым. Такая замена для любого человека, тем более северного, по натуре открытого, щедрого, искреннего,— гибель, конец его духовного роста.

Вспоминаю свой разговор с Аркадием Николаевичем Лоскутовым, первым учителем-манси на реке Сосьве. Он больше полувека проработал на ханты-мансийском севере. Был председателем окружкома, директором музея. Своими глазами видел, как менялась за годы Советской власти жизнь в этих местах, как преобразовался духовно человек. Его самосознание от простейших ощущений близости с природой доросло до высокого гражданского чувства хозяина Большой земли.

Я — человек. Перед именем этим
Быть мне пожизненно в строгом ответе.

— Надо защищать не только природу, но и природу в человеке,— ратует Аркадий Николаевич.— А когда устанавливаются у человека незримые, но прочные связи с природой? В детстве.

Бывало — мансийские дети еле-еле ходят, а родители уже их берут с собой. А как только начинают подрастать, для них делают маленькие весла, обучают управлять лодкой, приучают к жизни реки. Дети, достигшие девятидесятилетнего возраста, помогают ставить сети, а подростки уже наравне со взрослыми тянут невод. Мансийские дети всегда отлично знали, когда поднимается вверх рыба, в какие сроки ее ловить, когда рыбе нужно дать покой для воспроизводства потомства. Это священный момент в жизни реки, и люди становились как-то тише, спокойнее. Прививаются ли сегодня ханты-мансийским детям эти способности и навыки? Как дела с воспитанием подрастающего поколения у других народностей? На Урале не раз Лоскутову приходилось видеть детей-школьников, вместе со взрослыми пасущих оленей. С ними обязательно собака. Разбрелись олени по сторонам. Маленький пастушок прибегает к помощи друга — собаки. Стоит ему поднять руки и дать направление, как собака вихрем несется к голове стада и загоняет оленей на ягельный участок. Десятилетние дети уже умеют обращаться

с оленями: запрягают их, распрягают, ездят на нартах даже по крутым склонам гор. Сохранили ли сегодняшние северные дети прежнее свое умение управлять оленем и собакой? Играют ли они в оленеводов, а может, они только оленееды? Разумеется, интересы северных детей не должны исчерпываться только северным промыслом и его многовековыми традициями. Нефть, газ, современная техника — все новое стремительно врывается в жизнь северян.

Многолетний опыт подсказывает русскому учителю, что детей Севера нельзя отрывать от природы. Дети Севера — страстные охотники, у них меткий глаз, прекрасно развито умение читать лес. По лесу идут и все время к чему-то присматриваются, запахи ловят. И столько они видели, столько узнавали по следам, что учителю они казались ясновидящими. Лишь потом, много лет спустя, он понял, как важно было охранять эту способность северян в новых поколениях.

Потеряв связь с природой, человек теряет и ценные нравственные качества, отличавшие его самобытность,— доверчивость, чистосердечие, естественность. Таежные жители особенно ценили тепло взаимного понимания, общения. И слово, как средство такого общения, почитали талисманом. Оно в тайге — весомое, зримое, не разжиженное многократным повторением, не подменяющее собой дела.

Издавна старейшие открывали перед молодежью мудрость прожитого, делились радостью познания сказом, былиной, просто песней. Не прервется ли этот процесс с бурным развитием научно-технической революции, не заменит ли радость живого человеческого общения «телефонное общение», телевизионное содержание?

Опасения старого учителя мне понятны. И все-таки я верю в силу сибирского характера. Должно быть, всегда с чувством восхищения буду рассказывать о северянах, потому что то, что творят они своими загрубев-

шими от стужи и ветра руками, согрето теплом честных, открытых, добрых сердец.

Человек славен своим трудом. В мифологии моего маленького, но древнего народа манси человек не умирает совсем. Он превращается в кого-то другого. Если были в его жизни нравственные падения, если он совершал плохие дела, он может превратиться в червяка.

Но если человек был строителем, созидателем, если возвышенные у него были цели, то он может стать даже Мирсуснэхумом.

Мирсуснэхум — творец, создатель Земли. Человек, все тебе подвластно, если ты — Мирсуснэхум... Можешь горы воздвигать, большие дела вершить, песни складывать...

Очень важно, чтобы каждому хотелось стать Мирсуснэхумом — Строителем, Созидателем, Волшебником.

Какие бы перемены ни происходили на нашей земле, как бы ни изменялись тундра и тайга, как бы ни менялся сам человек, вчерашний охотник, а сегодняшний высококвалифицированный рабочий газопромысла или железнодорожного строительства, ему никуда не уйти от памяти земной, от ее песен, сказок, от векового зова тайги, лесов и полей, где его предки находили счастье.

Я снова и снова думаю о том, как важно понять, увидеть новое в человеке нашего сегодня, увидеть в связи с прошлым, конечно, с тем добрым, что идет от прошлого. Надо слушать человека, запечатлевать его сознание, опирающееся на память и опыт прошлого, а также новые мысли и чувства, рожденные от соприкосновения с современностью.

Сияет белая ночь

...Шел Мирсуснэхум по земле и вдруг слышит сверху:

— Внучек!

— Что?— спросил он Торума, Верховного духа.

— Куда идешь?

— Землю посмотреть, силу свою попытать.

— Силу не пытай, я тебе работу дам.

— Какую работу?

— Птиц, зверей делать.

— Как же я смогу их делать? Ведь совсем темно: нет ни солнца, ни месяца...

— Они у Куля — Злого духа Нижнего мира.

— Э!.. Опять Куль!.

Мирсуснэхум сорвал три травинки, скрутил их и дунул. Из его рук выскочил зверек, запрыгал вокруг него, запищал:

— О, богатырский сын, что прикажешь делать?

— Копай землю на семь сажен вглубь.

И зверек своими острыми когтями начал рыть землю. Так роет, что комья земли, как вороны, вылетают вверх. Наконец прорыл вход в Нижний мир. Мирсуснэхум глянул туда и замер от удивления. В золотых лучах купалось солнце, в серебристых лучах плавал месяц. Светло-светло! Все видно!

Сквозь отверстие вверх стали подниматься комары. Один комар поет песенку:

Пан-панрись, пан-пан!
В Верхний мир я лечу.
Там будут люди жить.
Я буду их кровь пить.

Тучи комаров налетели на землю. Мирсуснэхум спустился в Нижний мир, вошел в дом Злого духа.

— Ты зачем пришел?— спрашивает Куль.

— Хочу что-то спросить.

— Ну спрашивай,— занятый своими делами, буркнул Куль.

— Зачем у тебя так много комаров? Вон сколько их на землю налетело, взгляни-ка.

Куль поднял налитые кровью глаза... Мирсуснэхум приоткрыл табакерку и дунул в него терпкого табаку. Куль заморгал глазами, завертелся на месте. Ничего не видит. А месяц и солнце в доме Куля висели. Мирсуснэхум схватил их и бежать. А Куль за ним! Вынул Мирсуснэхум из кармана шкурку ястреба и полетел острокрылой птицей. Куль за ним летит, вот-вот догонит.

— Торум, отец!— позвал на помощь Мирсуснэхум.

— Месяц и солнце бросай вверх!— подсказал Верхний дух Торум и обнажил свой блестящий семисуставный меч.

Недобро сверкнула сталь, и Куль повернул назад.

— Ты будешь жить в светлом месте, а я в темноте,— с завистью прошипел он.— Тогда души людей, которые ко мне попадут, тоже в темноте пусть будут.

— Ладно, я тебе полсолнца дам!— молвил Верхний дух Торум,

— Какой свет от половины солнца!

— А не хочешь, так и живи в темноте!— отрезал Торум.

И с тех пор на Севере стало светло. Особенно летом, когда солнце почти не уходит с горизонта. И плывут над землей сказочные белые ночи...

Белая ночь

Белая ночь на Полярном круге приходит не в июне, как в Ленинграде, а в апреле. Это особая ночь. И у нее своя особая песня.

Белая ночь. Бледнолицая ночь-северянка. Дочь солнца и сумеречной синевы сиреневого апреля плывет над хрустальными льдами, над льдистыми снегами...

И звезды-невидимки померкли. И луна круглая не звенит, как бубен, а стала невидимкой.

Половодьем света плещется белая ночь в сиреневом небе... В небе весны. Небо проснулось. И земля спит. Лед стоит. Синий лед. Хрустальный лед. Холодом дышат сиреневые сугробы.

В темно-сиреневых кустах замерла ночь. Северная ночь...

Мрачный холод. Сиреневатые пуночки. Легкокрылые пуночки, перелетая с сугроба на сугроб, о чем-то щебечут, что-то разносят. Что они разносят? Может, о тепле щебечут? Может, тепло разносят?

Потому свежо... Лучисто, не морозно. На земле и в небе. В небе и на земле. Земля еще дремлет. Небо уже проснулось. Небо плещется половодьем света. В половодье света плывет весенняя ночь. Сиреневая ночь. Белая ночь сиреневого апреля...

Мне снится сон. Снится белая ночь. Я с мамой иду по большому лесу. Над темными деревьями светло-бирюзовое небо. Не шелохнется дерево. Не всплеснет фиолетовая гладь воды. Беззвучна черная тайга. Тайга спит в белом сумраке. Спят птицы, звери.

Ночь сходит прочь.
Голубая сходит ночь...
Небо ясно и легко.
Разве солнце далеко?
Лес медведем темным встал,
Дальше горы: там Урал...
За Уралом где-то, знать,
Солнце село отдыхать.
Прикорнуло на часок...
Белый сумрак наземь лег...

Белая ночь. Светло. Странный, загадочный вид имеют и тайга, и река, и деревня. Как будто в этой жуткой тишине все вымерло вокруг. Изредка по-ночному взлает собака — и снова тишина. Как-то пугают эти ночные звуки при сияющем свете. В такую необычную ночь вся природа кажется какой-то особой, таящей в себе что-то загадочное.

Мы с мамой идем по большому загадочному лесу. Темные деревья окутаны сумрачной тенью. Дорога. Большая дорога. По обеим сторонам дороги растут цветы. Желтые и красные цветы. Я иду рядом с мамой, ни о чем не думая, гляжу на цветы.

«Можно рвать только красные цветы,— говорит мама,— желтые ядовитые.

Боролись два богатыря, два духа. Добрый дух и злой дух. Бились до того, что истекали кровью. От злого духа лилась желтая кровь, от доброго — красная».

Я выпустил руку мамы и остановился, чтобы сорвать ей цветок. Большой красный цветок, качавшийся на высокой ножке. Какой странный цветок! Не то красный, не то желтый. Я наклонился и понюхал его. Потом опять взглянул на него и удивился: красный цветок на глазах превращался в желтый. Шаманский цветок! Я бросил этот гадкий цветок на землю и растоптал его, как противного зверька. Обернувшись к маме, я увидел, что ее уже нет. «Мама!— крикнул я.— Где ты? Зачем ты прячешься?» Я побежал в лес, но там не оказалось никого. Я готов был расплакаться. В лесу было жутко и пусто.

Вдруг совсем рядом я услышал голос: «Я здесь, сынок! Разве ты не видишь?» Но я никого не видел. «Я здесь! Почему ты не идешь сюда?» Я понял: голос шел из колючих кустов шиповника. Я бросился туда, но вместо мамы увидел шамана Нярмишку. Он корчил страшные рожи и показывал мне язык. Язык у него длинный, красный, слизистый. И он вытягивал его все больше и больше, ему не было конца. Я хотел бежать, но не мог сдвинуться с места. Ноги мои точно приросли к земле...

— Ах ты соня!— проснулся я от голоса мамы, наклонившейся надо мной.— Вставай, разве ты забыл, что сегодня день большого солнца, день твоего рождения.— Серые глаза мамы загадочно блестели.— Вот тебе подарок,— сказала она, положив сверток на постель. Кивнула мне и вышла из комнаты.

У меня еще слипались глаза, в голове было смутно. И я не сразу обратил внимание на сверток. На окне стояло большое солнце. Золотым конем стояло солнце. Мне хотелось вскочить на золотого коня и лететь над землей, над большой водой. Вчера вода подбиралась к дому. Я соскочил с постели и побежал посмотреть на большую воду. Большая вода сияла кругом, плескалась о бревна нашего дома. Наш дом будто плыл, как большая огненная лодка — пароход. Только рядом с пароходом никогда не плавают утки. Огненная лодка шумная. Шума боятся утки. Наш дом нешумный. Рядом с нашим домом плавают утки и селезни, и утки-шилохвосты. Только гуси, большие серые гуси, сидят далеко, наверно, боятся меня, большого.

Вода на озере голубая. Сколько на небе облаков, столько и на воде. Рядом с домом по колено в воде стоят чахлые березки. Они почернели от воды, от холода. Лишь тальничок не мерзнет. Но и тот не зеленый, а беловатый, словно его в снег обмакнули. Где-то слышно: «кака-уюв! кака-уюв!» Свиязи. Просвистев над головой, свиязи сделали круг и упали, всколыхнув воду.

Качнулись облака на воде. А изображения березок на зеркале воды стали качаться.

* * *

Белая ночь плывет над фиордом. Белесоватый свет струится над безмолвной гладью воды. Над водой безоблачное небо, бледное, немое, с легкими розоватыми облачками. И ни одной звездочки... Свет ровный, без оттенков. Тени мягкие, без резких границ. Чернеют прибрежные скалы с растущими на них сосенками. Из-за зубцов холмов виден цветной орнамент кровель домов города...

Небольшой норвежский городок Харстад с нарядными одно-двухэтажными домами привольно раскинулся между зелеными холмами.

У каменистого берега дремлют большие морские корабли и множество лодок, кажущихся издали игрушечными.

И я иду по каменистому пустынному берегу. Иду. Слушаю. Думаю. Иду мимо нарядных домиков, всматриваюсь в широкие окна домов. Как глаза чужих, незнакомых мне людей, они бесстрастно смотрят на меня.

Задумался и не заметил, как забрел на сети, разостланные по берегу. Как рыба, попался в рыбачью сеть.

Вдруг слышу окрик со стороны всегда безмолвных скал. От скал отделился человек. Он помчался ко мне, размахивая руками, что-то выкрикивая. Слов я не могу разобрать, но по тону догадываюсь, что незнакомец крепко ругает меня: попал в сети, как глупая рыба. Я остановился, не двигаюсь. Всматриваюсь в подходящего незнакомца. Это норвежец лет шестидесяти. Рыбак. Коренастый. На голове копна густых волос. Обветренное морщинистое лицо. Седые баки. Под густыми нависшими бровями глаза... В глазах мерцает угрюмая мысль мужественного мореплавателя. От глухого, но твердого голоса веет холодом Севера.

Почему-то он напомнил мне Генрика Ибсена, одного из любимых моих писателей. Сходство это подкупило меня, и я стал выходить из состояния растерянности. Снимаю кепку, извиняюсь за свою оплошность по-русски.

Глаза его, мгновение назад бывшие холодными, вдруг потеплели, в них будто замахали крыльями птицы удивления.

Извинившись, я пошел вдоль берега. Следом за мной зашуршала галька: норвежец шел за мной и что-то бормотал. Прибавив шагу, он вскоре догнал меня.

— Совет унион, Русь!— что-то в этом роде воскликнул он. Я в ответ кивнул.

Вскоре мы разговорились. Я говорил по-русски, мой незнакомец — по-норвежски. Скоро мы стали понимать друг друга. Не с помощью слов, а при помощи намеков, жестов.

Странно, но так. Бывает, что в своем народе, говоря на одном и том же языке, люди часто не понимают друг друга. Заметил, я люблю этот язык намеков и жестов, люблю выразительный язык умных, добрых, проницательных глаз.

За словами может скрываться зло, притворство, игра... Но попробуйте солгать глазами, жестом, намеками! Нелегко! Ой, нелегко!

Мой новый знакомый продолжал говорить что-то, ласково засматривая мне в глаза. Я понял, что он извиняется. У него не было заискивающего выражения лица. Я понял его так: мол, прости, что махал руками от мелочного негодования, был неукротим, даже несправедлив. Но видишь, признаю ошибку открыто и извиняюсь. Такова, мол, прямая натура северянина.

Глаза наши разговаривали... Вижу, он почувствовал, понял, что родился я недалеко от Полярного круга, почти на этой же широте, только за Уралом; что у нас такая же белая ночь и рыбный промысел для меня не просто знаком, а был источником жизни...

Он слушал мои глаза. Я слушал его глаза. И мы поняли, что на этой земле мы — северяне и у нас с ним много общего: и белая ночь, и большая вода, и юркие рыбы, метели, вьюги, морозы, большие яркие звезды и Полярный круг. Мы поняли, что надо нам протянуть друг другу руки.

Я был гостем на этой земле, не знал ее обычаев, потому не решался сделать это первым. Норвежец с улыбкой протянул свою большую мозолистую руку рыбака и так хорошо, крепко, по-северному пожал мои пальцы. Я ответил на улыбку, как отвечают северяне,— жестким рукопожатием и глазами, полными благодарности.

Рыбак понял рыбака. «Мой дом — твой дом!» — сказали его глаза. Рыбак пригласил меня в свой рыбацкий домик, приютившийся под скалой у самой воды. Домик небольшой, в два окна. В углу печь не печь, камелек не камелек, а что-то среднее... Деревянный стол и стулья. По стене скамейки из такого же светлого дерева. И стены из досок. Тут и там развешаны сети, рыболовные снасти, веревки. И около домика на жердях рыболовные снасти, весла, багры. Против домика у отмели, на большой воде, маячит на якоре большая моторная лодка... Впрочем, весь берег в катерах, лодках.

Мой новый знакомый заварил кофе. И мы пили кофе, как на Севере пьют чай. Мы пили кофе, и мир теплел, становился понятнее.

Большой золотой рыбой выплывало солнце из моря. Засиял фиорд, заискрился серебряными бликами. И побежала по воде широкая золотая дорога, то суживаясь, то расширяясь. Она волновала душу, звала из скалистых берегов фиорда в открытую даль...

Вдали было море, Ледовитый океан. Воды Ледовитого омывают берега моей Сибири и Норвегии. Нас связывает большая вода океана. Нас связывают льды, метели, полярная ночь, Полярный круг и пронзительный

северный ветер. Мы северяне... У нас много общего. Неужели мы, северяне, не пойдем по одной дороге — дороге дружбы и мира?

Накануне дня летнего солнцестояния в Харстаде выпал снег. Погода стояла тихая. Но снежок все же завихрился. Кружившиеся в сумрачном небе снежинки казались серыми. А земля искрилась белой пеной. В белой пене тонули отвесные скалы фиордов... Море стало бурочерным, как шкура росомахи. Мягкий снежный воздух доносил отголоски его глухого однообразного шума.

Я стоял на скалистом берегу фиорда, стараясь если не понять, то хотя бы седьмым чувством почувствовать Норвегию, страну викингов, вдохновенных саг, страну Генрика Ибсена и Кнута Гамсуна, Эдварда Грига!

Было удивительно тихо. Даже вечно крикливые чайки молчали. Они сидели на больших камнях в расщелинах скал. А снег тихо кружился. В этой тихой вьюжной круговерти казалось, будто я сам поднялся в воздух и кружился вместе со снежинками. Но длилось это лишь какое-то мгновение. Потом я словно снова опустился на землю. А думы продолжали кружиться, думы о земле и небе, о белых птицах и белом снеге в июне, о человеке Севера и его борьбе со стихией...

Я думал о том, как люди этого скалистого берега земли воспринимают мир, что чувствуют, как думают. Вижу, у нас много общего: одно небо над нами, одно солнце над нами, одна белая ночь над нами, одно полярное сияние. Оказывается, снег, выпавший в июне,— явление привычное и для норвежцев.

И они так же, как жители нашего Севера, любуются очарованием белой ночи, радуются солнечному теплу, веселому огню. Знаю, они так же мерзнут в стужу, шагают в темноте полярной ночи, проваливаясь в снег, борются со снегом, как с духом зла.

И так же ценят тепло человеческого общения, любуются своими детьми, думают об их будущем, любят и страдают, знают и радость и отчаяние.

Наверное, защищать Природу — это значит защищать Человека от бездуховности, защищать его естество.

Заячьи глаза бегут. Собачьи — убеждают в преданности, волчьи — неистово рычат. Медвежьи глаза окаменело глядят на живой и журчащий мир. Даже взгляд орла парит по высокому небу дремучим зверем. Лишь в глазах человека не остановился мир. В них играет ум, резвится красота, плывет река, горит мгновение. В них столько света! Будто вся энергия вселенной притаилась в этих нежных, зорких, пытливых, страстных очах!..

Миллионы лет ветер ходил рядом с человеком, снег кружился над его головой. Съежившись от дождя, приютившись под деревом, дрожа от холода, человек думал, выбирал способы борьбы с непогодой. У него был мозг. А еще ноги и руки. Ноги шли вперед. Руки творили.

За всю свою многовековую жизнь человек воевал с камнем, бронзой, железом, сталью, деревом, подавлял их сопротивление, превращал в своих помощников в многотрудной созидательной миссии. Каменный топор, лодка, станок, паровоз, самолет, автомобиль, космический корабль... Человек всю жизнь занимался добычей огня. Сначала — костер, теперь — атомная энергия.

У костра он грелся, наслаждаясь рыбацкой ухой. А чем он будет наслаждаться, если употребит во зло данную ему мощь, если нажмет на кнопку ядерного устройства?! Своим смертоносным могуществом? Но можно эту силу употребить на благо, уничтожить холод, развеять мглу, осветить сердце. Чтобы народы, распри позабыв, по-человечески зажили, соединясь в единую семью землян.

Разве не такая атмосфера — тепло улыбок, дружеское взаимопонимание, восторг — окружала нас на фестивале искусств народов, проживающих у Полярного круга!

Наш катер разрезает зеркальную гладь воды. Сегодня двадцать второе июня — день летнего солнцестояния. Над изумрудно-зелеными скалами играет большое солнце. И плывут над морем песни — русские и английские, шведские и норвежские, финские и мансийские...

Играет большое солнце. Но я помню, что мир разделен не только на континенты. Есть мир социальной справедливости и добра — наш мир, мир наших друзей из братских стран социализма. Но есть мир гонений, холода и отчужденности. Золотым оленем счастья кочует солнце по нашей стране, но где-то льется кровь людей.

Писатель не может оставаться спокойным, не имеет права стоять в стороне от проблем всей Земли, человечества. Думаю об этом и пишу:

Там, где гаснет огонь, где сердца холодны,
Там беззвучно рождается ветер войны.
Тихой-тихой змеей он ползет по земле —
Не забудьте, земляне, о мирном тепле!
Не забудь, человек, о высоких кострах,
Даже если и солнце в твоих теремах...

На журавлином озере

Хороша зима. Снег. Морозец бодрящий. На коньках катаешься. На лыжах летишь. Деревья стоят, как мертвые. Реки и озера мертвые. А ты летишь. Сквозь снег летишь. Навстречу жизни летишь.

Хороша зима. Да уж больно длинны ночи. И морозы жгучие. И метели, как заунывные сны... И невольно заговоришь, призывая весну:

Синяя весна!
Пеньем птиц оживи озера и леса!..

И весна приходит. Но не сразу. Выглянет солнце. Сядет на дерево и смотрит. Как ты мерзнешь на снегу. Сверкнет улыбкой и снова спрячется. А само слушает за снегами, не скажешь ли ты слово.

Первой капелью прозвенит весна, потом улыбнется улыбкой большого солнца, легким южным ветерком прокатится по голым ветвям.

И в шуршанье тающего снега, и в лепете лебедей, белых как снег, и в гоготе гусей, серых, как просыпающаяся утренняя земля,— всюду торжествует жизнь. Победоносна весна, как солнце! Прекрасна весна, как жизнь!

...Наш вертолет парит над синей тайгой. Его крылатая тень то купается в серебряных блюдцах озер, то скользит по песчаным отмелям реки, где чернеют утки и гуси, то летит по зелени леса рядом с тенью лебединой стаи. Лебеди машут белыми крыльями. Вертолет железно гудит. И я не слышу курлыканья лебедей. Но ясно вижу взмахи их могучих крыльев, на которых, по преданьям, на Север прилетает весна.

От Кольского полуострова до Чукотки — синяя весна, природа пробуждается от спячки. Я думаю о пробуждении родного края, о сотворении чуда, которое произошло на этом безмолвном пространстве за полвека.

Помню: я бежал по песчаной косе. Летели брызги из-под босых моих ног, передо мной взлетали утки. Я хотел их поймать, но они взмахивали крыльями и летели в синь. У меня не было крыльев. Я завидовал птицам. Мне тоже хотелось в небо...

Однажды к нашей деревне причалил самолет. Сначала он парил высоко над лесом, над деревней, над людьми, потом снизился и, пробежав птицей гагарой по широкому плесу реки, подплыл к берегу, как лодка.

Сегодня люди в космос летают. Мы привыкли к ракетам, космическим кораблям. А тогда первый самолет показался мне чудом. И наверно, не потому, что был я еще маленьким! Ведь полету птиц я не удивлялся. Чудом показался самолет не только мне, но и маме, и отцу, дедушке и бабушке. Видно, они ахнули, увидев «летящую лодку» над их деревней. Сто лет и зим жил мой

дедушка. Но он про такое не слыхивал, чтобы лодки над головой летали, а не по воде плавали. Потому и ахнул. Сто лет и зим жила моя бабушка. Но и она даже и во сне не видела, чтоб над ее тихой деревней, над которой вьются лишь птицы, что-то другое летало: огромное, гулкое, железное. Если бы они про это чудо знали, знал бы и я. Вместе с молоком матери я бы впитал в себя этот гром железный, этот полет крылатой лодки. Я бы знал про крылатую лодку так же, как про уток, которые так вкусны раннею весною. Когда в первый раз отец принес утку, я уже знал ее запах. Не видел ее еще никогда, так как был мал, а вкус ее дико-нежный знал, как сказку. А теперь никто в мансийской деревне не удивляется полету человека в космос. Все стало обычным. Необычной стала сказка про волшебный инструмент Торыг, про волшебную птицу Лебедя, про священного Журавля.

О, я был на медвежьем игрище! Сам, своими ушами слышал волшебную песню журавля. Нет, это не птица была! Слух мой был зачарован звуками струн многострунного инструмента. Вы, конечно, этот инструмент не видали. Мало их стало. И хранятся они у самых древних стариков. И не всякому дано на него взглянуть, услышать его последнюю речь и последнюю журавлиную песню. Он считается у стариков священным. Но я его видел и слышал. Похож Торыг на птицу. На самую большую птицу, которая садится на воду. Ханты его называют лебедем, манси — журавлем. Разницы нет между ними. Лебедь и журавль-стерх — большие птицы, белые птицы, вещие птицы. Не любят они кричать понапрасну, а если запоют вечное, лебединое, журавлиное «курлы-курлы», то, значит, надо прислушаться к их голосу, и понять: в мире что-то происходит. Значит, что-то важное они хотят сказать людям. И слушают люди, не перебивая священную песню лебедя-журавля.

А еще расскажу вот что.

На берегу озера, на небольшой лужайке я видел двух

белых птиц — журавлей-стерхов. И замер, завороженный их танцем. Высоко вскинув голову, белоснежный журавль кружил по лужайке, то ускоряя, то замедляя шаг. Он то вытягивал и отклонял шею, то кивал в такт головой. Журавлиха стояла не шевелясь, будто заснеженный идол. Она, наверное, была зачарована танцем. Журавль расправил могучие крылья и теперь уже не вышагивал, а летел, как олень, едва касаясь земли. Но это был не полет, а танец. Свадебный танец белого журавля перед белой журавлихой. Глаза мои росли. Во мне росло желание подойти ближе, чтобы лучше разглядеть чудо, творимое журавлями. Я шевельнулся. Танец оборвался. Две белые птицы рванулись в небо. Качнулись облака. Замерла земля. Все вокруг помертвело. Редко кому выпадает счастье услышать песню журавля. А видеть танец — тем более.

Когда-то такие озера считались священными. Рядом с деревнями обязательно были священные урочища, речки, где нельзя было не только ловить рыбу, птицу и зверя, но и шуметь. Это своего рода заповедники. В них восстанавливалось потомство, отнятое в другом месте человеком.

В журавлином озере золотая гладь,
Никогда не туманится та золотая гладь.
На золотой глади не белые облачка,
На золотой глади белые птицы
В белую почь танцуют белый танец.
У журавля-стерха белая шуба.
У журавля-стерха граненый клюв.
У журавля-стерха красная кайма на глазах,
Золотая песня на устах.

Я смотрю. Слушаю весну, лето, осень. В плеске живой воды, в пенье птиц, даже в кваканье лягушки мне иногда чудится сказочный голос жизни. Во мне все оживает. И я просыпаюсь, как медведь после долгой зимней спячки. И верю в доброе начало человека, в его труд, мастерство, в его свет человечности.

Содержание

К читателям этой книги 3
Добрая сказка — товарищ в пути 5
Слово перед дорогой 11
Слово-песня 15
Слово-песня 20
Большой реке — большая рыба 37
На рыбалке детства 39
Снова на Оби 46
Дядя Паял 52
Без охотника лес — сирота 65
У хозяйки Вормис-най 70
Лесной санитар или убийца? 84
Встречи на ленинградской земле 96
Быть хозяином 98
Ладога 103
Оредежская сага 114
Течет река Оредеж 117
Зеленый целитель 125
На таежном игрище 132
Когда оживает сказка 135
Сказание о Хул-мастыре 141
Прозрение Вортолнута 144
Назови по имени 150
Тундра 151
От сердца — к сердцу, от песни — к песне 159
Дума огнедобытчика 166
Назови по имени 171
Сияет белая ночь 178
Белая ночь 180
На журавлином озере 188

266752004
Окружная библиотека

55 коп.